

БИБЛИОТЕКА
«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. ДИПЛОМАТИЯ»

АН. КОВАЛЕВ

**АЗБУКА
ДИПЛОМАТИИ**

БИБЛИОТЕКА
«ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, ДИПЛОМАТИЯ»

А. Н. КОВАЛЕВ

АЗБУКА ДИПЛОМАТИИ

(изд. 4-е, переработанное и дополненное)

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1984

ББК 67.91

К 56

Ковалев Ан.

К 56 Азбука дипломатии: 4-е изд. — М.: Междунар. отно-
шения, 1984 — 248 с. (Внешняя политика. Дипломатия).

Книга видного советского дипломата вызвала большой интерес у читателей. Настоящее, четвертое, издание автор дополнил новыми материалами. Книга помогает понять сложный процесс рождения слова, идущего от имени государства во внешний мир, значение дипломатических акций, позволяет заглянуть за фасад дипломатической деятельности.

Написанная в форме живого и увлекательного рассказа, книга рассчитана как на специалистов, так и на широкие круги читателей.

К $\frac{1207000000-001}{003(01)-84}$ 54-84

ББК 67.91

Дипломаты,
дипломаты —
на переднем
крае
мира!
Р. Рождественский
«ДИПЛОМАТАМ
НАШИМ»

НОВОЕ В «НОВОЙ ДИПЛОМАТИИ»

День у людей начинается по-разному: неодинаковы их место в обществе, образование, привычки; в каждой стране свои социальные условия, обычаи. Но повсюду день человека начинается с новостей.

В каком бы уголке земного шара ни возникала военная угроза: в центре Европы или в джунглях Африки, в лазури Средиземноморья или на пространствах Азии, — она отдается в душах миллиардов людей сигналом тревоги, гневом к виновникам международных осложнений. И напротив, достижение соглашений, пусть поначалу сравнительно ограниченных, но все же уменьшающих международную напряженность, согласование мер, притормаживающих гонку вооружений, осуществление акций, сковывающих происки агрессивных сил и колонизаторские поползновения, рождают мощное и многоголосое эхо — эхо одобрения. Усиливаются требования еще основательнее и решительнее взяться за оздоровление международной обстановки, за перестройку международных отношений на основах мирного сосуществования, обеспечения мирного будущего, свободы и независимости народов.

Что несет с собой наступающий день? Во что могут вылиться события, происходящие по соседству или за тридевять земель? Можно ли ожидать успеха от переговоров, происходящих на берегах Женевского озера или под крышей небоскреба ООН в Нью-Йорке? Что нового вносят в международную жизнь только что состоявшиеся встречи и визиты государственных деятелей? Что несут с собой планы, вырабатываемые на сессиях НАТО? Какими последствиями чреваты перебрски

парашютистов, морской пехоты, крейсерование авианосцев и подводных лодок у чужих берегов? Ответы на эти и подобные им вопросы ищут в передачах последних известий, в сообщениях газет и в журнальных статьях, в выступлениях комментаторов по радио и телевидению.

В потоке международной информации особенно пристальное внимание вызывает всякое проявление позиции государств, в первую очередь крупных держав. Ноты, послания, меморандумы, заявления официальных лиц изучаются, анализируются, сравниваются... Народы хотят знать правду о происходящем в мире. Времена, когда удовлетворение интереса к внешним делам было доступно лишь незначительной привилегированной части общества, а их ведение было окутано покровом тайны, канули в прошлое. Народы стремятся не только иметь свое суждение о том, насколько внешняя политика и дипломатия правительств на деле служат целям мира и социального прогресса, но и на основе этого суждения влиять на ход международных событий.

Осуществление генерального курса внешней политики Советского Союза, определенного съездами партии, Программой КПСС, проходит в сложных условиях борьбы двух общественных систем. Одним из участков этой борьбы является область официальных отношений государств, где советская дипломатия скрещивает свое мирное оружие с империалистической дипломатией.

Усилия Советского государства направлены на то, чтобы обеспечить советскому народу мирную жизнь. Империалистические государства всячески стараются осложнить внешние условия строительства коммунизма в нашей стране.

Советский Союз делает все, чтобы крепить единство и сплоченность социалистических стран, их дружбу и братство. Империалистические государства прикладывают немало сил для того, чтобы подорвать эту сплоченность и дружбу, ослабить главный оплот мира и социального прогресса — великое содружество социалистических стран.

Деятельность Советского Союза на международной арене служит поддержке освободительных революционных движений, всемерному развитию солидарности и сотрудничества с независимыми государствами Азии, Африки, Латинской Америки. Со стороны же империалистических государств не прекращаются попытки любыми средствами, вплоть до применения оружия, остановить национально-освободительное движение, затормозить переход на путь социализма новых народов.

Советский Союз последовательно утверждает в междуна-

родных отношениях принципы мирного сосуществования государств с различным социальным строем, а империалистические государства идут на это только под давлением обстоятельств, и прежде всего в результате изменения соотношения сил на мировой арене.

Уже из одного сопоставления целей и направлений внешнеполитической деятельности Советского Союза и империалистических государств видно, что противоборство двух дипломатий — социалистической и империалистической приобретает порой весьма острый характер, а их сотрудничество выливается в формы, не всегда достаточно завершенные и устойчивые.

Противодействие политике упрочения мира, дружбы и сотрудничества между народами, разрядки международной напряженности дополняется нападками на сами методы советской дипломатии. Не случайно поэтому за рубежом появляется немало работ буржуазных авторов, трактующих на первый взгляд проблемы современного дипломатического искусства, «новой дипломатии», но по сути дела ведущих атаку именно на советскую дипломатию. Содержащаяся в этих работах критика идет значительно дальше критики приемов и форм, применяемых советской дипломатией. Она направлена — прямо или исподволь — против той политики мира, отстаивания свободы и независимости народов, укрепления социализма, проводником и инструментом которой является советская дипломатия.

В буржуазной литературе по внешнеполитическим вопросам бытуют термины «старая дипломатия» и «новая дипломатия». Действительно, за последние полвека в методах и приемах дипломатии произошли изменения, существенно отличающие дипломатию времен Талейрана и Бисмарка от дипломатии наших дней. Однако на научную точность эти определения дипломатии претендовать не могут, поскольку они смазывают суть дела — классовую природу дипломатии тех или иных государств. Тем не менее полемические стрелы, направленные против «новой дипломатии», имеют достаточно явственный социальный адрес. В этом нетрудно убедиться, если обратиться, например, к известной книге Г. Никольсона «Дипломатическое искусство» — труду действительно солидному, отмеченному высоким профессионализмом и не случайно переведенному на многие языки мира.

Г. Никольсон объявляет отцом «новой дипломатии» президента США времен версальского мира Вудро Вильсона, а ее метод — «американским методом» в отличие от греческого, итальянского и французского методов «старой дипломатии».

Г. Никольсон обрушивается на первый из «четырнадцати

пунктов» президента Вильсона, в котором провозглашалось, что «дипломатия будет действовать откровенно и на виду у всех». Может быть, Г. Никольсон как приверженец приемов традиционной дипломатии опасался, что будет заподозрен в излишнем прямотии, если, вместо того чтобы сослаться на «четырнадцать пунктов» президента Вильсона, он обратится к первому внешнеполитическому акту Советской власти — Декрету о мире? А ведь именно там впервые в истории было выражено «твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом»¹. И Советское правительство сразу же подкрепило делом переход к новым методам дипломатии: оно опубликовало секретные договоры и соглашения царского и Временного правительств.

В документе НКВД от 22 ноября 1917 г. по поводу опубликования этих договоров и соглашений говорилось: «Упразднение тайной дипломатии есть первейшее условие честности народной, действительно демократической внешней политики. Проводить такую политику на деле ставит своей задачей Советская власть»².

Нет, не американскую дипломатию критикует Г. Никольсон, а советскую, и, указывая на американского президента, он вступает в спор с принципами внешней политики и дипломатии, провозглашенными В. И. Лениным.

Зачем понадобилось одному из виднейших знатоков теории и практики буржуазной дипломатии сначала избрать себе ложную мишень, а затем как бы дуплетом стараться попасть в своего настоящего противника? Нам кажется, тут действуют следующие соображения.

Во-первых, Г. Никольсон походя пытается умалить, а точнее говоря, свести на нет значение того революционного переворота, который совершило во всей системе международных отношений и в методах современной дипломатии Советское государство. Конечно, автор ряда фундаментальных трудов по дипломатии не столь наивен, чтобы принять за чистую монету демагогические проповеди президента В. Вильсона, рассчитанные на то, чтобы утихомирить волну революционных настроений масс, поднявшуюся в результате первой мировой войны. И все же Г. Никольсон предпочитает воевать с тенью Вильсона, делая вид, что в гласности, публичности современной дипломатии, в пробуждении к ней интереса широких народных масс «повинна» не Великая Октябрьская социалистическая революция, а «идеализм» американского президента.

¹ *Документы внешней политики СССР*, т. I М., 1957, с. 13.

² *Там же*, с. 21.

Во-вторых, критика методов советской дипломатии, проводимая не прямо, а под личиной критики дипломатии американской, может вызвать больше доверия у читателя: ведь как-никак английский дипломат критикует дипломатию державы — союзницы Англии. «Не сто́ит ли поразмыслить над этой критикой?» — спрашивает себя читатель, не разглядевший расставленной западни. А начав размышлять в направлении, predetermined автором, вступает на эскалатор аргументов, доставляющий читателя не на позиции отрицания методов империалистической дипломатии, в частности американской, а на позиции отрицания методов того демократического, невиданного в истории, что внесла в практику межгосударственных отношений дипломатия первого в мире социалистического государства.

В-третьих — и это, возможно, самое главное — критиковать исподволь, методом дуплета, легче, чем выступить против советской внешней политики, ее дипломатии с открытым забралом. Критик сам конструирует себе мишень, сам наносит на нее «яблочко» размером побольше, сам устанавливает себе дистанцию для ведения огня, и что ни выстрел — то в «десятку». Если бы Г. Никольсон прямо назвал объект своей критики — социалистическую дипломатию, то все допускаемые им передержки сразу же всплыли бы наружу. И попробуй его уличить в искажении методов и целей советской дипломатии, когда он заранее перестраховался, заявляя, что критикует якобы не советскую, а американскую дипломатию! Только «критикует» весьма своеобразно: не за методы, присущие именно американской дипломатии, — попытки проводить политику «с позиции силы», вмешательство в дела других стран и народов, угрозу применения силы, экономический и политический диктат, а за методы, присущие советской и вообще социалистической дипломатии, и прежде всего за гласность, за обращение к народам, за посвящение народов в актуальные дела международной политики.

Что же касается советской дипломатии, то, отмечая, что ее деятельность в иностранных государствах и на международных конференциях «внушительна, напориста», Г. Никольсон вообще отказывается признать за ней качества, свойственные дипломатии как таковой. «Я ни на минуту не преуменьшаю ни ее силу, ни ее опасность, — пишет Г. Никольсон. — Но это не дипломатия, это нечто другое»³. Да, с точки зрения теоретика буржуазной дипломатии, это «нечто другое».

«Социализм противопоставляет империализму новый тип

³ Никольсон Г. Дипломатическое искусство. М., 1962, с. 103.

международных отношений, — указывается в Программе КПСС. — Внешняя политика социалистических государств, в основе которой лежат принципы мира, равноправия, самоопределения народов, уважения независимости и суверенитета всех стран, а также честные, гуманные методы социалистической дипломатии оказывают возрастающее влияние на мировую обстановку»⁴.

Основоположник школы так называемого «политического реализма» американский профессор Г. Моргентау считает, что в настоящее время дипломатия не выполняет больше той роли, часто яркой и всегда важной, которую она выполняла до первой мировой войны. Он говорит о «падении», об «обесценении» современной дипломатии, в особенности вследствие того, что в ней не придается прежнего значения такому конкретному аспекту дипломатической техники, как секретность. В своей книге «Международная политика»⁵ Г. Моргентау приходит к следующей сентенции: «Если война не неизбежна, то тогда нужно рассмотреть условия, необходимые для возрождения дипломатии и для ее успешной деятельности на службе мира».

Откуда такой пессимизм? Почему дипломатия нуждается в «возрождении»? Разве серия важных международных договоров и соглашений последних лет, в том числе советско-американских, не свидетельствует возможности сотрудничества дипломатии социалистической и дипломатии буржуазной? Разве при осуществлении поворота от «холодной войны» к разрядке средства дипломатии лежали под спудом? Нет, факты говорят иное. Не заслуживают серьезного разбора допускаемые Г. Моргентау нападки на советскую дипломатию и дипломатов — его утверждения просто голословны. Если бы маститый профессор дал себе труд выяснить мнение тех своих американских коллег, которые не понаслышке, а на деле знают качества советских дипломатов, встречались с ними за столом переговоров, то ему пришлось бы кое-что вычеркнуть из своей книги...

По мнению Г. Моргентау, в своем самом широком значении наука дипломатии состоит из четырех элементов:

1. Дипломатия должна определять свои цели в свете той силы, которая действительно или потенциально имеется в ее распоряжении для осуществления этих целей.

2. Дипломатия должна оценивать цели других стран и ту силу, которая действительно или потенциально имеется у нее для осуществления этих целей.

⁴ *Программа Коммунистической партии Советского Союза*. М., 1976, с. 56.

⁵ *Morgenthau G. Politics among Nations*. N. Y., 1973.

3. Дипломатия должна определять, в какой степени эти различные цели совместимы друг с другом.

4. Дипломатия должна использовать средства, пригодные для осуществления этих целей.

В распоряжении дипломатии имеется три средства: убеждение, компромисс и угроза силой.

«Искусство дипломатии, — пишет Г. Моргентау, — состоит в том, чтобы сделать правильный акцент в каждый конкретный момент на одном из этих трех средств, имеющихся в ее распоряжении. Дипломатия, которая успешно осуществляет и другие функции, может потерпеть неудачу при защите своих национальных интересов и в сохранении мира, если она будет делать упор на убеждение в то время, когда прежде всего обстоятельства требуют компромисса. Дипломатия, которая делает ставку на компромисс в то время, когда необходимо прежде всего продемонстрировать военную мощь государства, или же подчеркивает военную мощь в условиях, когда политическая ситуация требует убеждения и компромисса, также потерпит неудачу».

Г. Моргентау хватает «политического реализма», чтобы сделать вывод, что никакая дипломатия, полагающаяся только на угрозу силой, не может претендовать на то, что она является «разумной и мирной». Однако «силовой фактор», приспособляемый к установке на политику «с позиции силы», явно доминирует в рассуждениях Г. Моргентау.

Г. Моргентау, как и Г. Никольсону, нельзя по крайней мере отказать в том, что они пытаются построить концептуальный подход к значению и роли дипломатии в современном мире. А вот если обратиться к книге бывшего гитлеровского дипломата Виперта фон Блюхера «Пути и заблуждения дипломатии»⁶, то в ней по сути дела аналогичные тезисы выражены весьма откровенно с позиции ничем не маскируемой враждебности к Советскому Союзу, к миру социализма.

Фон Блюхер утверждает, что так называемая «тайная дипломатия» была превращена в одного из козлов отпущения при поисках причин возникновения первой мировой войны и что этим и объясняется острая критика «тайной дипломатии». Поскольку же «тайная дипломатия» нашла единодушное осуждение мировой общественности, то даже президент Вильсон счел необходимым выступить против нее в своих «четырнадцати пунктах». Фон Блюхер, правда, признает, что Октябрьская революция «в корне революционизировала веко-

⁶ *Wipert von Blucher. Wege und Irrwege der Diplomatie. Wiesbaden, 1953.*

вые понятия» и ввела в жизнь метод, «подобного которому не было во всей истории дипломатии»⁷, — метод обращения к народам, к трудящимся массам.

Объявляя советскую дипломатию «чужеродным телом» в системе современных международных отношений и констатируя, что советская дипломатия и традиционная буржуазная дипломатия противостоят друг другу, фон Блюхер приходит к естественному вопросу: как же осуществляется сотрудничество между ними? Его ответ гласит: «При несовместимости целей и различных методов такое сотрудничество выглядит как квадратура круга»⁸. В этом выводе все стало на свои места: нападки западногерманского автора на методы советской дипломатии служат тому, чтобы найти еще один множитель для тех политических и идеологических величин, из которых складывается проповедь реваншистских воззрений.

Отставные буржуазные дипломаты еще могут тешить себя надеждой, что «принципы серьезной дипломатии (т. е., по Никольсону, дипломатии периода безраздельного господства в международных отношениях империалистических держав. — А. К.), которые являются неизменными, в конце концов возьмут верх и внесут успокоение в тот хаос и всеобщее замешательство, которыми знаменуется переход от старой дипломатии к новой»⁹. Ну а ведомства иностранных дел, в которых они когда-то служили, смотрят на положение дел в мире куда реалистичнее. Они давно используют все доступные им средства воздействия на общественное мнение для более широкой поддержки своих внешнеполитических акций как внутри страны, так и за рубежом. Во все большей степени это сказывается и на документах дипломатической переписки, которые изготавливаются в канцеляриях указанных ведомств, — как правило, они рассчитаны на публичность или по крайней мере на возможность обнародования впоследствии. И сколько бы приверженцы так называемой «классической дипломатии» периода от Венского конгресса 1815 года до первой мировой войны ни призывали вернуться к методам «тайной дипломатии», ни выступали против «дипломатии при помощи громкоговорителей», «дипломатии по телевидению», их призывы звучат все глуше, все обреченнее. «В новую историческую эпоху, — указывается в Программе Коммунистической партии Советского Союза, — неизмеримо возросли возможности народных масс активно вмешиваться в решение междуна-

⁷ *Ibid.*, S. 150.

⁸ *Ibid.*, S. 160.

⁹ Никольсон Г. Дипломатическое искусство, с. 106.

родных вопросов. Народы все активнее берут решение вопроса о мире и войне в свои руки»¹⁰.

В последние десятилетия со стороны наиболее дальновидных буржуазных исследователей все чаще предпринимаются попытки выработать новый взгляд на методы и практику дипломатии, отвечающий реальности сегодняшнего дня, хотя сила инерции прежних представлений дает о себе знать и в их работах. Определенный интерес в этом отношении представляет книга видного государственного деятеля Канады Лестера Б. Пирсона «Дипломатия в ядерный век»¹¹.

Автор исходит из того, что изменение политического характера общества в той части земного шара, где проживает более чем одна треть населения, и исключительно быстрое развитие связей оказали большое влияние на дипломатическую деятельность и на методы дипломатии. По мнению Л. Пирсона, в век ядерного оружия основательно изменились отношения между государствами и самые методы осуществления внешней политики, что находит свое выражение прежде всего в тенденции переплетения политики и дипломатии, совмещения их функций. В отличие от многих других западных авторов, цепляющихся за каноны «классической дипломатии», Л. Пирсон прямо говорит о том, что у дипломатии есть пропагандистская функция и что следствием этой пропагандистской функции дипломатии является то внимание, которое уделяется в наше время распространению в других странах лучших национальных достижений культуры, созданию благоприятных условий для насаждения доброй воли, политической благожелательности и взаимовыгодных экономических отношений. Для достижения этих целей необходимо наладить контакт с массами. Поэтому хороший дипломат, замечает Л. Пирсон, всегда так или иначе остается пропагандистом или, если предпочитаете иное выражение, распространителем взглядов и мнений. В книге «Дипломатия в ядерный век» подчеркивается, что в наши дни средства и методы пропаганды и взаимоотношения с общественностью являются значительно более эффективными, чем они были раньше, значительно расширилась аудитория — она включает теперь всех людей мира.

Перед нами довольно цельная концепция взглядов о характере «новой дипломатии». Однако мы не получили бы полного представления об этой концепции, если бы не

¹⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 58.

¹¹ См. *Pearson Lester B. Diplomacy in the Nuclear Age. Cambr., 1959.*

остановились на следующем рассуждении Л. Пирсона: «Цели и форма переговоров являются по сути дела столь же важными элементами нашей силы, как и военная мощь. Мы часто забываем об этом. Если наше вооружение устарело, если мы вооружены штыками, а не ракетами, нам скоро об этом напоминают... Если же, однако, цели нашей дипломатии ошибочны и близоруки или если наша тактика слаба и робка, опрометчива и опасна, всегда могут быть найдены пути и средства скрыть это, всегда можно придумать какое-либо объяснение.

Недостатки дипломатии или политики можно скрыть за железным, бархатным или даже словесным занавесом так, что их отрицательное влияние длительное время будет оставаться незаметным. С помощью умелой пропаганды даже неудачу можно превратить в кажущийся успех. Переговоры же между ведущими деятелями различных стран, протекающие на виду у общественности, следует вести так, чтобы исключить возможность неудачи — по крайней мере на некоторое время». «В этом, — делает вывод Л. Пирсон, — заключается одна из причин того, что дипломатические переговоры следует в основном проводить за закрытыми дверями».

Чем вызвано частичное обращение буржуазной дипломатии к приемам «открытой дипломатии»? Налицо своеобразная мимикрия дипломатии империалистических государств. Она вынуждена внешне перестраиваться, перенимать окраску того мира, в котором ей приходится действовать и в котором в результате огромных исторических сдвигов народы, трудящиеся массы приобретают все больший голос в решении вопросов войны и мира.

В пользу обновления методов дипломатии, в частности американской, высказывается в своей книге «Профессиональный дипломат» американский автор Джон Э. Харр¹². Он делает определенный вывод, что традиционные методы дипломатии потеряли эффективность в условиях новой международной обстановки и что в настоящее время основной чертой дипломатии является оказание своего влияния везде, где это ей представляется целесообразным.

Для современной дипломатии характерно, пишет Джон Э. Харр, что в международных отношениях важную роль играют не только государственные деятели, но и народные

¹² *Harr John E. The Professional Diplomat. New Jersey, 1969.* Джон Э. Харр — специалист, принимавший участие в работе «комитета Гертера» (комитет по делам персонала, работавшего в области иностранных дел в 1962 г.), а затем в работе группы планирования управления госдепартамента.

массы. Ссылаясь на доклад «комитета Гертера», автор подчеркивает, что ориентировка на народные массы характерна не только для программ в области информации или экономической помощи, но и в «традиционной деятельности дипломатической службы», где «необходимо уделять значительно большее внимание многим силам, фракциям и интересам, действующим на местах, помимо уделения внимания стоящему у власти правительству».

Видный американский политолог Джон Стоссинджер в книге «Могущество наций» (Нью-Йорк, 1975), ссылаясь на четыре элемента дипломатии, отмеченных Г. Моргантау, считает, что в прошлом дипломатия хорошо удовлетворяла этим условиям.

Стоссинджер повторяет сомнения других буржуазных авторов относительно ведения переговоров под «прожектором публичности». Он считает, что для дипломата становилось все более трудным, если не невозможным, отказываться на глазах общественности, отступить от своих позиций ввиду опасений, что это «может быть осуждено соотечественниками как акт трусости или отступления перед лицом врага». В этих условиях «дипломатия становилась жертвой публичности, — утверждает Стоссинджер. — Компромисс становился скорее исключением, чем правилом», а «участники переговоров все чаще стали обращаться к публике, а не друг к другу».

В то же время у Стоссинджера не вызывает сомнений, что «многие из наиболее позитивных аспектов старой дипломатии малопригодны» к современному миру по политическим мотивам, а также ввиду того, что «быстрое развитие науки и техники, а также средств связи радикально изменило характер дипломатии» и что этот процесс невозможно остановить или повернуть вспять. Автор признает, что, «несомненно, было бы чрезвычайным упрощением возлагать вину на обесценение дипломатического общения исключительно, и тем более в первую очередь, на пороки открытой дипломатии».

Для того чтобы объективно оценить достоинства и недостатки как открытой, так и секретной дипломатии, Стоссинджер считает необходимым подходить к ним в соответствии с особенностями и «потребностями каждой конкретной ситуации».

В общем и целом Стоссинджер считает, что профессия «дипломата далеко не стала устаревшей: все дело в том, что требования к ней стали более жесткими и что дипломат должен действовать в гораздо более трудных условиях».

Тоска по «старым добрым временам», когда международные дела не находились под контролем общественного

мнения и вершились за спиной народов, — таков лейтмотив причитаний буржуазных авторитетов по поводу «новой дипломатии». Одной из ярких иллюстраций этого может служить следующий эпизод, прокомментированный бойким журналистским пером.

В конце 1963 года правительство Франции со всеми мерами предосторожности, полагающимися в таких случаях, направило в Вашингтон знаменитую картину Леонардо да Винчи «Мона Лиза (Джоконда)». Как известно, улыбка Моны Лизы до сих пор дает неистощимую пищу для искусствоведов и любителей живописи спорить о толковании ее смысла¹³. Что означает улыбка Моны Лизы?

«Мона Лиза» предприняла свое путешествие из Лувра в Вашингтонскую национальную галерею в связи с тем, что, как утверждали журналисты, это творение Леонардо да Винчи было особенно близко президенту Дж. Кеннеди и его семье и генерал Де Голль хотел сделать жест личного внимания на фоне расширяющихся трещин во франко-американских отношениях. Появление «Моны Лизы» в американской столице дало повод известному американскому журналисту Д. Рестону выступить с фельетоном по поводу методов «новой дипломатии». «Изящные искусства, — писал он 10 февраля 1963 г. в «Нью-Йорк таймс», — стали сейчас орудием новой дипломатии. Но более того, фактически почти все является орудием новой дипломатии: искусство, промышленные выставки и ярмарки, обмен студентами, спортивные соревнования, разъезжающие бродячие певцы и балерины».

«Дипломатические манеры, как и все манеры вообще, — продолжает Рестон, — со временем меняются, и если судить по последним событиям, то не всегда к лучшему. В дни старой дипломатии, если бы правительство стало апеллировать к общественному мнению, это сочли бы невыносимо вульгарным. Дипломатия тогда делалась за закрытыми дверями, требовала профессионального мастерства и точности. Сейчас же дипломатию показывают по телевидению». Какая созвуч-

¹³ Г. В. Чичерин писал в одном из писем брату, что Леонардо сделал ряд Джоконд с разными настроениями: смеющуюся, плачущую, суровую, ласковую, любовно-страстную — и потом собирал с различных Джоконд различные черты в окончательную, единую Джоконду, совместившую противоположности в органическом единстве и бесконечно загадочную. Леонардо теоретически обосновал этот метод собирания противоположных черт с различных картин в единую, окончательную, и поставил при этом целью достижение загадочности, непостижимости и глубины... (см. *Зарницкий С., Сергеев А. Чичерин. М., 1966, с. 248.*)

ность взглядов у американского журналиста и английского дипломата, у Д. Рестона и Г. Никольсона!

«Старая система, — меланхолически признает Рестон, — имела свои недостатки, о чем свидетельствует целый каталог войн, мятежей и фактов массовой резни. Однако новая дипломатия еще ничем не показала своего превосходства. Осудив «тайную дипломатию», мы перешли к дипломатии газетных заголовков и попутно в какой-то степени утратили ту скептическую терпимость, ту бесстрастную незаинтересованность, которые были характерны для старого профессионального дипломата... Кто знает, не над этим ли посмеивалась Мона Лиза, когда она была в Вашингтоне?»

Оставим Рестона продолжать свои размышления над загадочной улыбкой Моны Лизы. Что же касается дипломатии, то ее формы и методы непрестанно изменяются, обновляются, и история не просто посмеивается над теми, кто не хочет видеть неотвратимость этих изменений, этого обновления, но и беспощадно отбрасывает их в сторону от главных своих магистралей.

Может возникнуть вопрос: равнозначно ли неприятие социалистическими странами «тайной дипломатии» тому, что из межгосударственных отношений должны быть полностью устранены конфиденциальность, доверительность? Нет, такое понимание характера деятельности социалистической дипломатии было бы крайне упрощенным, поскольку эта деятельность происходит в многообразном и еще далеком от идеалов социализма мире, где бок о бок существуют социалистические государства, молодые независимые государства, ищущие пути некапиталистического развития, и империалистические государства, внешняя политика и дипломатия которых несут печать всех антагонизмов эксплуататорского общества. Поэтому происходят переговоры, встречи, беседы государственных деятелей и дипломатов, о которых лишь сообщается, что «обсуждались вопросы, представляющие взаимный интерес». Поэтому существуют закрытые и тщательно оберегаемые линии прямой связи между Кремлем и Белым домом, между Кремлем и Елисейским дворцом, между Кремлем и резиденцией премьер-министра Великобритании. Конечно, правительства обмениваются и будут обмениваться посланиями, нотами и другими дипломатическими документами, не только предназначенными для опубликования, но и конфиденциального характера. Иначе пришлось бы заранее отказаться от зондирования намерений другой стороны в отношении возможности достижения взаимопонимания, сузить поиски соглашения, которые могут служить интересам укрепления мира.

Как справедливо замечает Жюль Камбон¹⁴ в своей блистательной книге «Дипломат», кто говорит — «переговоры», тот по крайней мере отчасти говорит — «соглашение».

В большинстве случаев договоренность, соглашение являются результатом взаимных уступок: каждая сторона проходит свою часть пути навстречу другой. Поэтому, прежде чем будет поставлена подпись под соглашением, партнеры по переговорам стараются выяснить степень заинтересованности другой стороны в этом соглашении, размеры ее готовности пойти на компромисс.

Поясним это схемой. Пункт «А» и пункт «В» — исходные позиции сторон, то есть те предложения, с которыми они пришли на переговоры.

Если участвующие стороны стремятся к результативности переговоров (а опыт говорит, что империалистическим государствам такое стремление присуще далеко не всегда) и ни одна из них по сложившемуся соотношению сил не рассчитывает на капитуляцию другой, то они не могут надеяться на достижение соглашения соответственно в пункте «А» или в пункте «В». Соглашение состоится тогда, когда стороны встретятся где-то на отрезке между пунктами «А» и «В», в точке «С». Но где будет находиться эта точка «С» — посередине, ближе к пункту «А» или к пункту «В»? Заранее это предсказать невозможно. Местоположение этой точки явится результатом напряженной борьбы, столкновения позиций и аргументов, маневрирования, дипломатического искусства, проявленного в ходе этой борьбы.

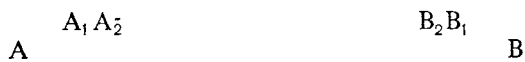
Перейдем теперь к другой графической схеме, отражающей следующую стадию переговоров, когда стороны уже выявили часть своих запасных позиций и произошло их некоторое сближение. Теперь они находятся в пунктах «А₁» и «В₁»:

А где будет находиться точка «С»? Где-то между «А₁» и «В₁». Но где?

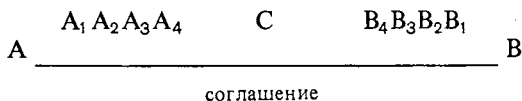
¹⁴ Жюль Камбон (1845-1935 гг.) — известный французский дипломат, был послом в Вашингтоне, Мадриде, Берлине, генеральным секретарем МИД Франции. Занимал пост председателя Парижско-Нидерландского банка. За свои труды

Переговоры развиваются дальше, напряжение нарастает, стороны заявляют, что каждая из них уже сделала все, чтобы пойти навстречу пожеланиям другой, возникает тупик в переговорах. Но поиски точек соприкосновения, компромисса продолжаются, и на нашем отрезке мы уже можем отметить пункты «А₂» и «В₂»:

Достижение соглашения стало еще вероятнее, но чем ближе неведомая пока точка «С», тем труднее партнерам продвигаться навстречу друг другу, тем короче их шаги к искомой точке «С». Это вполне понятно, ибо они одновременно все дальше отходят от своих исходных позиций — пунктов «А» и «В».

Снова возникают тупики в переговорах, снова партнеры делают шаг, полшага, четверть шага навстречу соглашению и, наконец, сходятся в пункте «С». Графически итог переговоров может выглядеть примерно так:

Этот сложный процесс борьбы, взаимного прощупывания, поисков компромиссов, когда соглашения еще нет, но оно, что называется, уже висит в воздухе, выглядит довольно просто, если он для наглядности вычерчивается на бумаге, тем более при помощи прямой линии, и точка «С» обозначается где-то посередине между исходными позициями. В реальных же переговорах эта условно взятая линия гораздо чаще состоит из зигзагов, причем не обязательно она непрерывна. Переговоры иногда проводятся за один прием, а иногда отдельные этапы переговоров отделены друг от друга значительными паузами.

Как только мы переведем графическую схему на язык политики, станет ясным, что в мире, каков он есть (а реалистическая, разумная дипломатия имеет дело именно с реальностями такого мира), переговоры за закрытыми дверями — в ряде случаев вещь неизбежная и даже полезная.

по международным вопросам, которые отличались знанием предмета и прекрасным стилем, был избран в 1918 году членом французской «Академии бессмертных».

В качестве примера практикующихся методов ведения переговоров, сочетания их различных форм — публичных и закрытых — можно привести переговоры о прекращении ядерных испытаний. Как известно, они продолжались пять лет — с 1958 по 1963 год, пока в Москве не был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

Вначале это были переговоры представителей трех ядерных держав в Женеве. Обсуждался этот вопрос и в рамках Комитета 18 государств по разоружению, и на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, и на заседаниях ученых-экспертов. Тема прекращения ядерных испытаний фигурировала во многих посланиях глав соответствующих правительств, в нотах и заявлениях. Но заключительный этап переговоров — в июле 1963 года — проходил в обстановке конфиденциальности. Когда же текст Договора о запрещении испытаний ядерного оружия был согласован, он был одновременно и обнародован.

При его ратификации в сенате США в сентябре 1963 года разгорелась ожесточенная борьба между сторонниками и противниками прекращения испытаний ядерного оружия. Администрации президента Дж. Кеннеди не так-то легко удалось обеспечить $\frac{2}{3}$ голосов сенаторов, необходимых в соответствии с конституцией США для ратификации.

Сделаем теперь такое допущение: если бы московские переговоры велись публично и противники соглашения о запрещении ядерных испытаний в трех средах из числа американских «ястребов» имели более конкретные возможности влиять на перипетии московских переговоров? Если бы у них появилась возможность развернуть свою активность не в рамках того выбора, перед которым стоял сенат США, — одобрить или отвергнуть окончательный позитивный результат переговоров, а в рамках другого выбора — одобрить или отвергнуть ту или иную позицию, предложение, уступку, когда исход переговоров еще неясен? Не было ли бы противникам прекращения ядерных испытаний при таких обстоятельствах легче добиться своего? Конечно, да.

Поставим еще один вопрос: если бы некоторые союзники США и Англии по НАТО имели возможность вмешиваться, хотя бы и косвенно, в ход московских переговоров, разве не ясно, что и в этом случае возникли бы дополнительные трудности для выработки договора, заключение которого приветствовали народы?

Или другой пример — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года. При его проведении тоже

чередовались публичные, открытые формы переговоров с закрытыми.

Первый этап был открытым. Выступления министров иностранных дел, предложения, вносимые странами-участницами, публиковались. Но и на этом этапе состоялось закрытое заседание, посвященное согласованию коммюнике. Не были опубликованы также «рекомендации» (а по существу инструкции), принятые министрами иностранных дел, для дальнейшей работы совещания на втором этапе.

Второй этап представлял собой рабочую стадию подготовки текстов документов, и его ход не предавался огласке.

И наконец, заседания третьего этапа были открытыми, публичными: Все средства массовой информации с исключительной полнотой освещали его работу. Передавались по телевидению речи глав делегаций и церемония подписания документа, в котором были выражены результаты переговоров на всех трех этапах, — Заключительного акта. Более того, в самом Заключительном акте содержится положение, которое предусматривает, что он будет опубликован в каждом государстве-участнике, которое распространит его и обеспечит возможно более широкое ознакомление с ним.

Таким образом, переговоры за закрытыми дверями на определенных стадиях обсуждения международных проблем часто являются фактически неизбежными и полезными с точки зрения интересов мира в условиях сосуществования двух общественных систем — социализма и капитализма. Но это отнюдь не означает, что в целом такие переговоры можно охарактеризовать как «тайные переговоры» или как какую-то разновидность «тайной дипломатии».

Оба примера — и с переговорами о прекращении ядерных испытаний, и с проведением общеевропейского совещания — свидетельствуют, что это совсем не так. Обсуждавшиеся проблемы находились в поле зрения общественного мнения, народов все время, пока продолжались переговоры, даже тогда, когда они проходили в конфиденциальном порядке. Принципиальная позиция сторон была известна всему миру. Каждый человек, следящий за событиями международной жизни, представлял себе смысл предложений соответствующих правительств, видел, в чем состоит суть разногласий, мешающих прийти к договоренностям. На определенных стадиях переговоры проводились за закрытыми дверями, поскольку это был самый короткий и надежный путь к преодолению разногласий и поскольку обстановка конфиденциальности облегчала достижение взаимоприемлемого соглашения.

Но если бы закрытые стадии переговоров окончились неудачей, то и в этом случае народы знали бы, почему не были достигнуты соглашения, кто из партнеров по переговорам несет вину за их безрезультатность. История переговоров по разоружению послевоенного периода полна примерами того, что после срыва переговоров, проводившихся в закрытом порядке, их содержание, позиции сторон обнародовались.

Таким образом, в обоих случаях — при достижении соглашения и при провале усилий добиться его — становятся достоянием гласности или положительный итог переговоров и обязательства, принятые государствами по выработанным соглашениям, или же причины их безрезультатности. Конечно, это не имеет ничего общего с методами времен «тайной дипломатии».

Главное же различие заключается в том, что социалистическая дипломатия ставит в порядок дня переговоров между государствами такие проблемы, в которых кровно заинтересованы народы: устранение опасности войны, и прежде всего ядерной, осуществление конкретных мер по прекращению гонки вооружений, укрепление безопасности в Европе и в других районах мира, достижение политического урегулирования в «горячих точках» нашей планеты, ликвидация остатков колониализма, ограждение народов от вмешательства в их внутренние дела и др.

Существо «тайной дипломатии» империалистов было в том, что им удавалось за спиной народов и в ущерб их интересам договариваться о разделе целых районов мира на сферы влияния, о колониальных акциях и иных авантюрах. Именно целями, содержанием подобных актов диктовалось прежде всего стремление империалистических правительств скрыть от народов правду о своей внешней политике. Но уже с первых дней победы Советской власти проведение «тайной дипломатии» стало невозможным в мировом масштабе. С возникновением мировой социалистической системы, с крушением колониальных империй и созданием на их обломках молодых государств, рвущих цепи империалистической зависимости, сфера «тайной дипломатии» еще более сокращается, ограничиваясь преимущественно отношениями внутри замкнутых военных блоков империалистических государств.

В речи на III съезде Советов Г. В. Чичерин дал меткую и глубокую характеристику дипломатической деятельности Советского государства, подчеркнув, что все ее комбинации, усилия и действия имеют своей основой стремление к сохранению мира и содействие всеобщему миру. «Если таким образом, — отмечал Г. В. Чичерин, — взять каждый отдельный

пункт нашей международной политики, то мы увидим, что постоянно она связана с этими целями сохранения мира, содействия всеобщему миру, содействия разоружению, уменьшения военных тягот и увеличения безопасности наших границ и наших берегов». И дальше: «Наша внешняя политика, имея перед собой как бы мировое общественное мнение трудящихся всех стран, стремится к полной прозрачности и ясности в постановке основных проблем и к тому, чтобы основная проблема сохранения мира, упрочения всеобщего мира, стоящая перед нами, была ясна трудящимся всех стран»¹⁵.

Вот эта «полная прозрачность и ясность» в постановке основных проблем, к чему сегодня, как и во времена В. И. Ленина, стремится советская внешняя политика, советская дипломатия, противостояла и противостоит искусственному туману и закулисным махинациям империалистической дипломатии.

В условиях существования на международной арене трех групп государств — социалистических, империалистических, стран, освободившихся от колониальной зависимости, — не остается места для однотипной внешней политики и дипломатии.

Так, отношения одного социалистического государства с другим социалистическим государством основываются на принципе социалистического интернационализма, на братском сотрудничестве, дружбе и взаимопомощи. Понятно, однако, что этот принцип не может лежать в основе отношений государств социалистических с государствами империалистическими — здесь вступает в силу принцип мирного сосуществования.

На совершенно иных основах строятся взаимоотношения между государствами империалистического лагеря, раздираемого соперничеством и непреодолимыми внутренними антагонизмами. Соответственно различным типам взаимоотношений между указанными тремя группами государств, а также внутри этих групп находят и различное применение приемы и методы современной дипломатии, которые используют эти государства в своей многообразной внешнеполитической деятельности.

Переход от капитализма к социализму, являющийся главным содержанием нашей эпохи, утверждает и новые, демократические методы дипломатии — социалистической

¹⁵ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 374.

дипломатии, дипломатии открытых и прямых заявлений, опирающейся на понимание ее задач, на сочувствие ее целям, на поддержку ее мирных предложений широчайшими народными массами. «В условиях, когда империализм перестал играть доминирующую роль в международных отношениях и все большую роль играет социалистическая система, когда в мировой политике сильно возросло влияние государств, завоевавших национальную независимость, и народных масс капиталистических стран, — указывается в Программе Коммунистической партии Советского Союза, — создается реальная возможность для того, чтобы новые принципы, выдвинутые социализмом, одержали победу над принципами агрессивной империалистической политики»¹⁶.

Действительно новое и прогрессивное в «новой дипломатии» берет свое начало в том историческом прорыве всей системы империалистических международных отношений, который совершила Россия в октябре 1917 года. Это новое и прогрессивное утверждается и развивается в международной жизни благодаря активной и последовательной деятельности основных революционных сил современности — мирового социализма, международного пролетариата и национально-освободительного движения.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова о 60-летию СССР дана емкая характеристика роли нашей страны в международных делах: «За шесть десятилетий радикально изменилось положение Советского государства, неизмеримо возросли его авторитет и влияние. Плотная ткань мирного сотрудничества связывает Советский Союз со странами всех континентов. Его голос авторитетно звучит на международных форумах. Принципы мирного сосуществования — основа внешней политики СССР — получили широкое международное признание, включены в десятки международных документов, в том числе в Заключительный акт общеевропейского совещания в Хельсинки, предложения СССР легли в основу наиболее крупных решений ООН по вопросам упрочения мира и безопасности.

Но каждый шаг на пути укрепления мира давался и дается нелегко, требуя напряженной борьбы против империалистических «ястребов». Она особенно обострилась теперь, когда на Западе активизировались наиболее воинственные группировки, чья классовая ненависть к социализму берет верх над чув-

¹⁶ *Программа Коммунистической партии Советского Союза*, с. 56–57.

ством реальности, а подчас и просто над здравым смыслом»¹⁷.

На основе коренных изменений в соотношении сил, возросшей мощи Советского Союза и других социалистических государств, их последовательной миролюбивой политики, настойчивой борьбы за мир широких народных масс на всех континентах происходит глубокая перестройка всей системы международных отношений.

¹⁷ *Правда*, 1982, 22 дек.

ДИПЛОМАТИЯ ЗА ПИСЬМЕННЫМ СТОЛОМ

Книги буржуазных исследователей о дипломатии, обширная мемуарная литература, концентрирующая внимание читателей на том ярком, запечатлеваемом, что довелось пережить авторам воспоминаний в период нахождения на дипломатической службе, нередко способствуют распространению неяркого представления о профессии дипломата. К тому же кадры кинохроники и телевидения, газетные сообщения могут отражать и отражают лишь внешнюю сторону дипломатической деятельности или ее результаты. Усилия, приложенные к тому, чтобы были достигнуты эти результаты, остаются вне поля зрения непосвященных.

Между тем когда официальные представители поднимаются на трибуну международного органа, чтобы от имени и по поручению своего правительства сделать соответствующее заявление, то этому предшествует напряженная и кропотливая работа, начавшаяся еще задолго до того, как удар председателя молотка известил об открытии заседания.

Как правило, затраты труда на подготовку к переговорам и встречам во много раз превышают длительность самих этих переговоров и встреч.

А кроме участия в международных конференциях и переговорах, кроме присутствия на официальных приемах и торжественных мероприятиях (к чему, кстати, причастны не всегда и далеко не все сотрудники дипломатического ведомства или посольства) на дипломатах лежит широкий круг обязанностей, почти полностью скрытый от посторонних глаз.

Будни современной дипломатии — не на дипломатическом паркете, а за письменным столом.

Одной из важных и приобретающих все больший удельный вес отраслей дипломатической работы является составление дипломатических документов.

Дипломатическая документация государств весьма разнообразна. Значительную ее часть составляют документы,

носящие сугубо внутриведомственный характер. Другая категория дипломатических документов — это те документы, посредством которых осуществляются письменные официальные сношения между государствами и которые выражают позицию государства по тому или иному вопросу международной жизни. Часть таких документов в силу определенных конкретных обстоятельств носит конфиденциальный характер (в практике встречаются даже «устные послания» и «устные заявления», текст которых зачитывается, но не передается адресату официально).

Большое количество дипломатических документов не публикуется ввиду малозначительности рассматриваемых в них вопросов (например, ноты с просьбой о выдаче виз).

Но немалая доля дипломатических документов, в особенности если они затрагивают важные вопросы международной жизни, передается огласке, и не в последнюю очередь по ним судят народы о том, к чему стремится данное государство в международных делах.

Дипломатическая переписка (посредством писем, нот, меморандумов, заявлений и т. п.) является одной из основных форм дипломатической деятельности государства по осуществлению целей и задач его внешней политики.

Другими такими формами дипломатической деятельности государства (помимо дипломатической переписки) являются: участие в международных конгрессах, конференциях или совещаниях, то есть в периодических встречах представителей государств на различных уровнях;

подготовка и заключение международных договоров и соглашений, многосторонних или двусторонних, регламентирующих самые различные вопросы межгосударственных отношений;

повседневное представительство государства за границей, осуществляемое его посольствами и миссиями, и ведение ими политических и иных переговоров с дипломатическим ведомством страны пребывания;

участие представителей государства в деятельности международных организаций, общеполитических и региональных;

освещение в печати позиции правительства по тем или иным внешнеполитическим вопросам, публикация официальной информации, официальное издание международных актов и документов.

До сравнительно недавнего времени дипломатическая практика различала следующие пять видов документов дипломатической переписки:

- 1) личные ноты,
- 2) вербальные ноты,
- 3) памятные записки,
- 4) меморандумы,
- 5) частные письма полуофициального характера.

Личная нота имеет форму письма, составленного в первом лице от имени подписывающего ноту. Текст личной ноты начинается с обращения, заканчивается она формулой уважения (комплиментом), то есть трафаретной фразой вежливости.

*Вербальная нота*¹ считается самым распространенным документом дипломатической переписки. Текст таких нот составляется в третьем лице, и они не подписываются. Вербальная нота начинается и оканчивается формулами уважения.

Некоторые руководства по дипломатической практике, в частности известная книга Э. Сатоу², не выделяют личную ноту как самостоятельный вид документов дипломатической переписки, а пользуются просто наименованием «нота». При этом имеется в виду, что нота может быть составлена как в первом, так и в третьем лице, но, в отличие от вербальной ноты, должна быть обязательно подписана.

В первые годы Советской власти такая форма ноты, составленной в третьем лице, но носящей подпись соответствующего должностного лица (народного комиссара по иностранным делам, его заместителя и пр.), была довольно распространенной. В настоящее время она фактически вышла из употребления при сношениях Советского Союза с иностранными государствами. Поэтому в советской специальной литературе и в практике советской дипломатической службы принято теперь деление нот на личные и вербальные, причем под личной нотой понимается нота, составленная в первом лице и подписанная лицом, от которого она исходит, а под вербальной — нота, составленная в третьем лице и не подписанная.

Еще в сравнительно недалеком прошлом выбор формы ноты — подписанной или вербальной — рассматривался как определенный показатель состояния отношений между странами. Характерно свидетельство на этот счет Ю. Я. Соловьева в его книге «Воспоминания дипломата»³. В 1909 году министерство иностранных дел России сочло возможным сноситься с австро-венгерским посольством в Петербурге лишь вербальны-

¹ Выражение «вербальная нота» означает: «бумага, которая должна быть серьезно принята во внимание».

² См. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М., 1961.

³ См. Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. М., 1959.

ми нотами. Казалось бы, какая разница — стоит под нотой подпись тогдашнего министра иностранных дел Извольского или не стоит, написана нота в первом лице или в третьем? Но отклонение от принятого в те годы дипломатического обихода расценивалось сведущими людьми как явный признак натянутых отношений между двумя странами. Как замечает Ю. Я. Соловьев, это было чем-то вроде преддверия того, что произошло через пять лет, когда Россия и Австро-Венгрия стали воюющими сторонами в первой мировой войне.

Но обычаи дипломатии меняются и меняются довольно быстро. В наше время вербальные ноты прочно вошли в международный обиход. И никому не придет в голову рассматривать направление вербальной ноты тому или иному посольству как проявление какого-либо недоброжелательства. Напротив, как указывалось выше, именно вербальные ноты стали наиболее часто применяемым документом дипломатической переписки.

Памятная записка. В дипломатической практике встречаются два вида памятных записок: а) переданных лично, б) направляемых с курьером.

Цель передачи памятной записки — облегчить дальнейшее продвижение дела и предупредить возможность неправильного толкования или понимания беседы или устного заявления.

Меморандум может быть самостоятельным документом, может быть приложением к личной или вербальной ноте.

В последнем случае меморандум развивает и обосновывает содержание ноты. Отличительная черта меморандума — подробное изложение фактической или юридической стороны того или иного вопроса.

Характеризуя меморандум, Э. Сатоу отмечает, что этот вид дипломатического документа часто представляет собой подробное изложение фактов и основанных на них доводов и ничем существенным не отличается от ноты, за исключением того, что он не начинается и не кончается формулой вежливости и не должен иметь подписи. Иногда целесообразно сопроводить его краткой пояснительной нотой. В прежнее время его часто именовали по-французски «*déduction*» («вывод») или «*exposé des motifs*» («изложение мотивов, мотивировка»)⁴.

Не лишнее тонкости замечание о назначении меморандума содержится в книге известного австрийского дипломата Х. Вильднера «Техника дипломатии». По мнению Х. Вильднера, форма меморандума имеет то преимущество, что позволяет поставить на место субъективной защиты излагаемых взглядов

⁴ См. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике, с. 71.

факты, говорящие сами за себя, и вытекающую из них в известной мере объективную точку зрения⁵.

Частные письма полуофициального характера посылаются знакомым официальным лицам в случаях, связанных с оказанием какого-либо личного одолжения (благодарность за приглашение, просьба о содействии), или по вопросам, постановка которых в официальном порядке нежелательна по тем или иным причинам.

Итак, вкратце наш итог знаний о документах дипломатической переписки, полученных при ознакомлении с соответствующими разделами работ по дипломатической практике, можно было бы свести к следующему: личная нота пишется в первом лице, вербальная — в третьем, памятная записка — в безличной форме; личная и вербальная ноты начинаются и оканчиваются формулой вежливости, а в памятных записках и меморандумах такие формулы отсутствуют. Что касается частных писем полуофициального характера, то они вообще не имеют самостоятельного значения в дипломатической практике.

Кроме того, в трудах по технике дипломатии можно найти советы, какую формулу вежливости применять в том или ином случае, каким комплиментом завершается личная или вербальная нота, как правильно оформить данный дипломатический документ, где поставить подпись и чью или не ставить, на какой бумаге печатается нота или меморандум, где ставятся печать, дата, исходящий номер или не ставятся. Полагается уметь правильно выбирать подходящий для случая вид документа исходя из его содержания. В ответ на личную ноту принято направлять личную ноту, на памятную записку отвечать памятной запиской и т. п. В дипломатической переписке принято соблюдать требования такта и вежливости, избегать резких выражений и всяких выпадов, задевающих достоинство страны, которой направляется данный дипломатический документ, или обидных для ее государственных деятелей.

Все это, разумеется, полезные и необходимые указания для людей, приобщающихся к дипломатической деятельности. Но, к сожалению, сумма этих знаний не дает почти ничего для тех, кто хотел бы постигнуть закономерности, определяющие лицо дипломатических документов, соотношение между их формой и содержанием, особенности их языка.

Дипломатическая деятельность Советского Союза, оказавшая огромное воздействие на способы ведения международных дел, вызвала к жизни новые формы дипломатической переписки государств, широко раздвинула ее рамки и сообщила

⁵ См. Wildner H. Die Technik der Diplomatie. Wien, 1959, S. 142.

дипломатическим документам несравненно более широкое общественное звучание.

Прежде всего, если придерживаться установившейся классификации документов дипломатической переписки, то бросается в глаза, что в их перечне отсутствует *личное послание*. Между тем в последние годы — и это является новым существенным изменением в дипломатической практике — все большую роль играет обмен личными письмами, то есть личными посланиями на высших политических и государственных уровнях.

Нельзя ли считать личное послание лишь одной из разновидностей личной ноты? Да, с чисто формальной точки зрения послание может быть отнесено к рубрике «личная нота», поскольку оно пишется в первом лице и под ним стоит соответствующая подпись. Но только с формальной точки зрения. По существу же такие личные послания — это дипломатические документы по наиболее важным, крупным и неотложным вопросам международной обстановки. Благодаря особому положению отправителя и получателя, той высшей ответственности, которую несет каждый из них в своей стране, личные послания как по своему содержанию, так и по форме отличаются от других форм дипломатических документов, в том числе и от личной ноты в общепринятом ее понимании. Поэтому вернее считать, что личные послания выделились в самостоятельный вид дипломатической переписки и переросли формальные рамки личной ноты.

Новым в дипломатической переписке является и все более широкое применение в ней нот правительств. (Раньше нотная переписка велась, как правило, между соответствующими министерствами иностранных дел и посольствами, то есть происходил обмен нотами министерства иностранных дел и нотами соответствующего посольства, а не прямой обмен нотами между правительствами.) После второй мировой войны в СССР установилась практика нотной переписки непосредственно между правительствами по важным международным вопросам. И в данном случае дает себя знать общая тенденция к повышению уровня дипломатической переписки пропорционально тому, как возрастает значение международных аспектов политики государств в ядерный век, ответственность правительств перед народами за все, что имеет отношение к решению вопросов войны и мира.

Нередко встречаются в последние годы и меморандумы, направляемые одним правительством другому или представляемые на международных совещаниях, в ООН по основным вопросам международного положения.

Унаследованный от прошлых времен термин «дипломатическая переписка» — узкий термин. Он давно уже не покрывает собой того многообразия форм письменного общения государств, общения посредством документов дипломатического характера, которое сложилось на практике.

Необходимо при этом отметить, что в тех пяти видах дипломатической переписки, которые названы выше (личные ноты, вербальные ноты, памятные записки, меморандумы, частные письма полуофициального характера), есть существенные пробелы. Может быть, в этом виновна органиченность обоих понятий: «дипломатическая» и «переписка». Если «дипломатическая» — рассматривай только документы министерств иностранных дел и посольств. Если «переписка» — рассматривай только те дипломатические документы, которые направляются определенному адресату или адресатам и на которые получатели должны в свою очередь давать ответ в аналогичном дипломатическом документе. Ну а если международные отношения выросли из такого сугубо «буквоедческого» понимания дипломатической переписки — тогда как?

Во всяком случае нельзя оставлять в стороне и те формы дипломатических документов, которые не попали в «частливую пятерку», но которые тем не менее выполняют свои полезные и часто важные функции в общении государств, в осуществлении их дипломатической деятельности.

Возьмем, к примеру, проект Декларации о всеобщем и полном разоружении, который был внесен Советским правительством на рассмотрение XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 18 сентября 1959 г. Если этот документ не подпадает под рубрику «дипломатическая переписка», то означает ли это, что такой вид дипломатических документов, как декларация, может быть оставлен без внимания при изучении конкретных форм дипломатической деятельности государств? Конечно, нет. Все дело, видимо, в том, что старая форма наполнилась новым содержанием и вследствие этого по своему реальному политическому значению стала ближе к таким видам дипломатических документов, как личное послание или вербальная нота.

В «Дипломатическом словаре» *декларация* определяется следующим образом: односторонний, двусторонний или многосторонний акт, в котором государства, межправительственные или международные общественные организации определяют принципы в области политики, международных отношений или международного права⁶.

⁶ См. *Дипломатический словарь*, т. I. М., 1975, с. 427.

Нас в соответствии с рассматриваемым здесь предметом должны интересовать именно односторонние декларации, а точнее говоря — проекты многосторонних деклараций, которые выдвигаются по инициативе одной стороны в качестве ее предложения. Проект Декларации о всеобщем и полном разоружении не стал пока актом международного права, не вылился в договор о всеобщем и полном разоружении, хотя резолюция XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, одобряющая самое идею всеобщего и полного разоружения, имеет долгосрочное международное значение. Другой проект декларации, внесенный в ООН Советским Союзом, послужил основой для Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой ООН и ставшей актом международного права, а по мнению многих юристов, в частности советских, имеющей силу источника международного права. Важно, что в обоих этих случаях дипломатические документы, имеющие форму декларации, явились действенным средством влияния на развитие международной обстановки и образовали вокруг себя своего рода магнитные поля, притягивающие идеи, стремления, усилия всех, кто хочет положить конец безудержной гонке вооружений и окончательно похоронить позорную колониальную систему.

К категории «дипломатическая переписка» не относятся *выступления законодательных органов государств* по вопросам международной жизни. Между тем процесс демократизации международных отношений, начавшийся с Великой Октябрьской социалистической революции, находит свое выражение, в частности, и в том, что роль парламентов стала не только сводиться к одобрению или отклонению внешнеполитических актов исполнительной власти, к ратификации договоров и соглашений, но парламенты все чаще стали сами выступать с прямыми обращениями к законодательным органам других стран. Традиция эта была начата ленинским Декретом о мире, с которым обратился ко всем воюющим народам и к правительствам II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Верховный Совет СССР обращался к парламентам других стран с предложениями о сокращении вооруженных сил, о прекращении испытаний ядерного оружия и по другим актуальным международным вопросам.

Народная палата Германской Демократической Республики не раз направляла свои предложения западногерманскому бундестагу.

Все эти примеры свидетельствуют еще об одном новом явлении в международной жизни: дипломатические документы могут быть продуктом деятельности высших законодательных

органов и адресоваться аналогичным органам других стран.

Заявления (правительства, министерства иностранных дел) в отличие от документов собственно дипломатической переписки не являются прямым обращением к определенному государству или государствам и поэтому не обязательно требуют официального ответа. Но отсутствие ответа или какой-либо иной формы реагирования на заявление тоже представляет собой политический акт с известным политическим значением.

Заявление правительства (министерства иностранных дел) нередко несет большую смысловую нагрузку, чем «классические» документы дипломатической переписки, скажем, нота или меморандум. Так, Заявление Советского правительства по поводу агрессивных актов США против Демократической Республики Вьетнам, опубликованное 9 февраля 1965 г., было расценено во всем мире как документ исключительного международного значения. Заявление правительства может быть не только опубликовано, но и официально направлено специальной (препроводительной) нотой соответствующим государствам, что еще больше сближает заявление с другими видами дипломатических документов.

Кроме заявлений правительств, министерств иностранных дел, представляющих собой официальные дипломатические документы, существуют различные формы *заявлений для печати* (в Советском Союзе, например, заявление ТАСС, в США — заявление представителя госдепартамента на пресс-конференции). Заявления для печати как бы предваряют возможность занятия официально той позиции, которая в нем излагается. Фактически же дается понять, что это и есть официальная позиция. Вместе с тем цель заявления для печати — ориентировать общественное мнение и народ собственной страны.

Не подпадают под рубрику «дипломатической переписки», но являются дипломатическими документами в полном значении этого слова *заявления и выступления представителей государств на международных совещаниях и в международных организациях*. Во многих случаях такие заявления и выступления оформляются как официальные дипломатические документы, регистрируются в качестве документов международных совещаний и конференций, международных организаций. Например, заявления глав делегаций на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 30 июля — 1 августа 1975 г.) являются официальными дипломатическими документами.

Важным дипломатическим документом является основное выступление главы делегации на сессиях Генеральной Ассам-

блей ООН. Основным называется выступление в ходе общей дискуссии (с такой общей дискуссии начинают свою работу сессии Генеральной Ассамблеи ООН), в котором правительство помимо изложения своей позиции по актуальным международным вопросам, своих конкретных предложений (если таковые имеются у данного государства) разъясняет также основные принципы и главные линии своей внешней политики.

Протокольные мероприятия (приемы, обеды, завтраки), устраиваемые по случаю официальных визитов зарубежных государственных и политических деятелей, по существу, являются продолжением переговоров. Главное «блюдо» на этих протокольных мероприятиях — *тост*, то есть краткое приветственное выступление первого лица принимающей стороны и ответное выступление гостя. Тост — это весьма своеобразный и тонкий политико-дипломатический жанр. Ему наряду с основным политическим содержанием и личностными моментами отнюдь не противопоказаны юмор, изящная шутка. Обычно тосты публикуются — полностью или частично. Нередко бывает, что оценки событий или предложения, высказываемые в тостах, вызывают не меньший международный отклик, чем дипломатические документы в собственном значении этого слова.

Есть еще один вид дипломатических документов, который часто встречается на страницах газет, — *телеграммы*. В руководствах по дипломатической практике этот вид дипломатических документов не упоминается, хотя по многим своим признакам он подходит под понятие «дипломатическая переписка». Между тем с развитием телеграфа и радио этот вид дипломатических документов стал довольно распространенным. Телеграмма может быть поздравительной, например в связи с национальным праздником или с занятием определенного поста, выражающей соболезнование и др. Как правило, на телеграммы даются ответы. Тексты телеграмм, несмотря на их сравнительную краткость, зачастую несут существенное политическое содержание.

В этом легко убедиться, если ознакомиться, например, со следующей поздравительной телеграммой Председателя Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1965 г. по случаю переизбрания Де Голля президентом Французской Республики:

«Прошу Вас принять от имени моих коллег и меня лично искренние поздравления по случаю переизбрания Вас Президентом Французской Республики.

В Советском Союзе, как Вы знаете, придают большое значение отношениям между нашими странами и рассматрива-

ют их как один из важнейших устоев обеспечения мира в Европе и налаживания сотрудничества на общеевропейской основе. Мы с удовлетворением отмечаем, что за последнее время в развитии советско-французских отношений достигнуты определенные позитивные результаты, устанавливающие хорошие ориентиры на будущее.

Позвольте выразить уверенность в том, что сотрудничество между Советским Союзом и Францией будет крепнуть и расширяться во всех областях на благо советского и французского народов, в интересах обеспечения европейской и международной безопасности.

Желаем Вам, господин Президент, доброго здоровья, успехов и процветания дружественному французскому народу».

Но не только черным по белому — печатным словом — оперирует дипломатия. Любопытен в этом отношении случай, о котором рассказал в своих воспоминаниях С. Ю. Витте.

Летом 1902 года царь Николай II и германский император Вильгельм II были в Ревеле на морских маневрах. Когда яхта германского императора начала отходить, то началось обыкновенное сигнальное прощание, причем Вильгельм II дал следующий сигнал: «Адмирал Атлантического океана шлет привет адмиралу Тихого океана». Германский император, поясняет С. Ю. Витте, дал такой сигнал, который значил, если его перевести на обыкновенный язык: я стремлюсь к захвату или к доминирующему положению в Атлантическом океане, а, мол, тебе советую и буду поддерживать в том, чтобы ты занял доминирующее положение в Тихом океане⁷.

Носителем дипломатического содержания может быть даже... кондитерское изделие. Как сообщает И. М. Майский, во время визита в Москву в 1935 году тогдашнего английского лорда — хранителя печати А. Идена ему был устроен официальный завтрак народным комиссаром по иностранным делам М. М. Литвиновым. На торте, поданном к столу, сахарной вязью было написано по-английски: «Peace is indivisible» («Мир неделим») ⁸.

Бумага, на которой пишутся дипломатические документы, бывает иногда не совсем обычной, более того — своеобразной. В 1915 году, в разгар первой мировой войны, Япония предъявила Китаю ультиматум — «двадцать одно требование» о предоставлении ей особых экономических и политических прав в Китае. Требования эти были грабительскими. Когда в беседе с

⁷ См. *Витте С. Ю.* Воспоминания, т. 2. М., 1960, с. 224—225.

⁸ См. *Майский И. М.* Кто помогал Гитлеру? М., 1962.

японским послом тогдашний президент Китая Юань Шикай замедлил с ответом, то посол порекомендовал ему посмотреть ультиматум на свет: водяные знаки на бумаге изображали броненосцы.

Советская дипломатия накопила богатейший опыт во всех областях своей деятельности, в том числе и в деле подготовки дипломатических документов, способных воздействовать на внешний мир в направлении упрочения международной безопасности, сковывания сил агрессии, защиты прав народов, обеспечения мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Дипломатические документы являются своего рода продукцией, выпускаемой во внешний мир органами внешних сношений. Поэтому овладение «азбукой дипломатии» — искусством подготовки дипломатических документов, убедительно и ярко разъясняющих цели миролюбивой политики Советского Союза, точно излагающих его позицию по конкретным международным вопросам, дипломатических документов, обращенных не только к правительствам, но и к народам и понятных широчайшим народным массам зарубежных стран, — это одно из необходимых условий соответствия качеств советского дипломатического работника требованиям, стоящим перед ним на нынешнем этапе международной борьбы и международного сотрудничества.

О других, тоже необходимых качествах дипломатического работника подробно пойдет речь в последующих главах. Пока же стоит остановиться на том, что черновая, на редкость кропотливая и изнурительная работа над дипломатическими документами повышает общую квалификацию дипломата. Она прививает ему чуткое, ответственное отношение к слову, как письменному, так и устному, то есть служит хорошей школой подготовки к участию в переговорах, к проигрыванию вариантов формулировок не только на бумаге, но и в голове, и почти мгновенно.

Без дипломатии за письменным столом нет и дипломатии за столом круглым, за столом переговоров.

ДВА АДРЕСА

Дипломатическая переписка, дипломатические документы, будучи одной из форм дипломатической деятельности, несут в себе черты, присущие дипломатии данного государства. Поэтому дипломатическая переписка, дипломатические документы Советского государства, как и других социалистических государств, по своему содержанию, а следовательно, во многом и по форме так же отличаются от дипломатической переписки, дипломатических документов капиталистических государств, как социалистическая дипломатия в целом отличается от дипломатии капиталистических государств.

В. И. Ленин подчеркивал различие методов социалистической и капиталистической дипломатии. «Дело в том, — говорил он в речи при закрытии IX съезда РКП(б) 5 апреля 1920 г., — что капиталистическое общество все, что особенно интересует граждан — их экономические условия существования, война и мир, — все это капиталистическое общество решает тайком от самого общества; самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент»¹. Он указывал, что «буржуазная дипломатия не способна понять приемов нашей новой дипломатии открытых прямых заявлений»². В отчете ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов В. И. Ленин 23 декабря 1921 г. конкретизировал эту мысль: «Но, к сожалению, есть теперь в мире два мира: старый — капитализм, который запутался, который никогда не отступит, и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим. Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 285

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 281

считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть»³.

В качестве конкретной иллюстрации В. И. Ленин приводил историю с миссией Буллита в Советскую Россию в начале 1919 года. Вильяму Буллиту, одному из участников американской мирной делегации на Версальской конференции, а впоследствии послу США в Советском Союзе, было поручено выяснить от имени Америки и Англии, на каких условиях большевики согласны начать переговоры о мире, и вместе с тем сообщить условия, на которых их считали бы возможным вести страны Антанты.

Предложения, переданные через Буллита, в основном были приняты В. И. Лениным. Прямо, без изысканного дипломатического тона Буллиту было заявлено, что хотя предлагаемый мир крайне невыгоден, но большевики к нему готовы, поскольку ценят кровь рабочих и крестьян, которая уже давно лилась в России, и уверены, что Колчак и Деникин разложатся внутренне. Но президент Вильсон и Ллойд-Джордж, пославшие Буллита в Советскую Россию, сочли, что они продешевили, тем более что военное положение в Советской России снова временно повернулось в пользу белогвардейцев и поддерживающих их интервентов.

«А вышло то, — продолжал В. И. Ленин в выступлении на IX Всероссийском съезде Советов, — что мы, предлагавшие тогда мир, худший для нас, получили мир на условиях для нас лучших. Это маленький урок. Я знаю, нам не научиться старой дипломатии, как нам не переделать себя, но те уроки, которые за это время по части дипломатии были даны нами и были восприняты другими державами, они все же совсем бесследно пройти не могли, они все же в памяти кое-кого, наверное, остались»⁴.

Ту же мысль, поясняющую открытый, прямой характер советских дипломатических документов, В. И. Ленин развивал в своей речи на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г., в момент, когда только что был подписан предварительный мир с панской Польшей.

«В течение более чем месяца и все последнее время наши войска отступали и терпели поражения, ибо они были непомерно утомлены и истощены тем неслыханным маршем, который они сделали на расстоянии от Полоцка до Варшавы. Но несмотря на это тяжелое положение, я повторяю, мир

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 299.

⁴ Там же.

оказался подписанным на условиях менее выгодных для Польши, чем тогдашние условия. Тогдашняя граница проходила на 50 верст к востоку, теперь она проходит на 50 верст к западу. Таким образом, несмотря на то, что мы заключили мир в момент, выгодный только для противника, когда наши войска отступали и Врангель усилил свой натиск, мы заключили мир на условиях более выгодных. Это еще раз доказывает вам, что, когда Советская власть делает свое предложение относительно мира, к ее словам и заявлениям обязательно нужно относиться серьезно, в противном случае будет то, что мы предлагаем мир на условиях худших, а получаем этот мир на условиях лучших»⁵.

Снова напомнив о миссии Буллита в Москве, В. И. Ленин продолжал: «Значит, не первый уже раз Советская власть доказывает, что она гораздо сильнее, чем кажется, и что в наших нотах нет того хвастовства и угроз, которые обычны для всех остальных буржуазных правительств, что не согласиться на мир с Советской Россией — значит получить этот мир через некоторое время на более худших условиях. Такие вещи в международной политике не забываются, и, доказав польским панам, что они получили теперь мир худший, чем тот, который мы им предлагали, мы приучим польские народные массы, польских крестьян и рабочих взвешивать, сравнивать заявления их правительства и нашего правительства»⁶.

Мы привели здесь сравнительно большие выдержки из выступлений В. И. Ленина, будучи совершенно убежденными в том, что отрывки из высказываний основоположников марксизма-ленинизма, передающие мысль не во всем ее объеме, а как бы усеченной или излагающие уже готовую формулу, вывод без той цепи умозаключений и фактов, которые привели к этому выводу, только обеднили бы читателя, затруднили бы ему проделать в своей голове ту работу мысли, которая единственно способна сделать этот вывод, эту формулу равными собственному выводу, собственной формуле.

Итак, основное, что вытекает из приведенных высказываний В. И. Ленина применительно к рассматриваемой нами теме: характер дипломатических документов зависит от классовой природы той дипломатии, продукцией которой являются эти дипломатические документы. Суть ленинской трактовки дипломатии открытых и прямых заявлений состоит не в том, что каждый дипломатический документ должен быть «открытым» в смысле его немедленной огласки, а в том, что в них нет

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 345—346.

⁶ Там же, с. 346.

инного содержания, кроме того, которое выражено прямо и открыто. Главное, что характеризует методы дипломатии открытых прямых заявлений, — соответствие этих заявлений вкладываемому в них содержанию, принимаемых обязательств — действительным намерениям и верность заключенным соглашениям.

Советская дипломатия не нуждается в маскировке своих целей, так как цели внешней политики Советского Союза выражают жизненные интересы не только народов социалистических стран, но и подавляющего большинства человечества. Когда же предпринимаются попытки представить советскую внешнюю политику в искаженном свете, то это встречает отпор. Так поступил Советский Союз в связи с распространением в Соединенных Штатах Америки различного рода версий относительно результатов советско-американских переговоров в Москве в марте 1977 года по вопросам ограничений стратегических вооружений. На пресс-конференции 31 марта член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко обстоятельно и аргументированно, что называется с фактами в руках, изложил действительное положение вещей на этих переговорах и их исход. «Хочу сказать: искренности нам не занимать, — заявил А. А. Громыко. — У нас ее хватает. Мы строим на этой основе всю свою политику и хотели бы, чтобы все строили на такой же основе свою политику, чтобы дела и слова не расходились»⁷.

Советский Союз заинтересован в том, чтобы как можно шире разъяснять смысл осуществляемых внешнеполитических мероприятий. Чем полнее это будет сделано, чем больше понимания будут встречать внешнеполитические акции Советского Союза во всем мире, тем большей притягательной силой, действенностью будут обладать эти акции, которые часто предпринимаются путем выступления с соответствующими дипломатическими документами. Поэтому советская дипломатия во всей своей деятельности проявляет неослабную заботу о том, чтобы довести до ума и сердца народов правду о внешней политике Советского Союза, правду о международных отношениях на каждом данном этапе их развития. Без правильного и глубокого понимания природы и характера внешнеполитической деятельности социалистических государств невозможно политически грамотно и квалифицированно составить дипломатические документы, поскольку эти документы являются лишь одним из средств осуществления целей советской внешней политики.

⁷ *Правда*, 1977, 1 апр.

Документы советской дипломатии имеют два адреса: они обращены одновременно и к правительствам, и к народам. В первом же внешнеполитическом акте Советской власти — Декрете о мире мы находим эти два адреса. В Докладе о мире на II Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин обосновал необходимость их сочетания в обращениях Советского государства к внешнему миру.

«Наше обращение, — разъяснял В. И. Ленин, — должно быть направлено и к правительствам и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»⁸.

На совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в качестве одной из важнейших черт внешней политики Советского Союза подчеркивался ее глубокий и подлинный демократизм:

«Решительно порвав с традициями эксплуататорских классов во внешней политике, с методами тайной дипломатии, с политикой сговора за спиной народов, Советская власть расторгла все секретные договоры, заключенные царской Россией. В важнейших вопросах, затрагивающих судьбы человечества, наша страна стала обращаться не только к правительствам других государств, но и непосредственно к народам.

Незыблемая демократическая основа, на которой мы строим отношения со всеми странами, со всеми государствами мира, — это признание на деле равноправия всех наций, больших и малых, признание равноправия всех рас и национальностей»⁹.

Ленинский принцип обращения во внешнеполитических акциях Советского государства, в дипломатических документах одновременно по двум адресам: к правительствам и к народам — краеугольное положение советской дипломатической практики.

Когда мы говорим о двух адресах, то это не означает, что одна часть дипломатического документа рассчитана на то, что она будет нужным образом восприниматься правительством —

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 16.

⁹ Правда, 1967, 4 нояб.

получателем этого документа, а другая его часть — народом этой страны. Тем более абсурдно предполагать, что отдельные абзацы или даже фразы каждые по себе имеют различные адреса. Нет, дипломатический документ — это органическое целое, и два адреса — правительства и народы — спаяны в нем воедино в каждом аргументе, в каждом абзаце, в каждой фразе. Нарушение такого единства привело бы к снижению действительности дипломатического документа, лишило бы его убедительности и в глазах правительств, и, что еще более важно, в глазах народов.

Если, скажем, у читателя ноты возникло бы впечатление, что эта нота, направленная правительству его страны и предлагающая провести с этим правительством переговоры по тому или иному вопросу, выдержана в таких выражениях, будто его правительство игнорируется, то нетрудно предсказать реакцию на подобную ноту. Читатель, а вместе с ним и миллионы других читателей — его соотечественников, народ данной страны, сделает для себя вывод, что предложение о переговорах выдвинуто не с серьезными намерениями, и он не окажет поддержки этому предложению, не захочет влиять на свое правительство в пользу принятия предложения о переговорах. И, хотя в ноте может содержаться деловое, конструктивное предложение, дипломатический выстрел все же окажется холостым.

«Мы не можем игнорировать правительства», — подчеркивал В. И. Ленин в приведенном выше высказывании на II Всероссийском съезде Советов, предугадывая опасность догматического подхода к ведению внешнеполитических дел, когда главное — практические результаты, возможное соглашение, достижение которого признается желательным и целесообразным, — приносится в жертву псевдореволюционной фразе.

Может быть и такой просчет при составлении дипломатического документа. Допустим, нота, несущая то же самое содержание, что и в предыдущем примере — предложение о переговорах по определенному международному вопросу, — написана чисто формально, сухим языком, значение содержащегося в ней предложения не разъяснено, аргументы в пользу его осуществления не приведены. Тогда в сознании читателя, а вместе с ним и в сознании миллионов читателей — его соотечественников, в сознании народа той страны, правительству которой была направлена эта нота, она не отложится как заслуживающая того, чтобы поднять голос в пользу принятия содержащегося в ней предложения, хотя это предложение отвечает интересам народа данной страны. Дипломатический

выстрел опять-таки окажется холостым просто в силу того, что при составлении ноты если не игнорирован, то потерян второй адрес — народ.

Народные массы, к которым наряду с правительством адресуются дипломатические документы, обладают реальными возможностями влияния на политику империалистических государств.

Эти возможности связаны не только с участием широких масс в избирательных кампаниях, с давлением снизу на процесс формирования общественного мнения, на парламент, но и с непосредственными политическими выступлениями (петиции, митинги, демонстрации, забастовки) или даже с потенциальной возможностью таких выступлений, с чем не могут не считаться господствующие классы. Когда настроения и требования масс чувствуются достаточно осязаемо, то в кругах, стоящих у руля управления империалистического государства, берут верх сторонники более умеренного внешнеполитического курса, усилия миролюбивых государств начинают находить известное понимание и отклик в этих кругах, усиливаются поиски соглашений, и международная обстановка теплеет. Когда же воздействие масс ослабевает, то верх берут те группировки буржуазии, чьи интересы срослись с производством вооружений, «холодной войной», фабрикацией международных кризисов. Тогда события поворачиваются в сторону обострения международной обстановки.

Советские дипломатические документы призваны быть катализаторами тех настроений, которые не позволяли бы ослаблять давление народных масс в защиту мира, свободы и независимости народов. Советская дипломатия, умело учитывая особые позиции и специфические интересы различных капиталистических стран, отслаивает в политике империалистических государств те стороны, которые могут быть полезны в деле укрепления международной безопасности, размуровывает выходы для той тенденции в империалистическом лагере, которая при сложившемся соотношении сил в мире предпочитает расширение международного сотрудничества, политику разрядки военным авантюрам.

Первый адрес — правительство или правительства — обычно указывается в самом дипломатическом документе. Второй адрес — народ или народы — чаще всего подразумевается. Наличие или отсутствие этого адреса в том или ином дипломатическом документе, разумеется, не определяется тем, содержится ли в нем прямое обращение или призыв к народу данной страны или к народам вообще, хотя и такая форма непосредственного адресования к народам в дипломатических

документах вполне возможна. Адресование дипломатического документа наряду с правительствами и к народам выражается прежде всего в содержании предложений и их соответствии интересам народных масс, в строе мыслей и аргументов, развиваемых в пользу осуществления этих предложений, в доходчивости языка, в рассчитанности документа в целом на правильное понимание его содержания не только правительством-адресатом, но и народом данной страны.

Как уже отмечалось выше, обращение ко второму адресату — народу может быть подразумеваемым, а может быть и прямым. В Декрете о мире, например, не только содержится предложение «всем воюющим народам и их правительствам» начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире, но и имеются более конкретные адреса. «Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, — говорится в Декрете о мире, — временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии»¹⁰.

Далее идет мотивировка этого обращения к народам трех указанных стран: «Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма: и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации». Перед нами, таким образом, прямая апелляция со стороны только что победившей пролетарской революции в России к чувству пролетарской солидарности, к рабочим Англии, Франции, Германии.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 16.

Эта ленинская традиция продолжается и развивается во внешнеполитической деятельности Коммунистической партии и Советского государства. Так, в годовщину 60-летия СССР было принято прямое обращение Верховного Совета СССР и ЦК КПСС к парламентам, правительствам, политическим партиям и народам мира. В нем, в частности, говорится: «Требование мира приобретает особенно важное значение в нынешних условиях, когда государства располагают оружием, способным уничтожить человеческую цивилизацию, саму жизнь на земле, и когда угроза войны, которую удалось заметно отодвинуть в 70-х годах, снова стала усиливаться, а международная напряженность ощутимо нарастает»¹¹.

Второй адрес дипломатического документа (народы) в свою очередь может детализироваться, делиться на множество более точных адресов: народы различных стран, различные классы, социальные слои и группы, имеющие свои специфические интересы в области международных дел.

Например, в связи с проблемой разоружения рабочих в капиталистических странах не может не волновать вопрос о сохранении своего рабочего места, тем более что буржуазная пропаганда запугивает трудящиеся массы угрозой безработицы, якобы неизбежной, если военное производство будет свертываться. Ясно, что если в дипломатическом документе рассматривается программа разоружения и один из подразумеваемых адресатов — рабочие капиталистических стран, особенно занятые в военной промышленности, то полезно вскрыть несостоятельность утверждений, что разоружение принесет с собой безработицу, показать, что перестройка промышленности на мирные рельсы — вещь осуществимая и в капиталистическом обществе и что мешают монополиям пойти на такую перестройку не мнимые опасения роста безработицы, а страх за свои сверхприбыли, выколачиваемые из производства вооружений.

Примеры таких точно нацеленных на определенную общественную группу аргументов можно обнаружить в большом количестве в советских дипломатических документах.

Памятуя о том, что дипломатические документы (здесь, как и всюду дальше, мы имеем в виду публикуемые дипломатические документы) адресуются одновременно правительствам и народам, мы вместе с тем должны учитывать, что есть дипломатические документы, которые направляются одной стране или группе стран, а есть дипломатические документы,

¹¹ *Правда*, 1982, 23 дек.

которые направляются всем или по крайней мере большинству стран мира.

Большое количество дипломатических документов является элементом двусторонних отношений между государствами, то есть имеет одного отправителя и одного получателя.

Почему мы останавливаемся на этой стороне дела? Потому что от того, насколько широк круг получателей дипломатического документа, зависят существенные моменты его содержания. Чем этот круг шире, тем меньше поддается разбивке на подадреса второй адрес (народы), тем меньше простора для учета специфики интересов отдельных стран, социальных слоев и групп внутри этих стран, тем укрупненнее аргументы, поскольку они вбирают в себя то общее, в чем заинтересованы не только миллионы и даже не десятки, а сотни миллионов людей. Понятно, что такого рода документы требуют особенно тщательной отработки, всестороннего продумывания, учета возможности разнообразнейших реакций, неопровержимой логики, впечатляющей силы аргументов, доходчивости.

Но независимо от того, к скольким странам обращен дипломатический документ — к сотне, к десятку или к одной, есть неперемное условие, без выполнения которого адрес — народ (народы) никак не проявит себя, а следовательно, дипломатический документ в целом останется ущербным, малодейственным. Это условие состоит в том, что в дипломатическом документе должны быть поставлены те вопросы, которые действительно волнуют народные массы страны, к которой обращен дипломатический документ, и что ответы на эти вопросы должны идти в одном направлении с политическим и жизненным опытом этих народных масс. А для этого необходимо хорошо знать, что их волнует, какие события вызывают у них огорчение и какие — радость, на что они надеются и чего опасаются, в чем правы и в чем ошибаются, в чем состоит их ограниченность, обусловленная теми или иными социальными и историческими причинами.

Чтобы учитывать все это многообразие оттенков политических настроений, необходимо очень хорошо знать страну, к которой направляется данный дипломатический документ, глубоко проникнуть в ее общественную, экономическую и духовную жизнь. Читать газеты, слушать радио, смотреть телепередачи, знать литературу, кино, театр, короче говоря, изучать положение в данной стране, настроения различных слоев общества по всем доступным источникам: от отчетов о парламентских заседаниях и биржевых ведомостей до карикатур, фельетонов и анекдотов — вот что требуется людям,

принимаящим участие в работе над составлением дипломатических документов¹².

Без предметного представления о жизни данной страны, без суммы совершенно конкретных знаний о ней невозможно составить дипломатический документ так, чтобы он доходил до сознания, до понимания людей, к которым он обращен, а тем более чтобы он затрагивал их за живое. Это — неременное условие.

Все это, конечно, довольно очевидно, и мы в последующих главах при разборе тех или иных советских дипломатических документов будем останавливаться и на том, как в них осуществляется учет политических настроений в стране, которой направляется дипломатический документ. Здесь же мы хотели бы на двух примерах показать тончайшее умение В. И. Ленина улавливать по, казалось бы, малоприметным признакам самое существенное, что происходило в умах людей далеко за рубежами революционной России.

...Конец 1919 года. Попытка Англии и Франции, только что поставивших на колени Германию, задушить Советскую Россию собственными войсками провалилась. Английские войска ушли из Архангельска, французские войска, высадившиеся на юге, вывезены обратно во Францию, ибо солдаты Антанты отказывались сражаться против русских рабочих и крестьян. Но Советская Республика продолжает оставаться в кольце блокады. На стол к Председателю Совнаркома В. И. Ленину попадают разрозненные экземпляры зарубежных газет. И вот В. И. Ленин обращает внимание на опубликованное 26 октября 1919 г. в газете «Юманите» (в то время органе Французской социалистической партии) заявление ряда представителей французской интеллигенции.

В этом заявлении выражался протест против вмешательства в дела России, потому что блокада и вызываемая ею голодная смерть детей и стариков не могут быть допустимыми с точки зрения культуры и цивилизации. Внимание В. И. Ленина привлекает также письмо французского историка Олара, который сам характеризует себя как врага большевиков, но который «ощущает краску стыда на лице», когда Франция приглашает Германию принять участие в блокаде России.

¹² Небезынтересно следующее замечание Жюль Камбона: «Знать страну — значит проникнуться ее духом, жить в атмосфере ее идей и научиться понимать связь ее внешней политики с внутренним положением. Чтобы достичь этого, посол не может удовлетвориться беседами с министрами и политическими деятелями. Внешне легкомысленные беседы очень часто дают ему больше, чем деловые разговоры; даже внимание женщин, занимающих выдающееся положение, с которыми он встречается в обществе, будет для него весьма полезно» (*Камбон Жюль*. Дипломат. М., 1946, с. 14.)

Почему эти на поверхностный взгляд мало что говорящие факты сконцентрировали на себе ленинскую мысль? Почему В. И. Ленин подробно анализирует их в докладе ВЦИК и Совнаркома VII Всероссийскому съезду Советов? Ответ на этот вопрос мы находим в самом докладе. В. И. Ленин делает вывод о том, что, после того как Советская Россия отвоевала у Антанты ее рабочих и крестьян, после того как был приобретен нейтралитет тех маленьких народов, которые пытались бросить против Советской России Антанта (Финляндия и др.), Советская Россия начала теперь отвоевывать у Антанты в ее собственных странах мелкую буржуазию и «образованное мещанство», которое до этого было целиком против большевизма. Это, как указал В. И. Ленин, третья победа, которую мы одержали над империалистической Францией внутри нее самой. «Вот о чем свидетельствует это выступление, шаткое, жалкое само по себе, выступление той интеллигенции, которая, как мы видели на десятках и сотнях примеров, может в миллионы раз больше шуметь, чем представляет собою силу, но которая отличается свойством быть хорошим барометром, ... давать показатель того, куда клонит общественное мнение, насквозь буржуазное»¹³.

И второй пример, точнее деталь того, как В. И. Ленин умел находить «хорошие барометры» буржуазного общественного мнения и пользоваться ими. В ответе на вопросы американского журналиста 20 июля 1919 г. В. И. Ленин констатирует, что революционное сознание растет везде. «Об этом говорят тысячи признаков. Один из неважных, но очень наглядных для филистера: романы Анри Барбюса («Le feu» и «Clarté»), который пошел на войну, будучи самым мирным, скромным, законопослушным мелким буржуа, филистером, обывателем»¹⁴.

Находить «хорошие барометры» общественного мнения в капиталистических странах, проникать в строй мыслей не только трудящихся масс, но и в психологию мелкой буржуазии и «образованного мещанства» — вот чему учат те два примера, которые мы привели и которых великое множество в трудах В. И. Ленина. А такое умение, основывающееся на материалистическом понимании истории, на диалектическом методе познания процессов общественной жизни, — неотъемлемое качество дипломатии, которая обращает свои акции не только к правительствам, но и к народам и которая во всех своих действиях исходит из того, что именно народы являются подлинными творцами истории.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 399—400.

¹⁴ Там же, с. 116.

В ИДЕАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ...

Методы и формы дипломатической деятельности Советского государства, разумеется, не остаются застывшими на различных этапах его исторического развития. Базируясь на главных принципах внешней политики Советского Союза, они видоизменяются и совершенствуются с учетом сдвигов, происходящих в расстановке сил на международной арене, в международной обстановке, складывающейся на данный момент. И на каждом историческом отрезке (годы становления Советской власти или вторая мировая война, годы первых пятилеток или сегодняшний день) в методах и формах дипломатической деятельности соответственно преобладают те из них, которые наиболее эффективно могут содействовать решению внешнеполитических задач, стоящих перед советским народом.

Сказанное полностью относится и к дипломатическим документам как к одной из форм, в которой проявляется дипломатическая деятельность государства. Нет также сомнения в том, что и в будущем новые внешнеполитические задачи будут влиять на дипломатические документы — на их содержание, форму, язык, придавать им особенности, отличающие их от дипломатических документов, которые удовлетворяли потребности вчерашнего дня, но на завтра оказывались не на уровне требований времени.

То новое, что в 50—80-е годы привнесли в теорию и практику социализма, в международное коммунистическое движение совещания коммунистических и рабочих партий, съезды КПСС, не могло не найти отражения в советских дипломатических документах, в том числе в их форме и языке.

Поле деятельности советской дипломатии — осуществление генерального курса внешней политики Советского Союза. Внешняя политика Советского государства, как это определено съездами КПСС, имеет своей целью обеспечить вместе с

другими социалистическими странами благоприятные международные условия для построения социализма и коммунизма; крепить единство и сплоченность социалистических стран, их дружбу и братство; поддерживать национально-освободительные движения и осуществлять всестороннее сотрудничество с молодыми развивающимися государствами; последовательно отстаивать принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем; давать решительный отпор агрессивным силам империализма; избавить человечество от новой мировой войны.

Дипломатические документы служат решению конкретных задач последовательного проведения в жизнь этих главных направлений советской внешней политики. И как бы ни отличались друг от друга отдельные дипломатические документы по значимости и широте своего содержания, каждый из них является как бы частицей общей мозаики: в процессе ознакомления с чередой публикуемых нот, заявлений, меморандумов, деклараций складывается, пополняется, уточняется представление о позиции государства по основным международным проблемам на данном этапе их постановки.

Одна из важнейших особенностей дипломатических документов состоит в том, что они предназначены не только для восприятия советского читателя, но и читателя зарубежного, который придерживается иных взглядов на международные дела, вкладывает свое, отличное от нашего, понимание в, казалось бы, однозначные понятия и который привык к другим, чем в Советском Союзе или в других социалистических странах, политическому языку и терминологии. Если не учитывать всего этого при формулировании каждой фразы, при логическом построении доводов, документ будет малоэффективным. К этому надо добавить, что сознание каждого человека в капиталистическом мире изо дня в день подвергается массовой обработке (через многообразные средства идеологического воздействия) идеями, являющимися антиподами идей, которые несут ему советские дипломатические документы.

Как бы далеко ни отстояли от военной машины империалистического государства отдельные звенья духовной деятельности, к ним тянутся от двигателей этой военной машины тысячи приводных ремней, часто невидимых для невооруженного глаза. Философия и художественная литература, экономические науки и эстетика, кино и телевидение, печать и радио, театр, школа, церковь, реклама — каждый по-своему приспособляется, для того чтобы вести в умах людей работу в заданном направлении. При этом те или иные аспекты внутренней жизни страны тесно переплетаются с вопросами

международными. Особенно это проявляется в ходе предвыборных кампаний в западных странах, когда внешнеполитические темы становятся объектом ожесточенных споров, дискуссий, и реакционные круги, представители военно-промышленных комплексов пытаются поставить под вопрос реалистические начала в политике соответствующих государств. В ход пускаются клевета, дезинформация, запугивание избирателей несуществующими «угрозами».

Все это говорит о том, как сложны и многообразны задачи, которые призваны решать советские дипломатические документы, как важно подходить к решению этих задач без упрощенчества, хорошо вооружившись конкретными фактами, отдавая себе полный отчет в имеющихся трудностях и соизмеряя основательность и силу используемых аргументов с подготовленностью и уровнем сознания тех, к кому они обращены.

Итак, мы подошли к самому существенному — к характеристике дипломатических документов с точки зрения их содержания.

Само собой разумеется, что каждый дипломатический документ, посылаемый правительству другой страны, преследует определенную практическую цель: повлиять на правительство-получателя таким образом, чтобы оно или пошло навстречу предложению, которое перед ним выдвигается, или разъяснило свою позицию, или воздержалось от каких-то действий и т. п. Все это так. Но вместе с тем дипломатические документы (в особенности те из них, которые предназначены быть обнародованными), как правило, отражают взгляды и на более широкие вопросы отношений между государствами, чем только тот конкретный вопрос, постановка которого явилась непосредственной причиной направления данного дипломатического документа другому государству или группе государств.

В этом смысле дипломатические документы не могут быть ничем иным, как носителями того мировоззрения, той идеологии, которая господствует в стране-отправителе. Иными словами, дипломатические документы выполняют свою роль в борьбе за умы и симпатии людей на одном из самых острых участков идеологического фронта, опоясывающего, подобно меридианам и параллелям, весь земной шар.

Но можно ли на этом основании объявлять их «пропагандистскими»?

К сожалению, в западных странах нередко прибегают к такому приему, для того чтобы уйти от делового рассмотрения конструктивных предложений Советского Союза, других социалистических стран или найти предлог для оправдания своего негативного к ним отношения.

Между тем и из уст государственных деятелей Запада вырываются красноречивые признания: «Никакая внешняя политика — сколь бы изобретательной она ни была — не имеет шансов на успех, если она порождена умами немногих и не запала в сердца никому». Это заявил тогдашний государственный секретарь США Г. Киссинджер 2 августа 1973 г. в Ассоциации международных ораторов.

Конечно, в идеологической борьбе не может быть никакого перемирия. КПСС всегда четко отделяла и отделяет эту область от области межгосударственных отношений с капиталистическими странами, которые строятся на принципах мирного сосуществования. Советский Союз, как и другие социалистические страны, претворяя эти принципы на практике, предлагает решать все спорные вопросы мирным путем, за столом переговоров. «Перенос идеологических противоречий в сферу межгосударственных отношений никогда не приносил ничего хорошего тому, кто во внешних делах прибегал к этому». Сейчас же, в ядерный век это просто абсурдно и недопустимо»¹.

По мере развития разрядки сотрудничество государств, имеющих различный социальный строй, распространяется и на такие сферы, как информация, культура, образование. Об этом свидетельствует опыт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также разносторонняя деятельность ЮНЕСКО. Разумеется, сотрудничество в этих сферах должно содействовать укреплению мира, развитию взаимопонимания между государствами и дальнейшему улучшению отношений между ними и строиться при строгом соблюдении законов и административных правил каждой страны, невмешательстве во внутренние дела друг друга.

Философия мира — это философия исторического оптимизма.

Глубоко гуманные идеи научного социализма и коммунизма, неотделимые от активной борьбы против угрозы войны и актов агрессии, за свободу народов и социальный прогресс, — таков мир тех понятий, в котором формируется политическое, философское и моральное содержание советских дипломатических документов. Теоретические выводы, которые сделала Коммунистическая партия Советского Союза на своих съездах и которые стали ее программными положениями, находят свое отражение и в советских дипломатических документах, преломляясь в них применительно к специфике

¹ Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова — *Правда*, 1983, 29 сент.

официального характера межгосударственных отношений и к конкретным фактам международной жизни.

Главное в этой специфике состоит в том, что дипломатические документы (если они не направляются социалистическим странам) адресуются не единомышленникам, а правительству, заведомо отвергающему социалистическое мировоззрение. Кроме того, если иметь в виду второй адрес дипломатического документа — народы, то в своей значительной части и этот адресат состоит из людей, далеких от идей марксизма-ленинизма. Поэтому в дипломатических документах, адресованных несоциалистическим странам, имеет место именно соответствующее преломление основополагающих марксистско-ленинских принципов, а не такое их изложение, которое было бы рассчитано на людей, уже стоящих на позициях марксизма-ленинизма.

Возьмем, к примеру, вопрос о характере современной эпохи, как он ставится в проекте Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, внесенном Советским правительством 23 сентября 1960 г. на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

«Наша эпоха — эпоха стремительного обновления общества, эпоха утверждения более прогрессивных и справедливых форм жизни, взлета к невиданному еще могуществу человека над силами природы»².

Это определение, разумеется, не может быть признано достаточно точным и развернутым. Каждый грамотный человек, воспитанный на учении марксизма-ленинизма, сумеет выразить более конкретно и полно особенности современной эпохи. Он скажет, что ее основное содержание составляет переход от капитализма к социализму и что современная эпоха есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе.

Но суть дела состоит как раз в том, чтобы в документе, адресованном определенной международной аудитории, учитывался уровень ее подготовленности к восприятию положений и выводов марксизма-ленинизма. А аудитория эта, только формально, — делегации, находящиеся в зале заседаний Генеральной Ассамблеи. Фактически же эта аудитория — весь

² *Правда*, 1960, 24 сент.

мир. Нужно ли доказывать, как важно найти общий язык с этой аудиторией и выразить на этом понятном ей языке желаемую мысль, идею, вывод.

Вот другое место из проекта Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам:

«Не могут быть свободными народы, угнетающие другие народы. Каждый свободный народ должен помочь завоевать свободу и независимость все еще угнетенным народам»³.

В первой фразе отчетливо звучит набатный язык Коммунистического манифеста. Вторая — революционный призыв.

Тот же вопрос о характере современной эпохи, но в более узком аспекте, применительно к проблеме разоружения, трактуется в Декларации Советского правительства о всеобщем и полном разоружении от 18 сентября 1959 г.⁴ В двух выдержках из этой декларации, которые приводятся ниже, также имеет место «преломление» выводов марксистско-ленинских партий относительно возможности предотвращения войн в современную эпоху, тех опасностей для человечества, которые создает появление ядерного оружия, а также о реальности и осуществимости разоружения. Существо этого «преломления» заключается в том, что теоретические положения и политические выводы, неотъемлемые от коммунистического мировоззрения, разъясняются с должным учетом степени подготовленности к их восприятию и усвоению, то есть с возможно максимальным проникновением в мир представлений тех, кому адресуются дипломатические документы.

«Обе мировые войны, — говорится в Декларации Советского правительства о всеобщем и полном разоружении от 18 сентября 1959 г., — начинались, как правило, между странами, которые являлись соседями, имели общую границу. Теперь же война может вспыхнуть между государствами, отдаленными друг от друга на многие тысячи километров, и втянуть в свою орбиту целые континенты.

В такой войне, если ее вовремя не отвратить, расстояния измерялись бы тысячами и десятками тысяч километров, время — минутами и секундами, а жертвы — миллионами, десятками и сотнями миллионов человеческих жизней. Это была бы война, которая не знала бы различия между фронтом и тылом, между действующими армиями и мирным населением, между солдатами и детьми».

И дальше:

«Сегодня атомные и водородные бомбы не только хранятся

³ *Правда*, 1960, 24 сент.

⁴ См. *Известия*, 1959, 19 сент.

на сверхзасекреченных складах. Этими бомбами оснащаются бомбардировщики, совершающие полеты над территориями многих западноевропейских стран. Дело идет к тому, что сверхмощное и сверхдальнее оружие может быть пущено в ход не только по приказу правительств, но и по воле отдельных людей, стоящих у пульта управления этим оружием. Но ведь государство, в пределы которого по злому умыслу, технической неисправности или случайности будет сброшен ядерный груз, скорее всего не станет заниматься проверкой причин такого действия, а будет вынуждено реагировать на него как на военное нападение, как на развязывание войны. Можно ли допустить, чтобы вопрос о том, быть миру или войне, был отдан на откуп слепому случаю? Не говорит ли все это еще раз о том, что идти по пути вооружений дальше некуда. Советский Союз далек от того, чтобы принимать состязание в области вооружений как фатальную неизбежность, которая во все времена должна сопутствовать взаимоотношениям между государствами... Оружие создается руками человека. Эти же руки способны уничтожить его».

Сказанное выше отнюдь не означает, что при всех обстоятельствах и в любом дипломатическом документе должно совершаться «преломление» положений, составляющих существенную часть его содержания.

Может быть и по-другому — когда положение высказывается прямо. Это имеет место тогда, когда адресаты благодаря собственному опыту созрели для правильного восприятия соответствующих истин марксизма-ленинизма или близки к такому восприятию.

Обратимся к той же теме — разоружению. Но речь идет уже не о 1959 году, а о 1976-м. За этот период мировое общественное мнение не в последнюю очередь благодаря настойчивым усилиям Советского Союза, других социалистических стран сумело основательнее, объективнее разобраться в причинах гонки вооружений, оказалось лучше подготовленным к тому, чтобы воспринимать прямое изложение взглядов на этот счет. В Меморандуме Советского Союза по вопросам прекращения гонки вооружений и разоружению, внесенном на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отмечается, что в новых исторических условиях проблема прекращения гонки вооружений и разоружения стала самой крупной по масштабу и самой важной по значению проблемой межгосударственных отношений.

Для любого государства, стремящегося обеспечить безопасность своего народа, создать наиболее благоприятные возможности для его движения по пути прогресса, для любого

политического деятеля, сознающего свою ответственность за развитие событий в мире, для любого здравомыслящего человека может быть только один выбор — все должно быть сделано для прекращения гонки вооружений и разоружения. Задача эта непростая: при выработке любой меры в области разоружения государствам приходится принимать решения по вопросам, самым непосредственным образом связанным с их национальной безопасностью, тщательно взвешивать многообразные факторы политического, стратегического, военнотехнического порядка. Но хорошо известно, что не из-за этих трудностей до сих пор не удается положить конец гонке вооружений.

В меморандуме Советского Союза точно, в соответствии с марксистско-ленинским анализом современного положения дел на международной арене называются те силы, которые несут ответственность за продолжение наращивания вооружений: «Главным препятствием является противодействие империалистических сил. Препятствие создают прежде всего монополистические круги, которым гонка вооружений приносит миллиардные прибыли. Препятствием являются политические партии и группы, связавшие себя с политикой «холодной войны», не оставляющие безрассудных замыслов с помощью силы решить историческое противоборство двух социальных систем. Стремятся затормозить решение вопросов разоружения и те, кто цинично проповедует, будто будущее человечества легче всего построить на радиоактивных развалинах, кто ради узких, чуждых интересам народов целей своей великодержавной политики готов подвергнуть в новой мировой войне массовому уничтожению и собственный народ»⁵.

Другим примером прямого, без «преломления», адресования к народам, прежде всего колониальных стран, может служить выдержка из советского проекта Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам: «Выгоды от эксплуатации колоний получают отнюдь не народы, а главным образом крупные иностранные монополии — миллиардеры. Народы как Востока, так и Запада принуждены платить высокую дань колониализму. Нефть и кофе, каучук и хлопок, медь и бананы, разнообразное сырье и продовольствие, привозимое из колоний, продаются в десятки раз дороже, чем они покупаются на месте. Монополии грабят людей дважды — на Востоке, когда они покупают, и на Западе, когда они продают колониальные товары и сырье.

Мало того, они заставляют народы колоний содержать в

⁵ *Правда*, 1976, 30 сент.

мирное время чужеземные войска и администрацию, то есть оплачивать стоимость цепей, в которые они закованы. Одновременно монополии облагают налогоплательщиков метрополий повышегными налогами на проведение карательных экспедиций и колониальных войн, заставляя народы метрополий также оплачивать кандалы, в которые монополисты-колонизаторы заковывают другие народы. На деле они погребают на полях опустошений свободу собственного народа вместе с независимостью других наций. Такое положение является само по себе тяжелым обвинительным приговором колониальному строю»⁶.

Как указывается в Программе КПСС, буржуазия уже не в состоянии выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь за собой народные массы. Все больше людей в капиталистических странах порывает с буржуазным мировоззрением.

В речи по случаю вступления на пост президента США 20 января 1969 г. Р. Никсон сделал примечательное высказывание: «Мы видим, что мы богаты товарами, но бедны духом». Он говорил далее о том, что «на духовный кризис нам нужно найти духовный ответ». Нужно найти...

Тот факт, что западный мир переживает кризис идей, признается повсеместно. Если падение курса валют ряда западных стран регистрируется банками и биржами, объявляется правительствами, то девальвация духовных ценностей происходит, может быть, не в столь сенсационных обстоятельствах, но ее порой незримые последствия не менее глубоки и драматичны. Этот кризис проявляется, в частности, и в том, что державы, претендующие на положение лидеров в военно-политических группировках Запада, не могут записать на свой счет ни одной программы, ни одного действительно крупного предложения, которые своей широтой и вместе с тем реалистичностью, концентрированным выражением требований времени захватили бы воображение народных масс, живущих в различных частях света, в различных общественных и социальных условиях.

Существуют ли такие программы и предложения? Существуют. Это прежде всего Программа борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, выдвинутая XXIV съездом КПСС и получившая свое органическое продолжение и дальнейшее развитие на XXV и XXVI съездах КПСС. Все содержание программы свидетельствует о том, что Коммунистическая партия Советского Союза ставит в порядок дня назревшие и вместе с тем перспективные

⁶ *Правда*, 1960, 24 сент.

задачи, решения которых требуют в современных условиях интересы мира и безопасности народов, прогресса человечества.

На решение этих задач направлена советская внешняя политика. Советский Союз терпеливо и последовательно ищет все новые и новые пути развития мирного взаимовыгодного сотрудничества государств с различным общественным строем, пути к разоружению.

А сколько идей и предложений, уже реализованных, обязаны своим рождением инициативам, настойчивым усилиям Советского Союза, других социалистических стран! Простой перечень всего этого был бы весьма внушительным. Возьмем только одно политико-географическое направление — Европу и только одну область — разоружение.

Далеко не сразу получила визу в жизнь идея созыва общеевропейского совещания. Многим западным странам пришлось перешагнуть через предубеждения, преодолеть колебания и сомнения, прежде чем они убедились в плодотворности этой идеи, в ее полезности для всех европейских государств, США и Канады. В итоге эта уникальная международная акция была претворена в жизнь, и сейчас повсюду в мире признается историческое значение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Перейдем теперь к вопросу о разоружении. Хотя здесь за последние годы удалось сделать шаги, имеющие лишь первоначальный и ограниченный характер, значение их, однако, велико.

Это — советско-американские соглашения, направленные на предотвращение ядерной войны и уменьшение опасности ее случайного возникновения, на ограничение стратегических вооружений, а также соглашение между Советским Союзом и Францией о предупреждении случайного или несанкционированного применения ядерного оружия.

Это — меры по ограничению гонки ядерных вооружений, в том числе договоры о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, договоры о нераспространении ядерного оружия, о его неразмещении в космосе, на небесных телах, на дне морей и океанов.

Это — международная Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, уже вступившая в силу, и Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду.

Нельзя сказать, что империалистические государства не пытаются «обогатить» человечество различными внешнеполитическими концепциями и доктринами. Напротив, такие доктрины и концепции выдвигаются довольно часто. В Соединенных Штатах почти каждый президент или государственный секретарь пытается подобным образом утвердить свое имя в международной политике. Однако, как правило, общим знаменателем различных политико-идеологических конструкций, провозглашаемых в странах Запада, являются установка на глобальное противоборство с социализмом, противодействие мировому революционному процессу, ориентация на применение силы в международных отношениях, гегемонистские притязания. Естественно, что в советских дипломатических документах значительное место занимает критика внешнеполитических доктрин, имеющих подобную направленность: «с позиции силы», «балансирования на грани войны», «ограниченной» «затяжной» ядерной войны, «равновесия страха» и др.

Глубокий кризис, переживаемый буржуазной идеологией, проявляется, в частности, и в том, что ни буржуазным теоретикам, ни практикам в области международных отношений не находится сказать ничего существенно нового, конструктивного, вселяющего в народы уверенность в своем завтрашнем дне, по вопросу о войне и мире.

Конечно, империалистические государства в наше время не в состоянии обходить наиболее крупные по масштабу и важные по значению проблемы современной мировой политики, и прежде всего прекращения гонки вооружений. Их внешняя политика, дипломатия, средства воздействия на общественное мнение отнюдь не примитивны. Напротив, они действуют с большой изощренностью, чтобы выставить правительства своих государств в качестве сторонников международной безопасности, осуществления мер в направлении разоружения. В политических декларациях большинства правительств, в платформах политических партий, в ходе избирательных кампаний на Западе в последние годы делается немало заявлений общего характера в пользу разоружения. Но эти заявления остаются только заявлениями. Они превращаются в стандартный атрибут лозунгового порядка, поскольку все еще редко, крайне редко сочетаются с готовностью пройти свою часть пути к достижению конкретных соглашений и договоренностей, накладывающих определенные ограничения на ими же развязанную и продолжающуюся гонку вооружений.

Советские дипломатические документы последних лет доказали на деле (и это признается на Западе) свою способнос- т

оказывать все усиливающееся влияние на развитие политической мысли и общественные движения в различных странах, в том числе в капиталистических, все шире привлекать симпатии сотен миллионов людей к миролюбивой внешней политике Советского Союза, все действеннее пробуждать энергию народов к выступлениям в защиту мира, за решение назревших международных проблем путем переговоров. Причины этого кроются как в росте могущества СССР, в успехах науки, повышении благосостояния и духовной культуры советского народа, так и в том, что в решениях своих съездов и пленумов Центрального Комитета Коммунистическая партия Советского Союза сумела выработать и выступить перед внешним миром с системой теоретических положений, научных взглядов и глубоко гуманистических идей и воззрений, отвечающих интересам всего человечества.

Марксизм-ленинизм учит, что идеи, овладевшие массами, превращаются в материальную силу. Идеи, которые владеют нашей мыслью, указывал К. Маркс, «подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им»⁷. В идеальном представлении советские дипломатические документы должны быть настолько доходчивыми, убедительными даже для людей, не разделяющих излагаемых в этих документах взглядов, чтобы они связывали их ум такими узами, вселяли в их души таких демонов, о которых писал К. Маркс.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 118.

ВЕС СЛОВА В ДИПЛОМАТИИ

Слово — устное и особенно письменное — играет исключительную роль в межгосударственных отношениях, а следовательно, и во всей дипломатической деятельности. Еще Демосфен в речи «О преступном посольстве»¹ говорил, что послы не имеют в своем распоряжении ни боевых кораблей, ни тяжелой пехоты, ни крепостей, их оружие — слова и благоприятные возможности. Когда проводятся важные переговоры, эти возможности мимолетны. Если они упущены, то упущены навсегда. Посол, который медлит и не дает возможности воспользоваться удобным стечением обстоятельств, не просто упускает благоприятные возможности, а теряет власть над событиями.

Как видно из этих высказываний дневногреческого оратора, уже в античном мире отдавали себе отчет в том, что слово в дипломатии «не звук пустой», а сгусток воли государства, дающий или, наоборот, отнимающий власть над ходом событий. Как же должно быть взвешено, рассчитано на всевозможные реакции такое слово, прежде чем оно написано или произнесено!

В истории дипломатии много случаев и примеров, когда слово, идущее во внешний мир от имени того или иного государства, будучи неосторожным или двусмысленным, наносило вред своему государству, било, подобно бумерангу, по его собственному престижу. Бывали и такие случаи, что слово это специально было рассчитано на привлечение внимания к определенной международной проблеме или ситуации, а то и на прямой международный скандал.

Можно считать классическим примером того, что значит слово в арсенале дипломатии, историю с «эмской депешей» Бисмарка.

...Летом 1870 года политические страсти в Париже и

¹ См. Демосфен. Речи. М., 1954, с. 304—402.

Берлине достигли высокого накала. Пруссия готовилась к войне с Францией и искала лишь повода для этого. Наполеон III, подбадриваемый императрицей и военным министром, переоценил военные возможности Франции и также решился на войну с Пруссией.

Как часто бывает в истории, противоречия между Францией и Пруссией внешне сфокусировались не на тех подлинных причинах, которые толкали их к войне друг с другом, а на обстоятельствах третьестепенных и в сущности ничемных. Волей случая оказался вакантным испанский престол, и на него был избран принц Леопольд, принадлежащий к побочной линии династии Гогенцоллернов — Зигмарингенам. В Париже разыгралась буря. Наполеон III решительно протестует: Франция не может допустить, чтобы одна и та же династия — Гогенцоллерны царствовала и в Пруссии, и в Испании. Французский посол в Берлине потребовал от Вильгельма I, чтобы Леопольд отказался от испанского престола. Вильгельм I выполнил это требование французов. Но Наполеону III нужна была война с Пруссией. Французскому послу в Пруссии были даны инструкции немедленно отправиться в резиденцию Вильгельма I в Эмсе и предъявить требование, порождающее своей беспардонностью и нелепостью: прусский король должен дать формальный обязательство, что запретит Леопольду принять испанский престол, если ему когда-нибудь снова предложат это. Вильгельм I ответил французскому послу, что он не считает возможным дать подобные обязательства. Одновременно прусскому послу в Париже было разъяснено, что от Вильгельма I помимо указанного обязательства требуется заявление, что он не имел в виду посягать на интересы Франции и достоинство французской нации, а также письменное обещание в будущем не вредить интересам и достоинству Франции. Мало того, в тот же день французский посол снова запросил у Вильгельма I аудиенции, чтобы повторить эти требования письменных гарантий. Вильгельм I отказался принять посла, но последнему удалось «поймать» короля на вокзале при его отъезде из Эмса. Вильгельм I сказал при этой встрече, что более того, что он уже заявил послу, он сказать сейчас не может, но что переговоры по этому вопросу будут продолжены в Берлине.

Вильгельм I поручил одному из чиновников прусского министерства иностранных дел изложить события этого дня, его беседы с французским послом в телеграмме и послать ее из Эмса в Берлин канцлеру Бисмарку. Такова предыстория «эмской депеши».

Бисмарк получил депешу в тот же день вечером, 13 июля

1870 г. Депеша содержала слова Вильгельма I о том, что переговоры будут продолжаться в Берлине. Бисмарк, обедавший в это время с начальником главного штаба прусской армии Мольтке и военным министром Рооном, спросил их, можно ли ручаться за победу в войне с Францией. Оба ответили утвердительно. «В таком случае продолжайте спокойно обедать», — сказал Бисмарк своим гостям. Он вышел в другую комнату, перечитал депешу и зачеркнул то место, где было сказано, что французский посол просил новой аудиенции у Вильгельма I, и слова, сказанные королем на вокзале, о том, что переговоры будут продолжаться в Берлине. Оставив от депешы только голову и хвост, Бисмарк придал телеграмме такой смысл, что Вильгельм I отказался дальше вообще разговаривать с французским послом.

Бисмарк сам живописно рассказывает в своей книге «Мысли и воспоминания», как он разделался с текстом депешы, полученной из Эмса, отмечая приличия ради, что в этом тексте им ничего не было изменено или добавлено.

Совершенно иное впечатление, производимое сокращенным текстом «эмской депешы» по сравнению с оригиналом, поясняет Бисмарк, зависит не от более энергичных выражений, а лишь от формы. (Вот текст «эмской депешы» в том виде, какой придал ей Бисмарк: «После того как известия об отречении наследного принца Гогенцоллерна были официально сообщены французскому императорскому правительству испанским королевским правительством, французский посол предъявил в Эмсе его королевскому величеству добавочное требование уполномочить его телеграфировать в Париж, что его величество король обязывается на все будущие времена никогда не давать снова своего согласия, если Гогенцоллерны вернутся к своей кандидатуре. Его величество король отказался затем еще раз принять французского посла и приказал дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имеет ничего больше сообщить послу».)

Когда Бисмарк прочел своим гостям телеграмму в сокращенной редакции, Мольтке заметил: «Так-то звучит совсем иначе; прежде она звучала сигналом к отступлению, теперь — фанфарой, отвечающей на вызов». Бисмарк заверил своих гостей, что как содержанием, так и способом распространения телеграмма в ее теперешнем виде произведет «на галльского быка впечатление красной тряпки». Тут же Бисмарк передал для опубликования в печати фальсифицированный текст «эмской депешы».

Остается добавить, что события развивались дальше в соответствии с расчетами Бисмарка. 20 июля 1870 г. Франция

объявила войну Пруссии, которая кончилась разгромом при Седане, пленением Наполеона III и франкфуртским миром, стоившим Франции пятимиллиардной контрибуции, аннексии Эльзаса и части Лотарингии.

Манипуляции, подобные той, которую проделал Бисмарк с телеграммой из Эмса, становятся не только достоянием учебников дипломатии, они оставляют легко воспаляющиеся рубцы в памяти народов. Когда в феврале 1968 года лидер Социал-демократической партии Германии Вилли Брандт, выступая в западногерманском городе Равенсбурге, произнес фразу, которая была воспринята в Париже как вызывающе звучащая для Франции, то на страницах французской и мировой печати немедленно замелькали заголовки: «равенбургская депеша». Так аукнулась и почти через столетие откликнулась во франко-западногерманских отношениях история с «эмской депешей».

Поучительна история и с телеграммой Вильгельма II президенту Трансвааля Крюгеру, посланной 3 января 1896 г. Англия в это время находилась в конфликте с бурами. В интересах своей колониальной политики и ради подрыва позиций Англии Германия поддерживала буров. Крюгер публично заявил, что он надеется на германскую помощь. Отряд полиции Южноафриканской компании во главе с управляющим этой компании Джемсоном² вторгся 29 декабря 1895 г. в пределы Трансвааля. Но набег Джемсона был быстро ликвидирован: 2 января 1896 г. он был взят бурами в плен вместе со всем своим отрядом.

Тем временем вдали от Трансвааля события шли своим ходом. В тот же день, когда Джемсон уже был разбит бурами, из Берлина пришло указание германскому послу в Лондоне вручить английскому правительству ноту с резким протестом против налета Джемсона. Поздно вечером нота была направлена в Форин оффис. Наконец в Берлине стало известно о поражении Джемсона. Берлинскому послу в Лондоне полетело новое предписание: приостановить отправку ноты, если еще не поздно. Берлинскую дипломатию выручила случайность: нота пролежала в нераспечатанном конверте до утра, и германский посол успел заполучить ее обратно. Но на этом дело не кончилось. Утром 3 января на совещании у Вильгельма II было решено, что император pošлет демонстративную телеграмму президенту Крюгеру. В этой телеграмме кайзер поздравлял президента с тем, что бурам удалось собственными силами, «не

² Председателем компании был небезызвестный английский колониальный деятель Сесиль Родс.

прибегая к помощи дружественных держав», «восстановить мир и отстоять независимость», дав отпор «вооруженным бандам».

Этот намеренный вызов и угроза англичанам принесли дипломатии Вильгельма II только дополнительные трудности. Англо-германский антагонизм приобрел новую остроту. Франция стала занимать в отношении Германии более осторожную позицию. Заметно поколебались отношения внутри тройственного союза, поскольку Италия и Австро-Венгрия опасались дальнейшего ухудшения своих отношений с Англией. Угроза Вильгельма II не принесла результатов. За ней не последовало никаких действий, а нервы англичан не дрогнули. Чтобы попытаться загладить дело с телеграммой Крюгеру, Вильгельм II вскоре без приглашения английской стороны съездил в Лондон на поклон к королеве Виктории. Телеграммой Крюгеру был дан выход эмоциям германского кайзера, но это обошлось Германии ценой серьезного ослабления ее международных позиций.

По определению Гете, сущность дилетанта заключается в том, что он недооценивает трудности того или иного дела. Когда это качество проявляется в такой области, как дипломатия, где так называемых «мелочей» вообще не существует и где все во много крат сложнее, многограннее, тоньше, чем кажется на поверхностный взгляд, когда к тому же дилетантизм соединяется с монаршим своеволием, то это приводит к таким конфузам, которыми изобилует личная дипломатия Вильгельма II. «Может быть, вы хотите телеграфировать дядюшке Крюгеру? Телеграф находится за углом направо» — такими выкриками сопровождали лондонцы торжественную процессию по случаю визита одного из принцев германского императорского дома через год после злополучной телеграммы.

Окружением Вильгельма II была изобретена формула: «Бестактность — признак мужества». И германский император не раз демонстрировал свои совершенно исключительные способности по части проявлений бестактности. Воспоминания Б. Бюлова, бывшего длительное время канцлером при Вильгельме II, буквально пересыпаны подобными примерами.

В январе 1904 года Вильгельму II наносил визит Леопольд Бельгийский. Настал последний день пребывания короля в Берлине. Когда Вильгельм, провожавший Леопольда, вернулся с вокзала, один из сопровождавших его адъютантов спросил Бюлова: «Что случилось с бельгийским королем? Похоже, что был скандал. Король выглядел совсем раздраженным. Старый господин был так расстроен, что неправильно надел шлем

своего прусского драгунского полка — эрлом назад, вместо того чтобы надеть его наперед».

Что же в действительности произошло? Об этом Вильгельм II сам поведал Бюлову. Действительно, между германским императором и бельгийским королем произошла бурная сцена. Вильгельм говорил Леопольду о его гордых предшественниках — бургундских герцогах и прибавил, что если король хочет, то он может снова восстановить их государство и простираться свой скипетр над французской Фландрией, Артуа и Арденнами. По свидетельству Вильгельма, король сначала непонимающе «выпучил глаза», а затем, «оскалив зубы», заметил, что о таких далеко идущих планах ничего не хотят знать ни бельгийские министры, ни бельгийские палаты. «Тогда я потерял терпение, — рассказывал Вильгельм II, — и сказал королю, что я не могу уважать монарха, который чувствует себя ответственным перед депутатами и министрами, вместо того чтобы отвечать только перед господом на небесах. Я ему также сказал, что не позволю со мной шутить. Тот, кто в случае европейской войны не будет со мной, тот будет против меня».

Бюлов весьма кисло реагировал на этот рассказ своего сюзерена. Он пытался объяснить Вильгельму, какими политическими последствиями чреваты угрозы нарушить нейтралитет Бельгии и пренебречь подписанными договорами и что такого рода действиями Германия дает в руки своих противников те невесомые факторы, которые, говоря словами Бисмарка, весят больше, чем материальные ценности.

Беседа между бельгийским королем и германским императором имела свое продолжение через десять лет. 4 августа 1914 г. тогдашний германский канцлер Бетман-Гольвег цинично заявил в рейхстаге, что германское вторжение в Бельгию было несправедливым делом, но что «нужда не знает заповедей». Вечером того же дня в беседе с английским послом Бетман-Гольвег произнес печально знаменитую фразу: он назвал международные договоры, которыми обосновывался нейтралитет Бельгии, «клочком бумаги».

Можно не разделять мнение Бюлова о том, что Германия дипломатически и политически проиграла мировую войну еще прежде, чем раздался первый выстрел. Несомненно, однако, что неуклюжесть германской дипломатии, и в частности личная лепта в нее кайзера Вильгельма II, сыграла в этом немало важную роль. Разоблачения этой роли в «Воспоминаниях» такого авторитетного свидетеля, как Б. Бюлов, привели к тому, что вскоре после первой мировой войны рейхстаг постановил вынести из своего помещения портрет князя

Бюлова — того самого Бюлова, которому рукоплескал рейхстаг, когда в своей программной речи он провозгласил империалистическое требование обеспечить для Германии «место под солнцем».

Одно и то же политическое содержание, передаваемое с помощью неодинаковых словесных выражений, может восприниматься по-разному. Дипломатия этим широко пользовалась во все времена.

Нюансировка слов и понятий — кладезь возможностей для умелой дипломатии.

Во времена Генриха IV французский дипломат Жаннен был послан в Голландию с посреднической миссией склонить Соединенные провинции³ и Испанию к переговорам о мире. Ни принц В. Оранский, ни король Испании не были склонны вести переговоры. Эти переговоры прерывались и возобновлялись несколько раз. Они тянулись уже два года, писал Ж. Камбон, когда Жаннен, зная, какую силу имеют слова и сколь свойственны слабости даже самым великим людям, придумал заменить слово «мир» выражением «длительное перемирие». Для самолюбия монархов, не желавших согласиться на мир, перемирие оказалось приемлемым. В 1602 году между Испанией и Соединенными провинциями был подписан договор о перемирии, по которому Испания признала независимость Соединенных провинций. Разумеется, к содействию признанию Испанией Соединенных провинций Генриха IV побуждали отнюдь не альтруистические мотивы: он добивался ослабления могущества династии Габсбургов и стремился поддержать выгодно складывавшееся для Франции равновесие между европейскими державами.

Каким острым и коварным оружием является в дипломатии слово и как жестоко приходится расплачиваться за склонность к самообольщению, за стремление принимать желаемое за действительное, показывает следующий эпизод кануна первой мировой войны.

Место действия — Берлин. Время действия — август 1914 г. Германия уже воюет с Россией, Англией и Францией. Япония пока не определила, на чьей она стороне. Германского канцлера Бетман-Гольвега посещает посол Японии. Причина его прихода состоит в том, что в Германии вступил в действие закон, запрещающий со дня вступления Германии в войну выполне-

³ Семь северных нидерландских провинций образовали во время буржуазной революции XVI века новое государство, которое называлось Соединенные провинции. Восставшие боролись за освобождение Нидерландов от власти испанской абсолютной монархии.

ние иностранных заказов. А Япония заказала фирмам «Крупп» и «Вулкан» орудия и броню. Эти заказы готовы. Посол просит устранить досадное недоразумение, так как Япония собирается вступить в войну «с одной великой державой». Многозначительные слова насчет «одной великой державы» сопровождаются не менее многозначительной улыбкой. Просьба посла немедленно удовлетворяется: еще бы, ведь он дал ясно понять, что нападение Японии на Россию — дело ближайшего будущего.

Через несколько дней японский посол снова в кабинете Бетман-Гольвега. На этот раз в руках у него ультиматум: Германия должна немедленно убраться вон из занятой ею территории в Китае. Текст японской ноты отличается невероятной грубостью, не свойственной практике японской дипломатии. Бетман-Гольвег и его статс-секретарь фон Ягов делают любопытное открытие: оказывается, японская ультимативная нота 1914 года в точности, вплоть до запятых, скопирована с текста той оскорбительной ноты, с которой Германия обратилась почти двадцать лет назад (в 1895 г.) к Японии, требуя от нее отказа от Симоносекского договора⁴. Вильгельм II был приведен в бешенство этим трюком японской дипломатии. Но сами представители японской дипломатии отрицали наличие какого-либо обмана с ее стороны. Ведь посол говорил, что Япония собирается воевать «с одной великой державой». А разве Германия не великая держава?⁵

В истории советской внешней политики есть досадные страницы, относящиеся к периоду брестских переговоров. Левая псевдореволюционная фраза нанесла большой ущерб усилиям В. И. Ленина вывести Советскую Россию из империалистической войны. Формула Троцкого «ни войны, ни мира», которой он следовал на переговорах в Бресте, дорого стоила советскому народу. В ответ на германский ультиматум Троцкий, нарушив директиву В. И. Ленина, заявил 10 февраля 1918 г., что, «отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту»⁶. Это был срыв переговоров, желанный для германского командования

⁴ Симоносекский мирный договор был подписан между Японией и Китаем 17 апреля 1895 г. В результате демарша России, Германии и Франции Япония вынуждена была отказаться от приобретения Ляодунского полуострова, что предусматривалось условиями договора.

⁵ *История дипломатии*, т. III, М., 1945, с. 725—726.

⁶ *Мирные переговоры в Брест-Литовске*, т. I, М., 1920, с. 208.

повод возобновить военные действия, чем оно немедленно воспользовалось.

В своих воспоминаниях Н. К. Крупская пишет об этом предательстве Троцкого: «Любитель красивых слов, красивых поз, и тут он не столько думал о том, как вывести из войны страну Советов, как получить передышку, чтобы укрепить силы, поднять массы, сколько о том, чтобы занять красивую позу: на унижительный мир не идем, но и войны не ведем. Ильич называл эту позу барской, шляхетской, говорил, что этот лозунг — авантюра, отдающая страну, где пролетариат встал у власти, где начинается великая стройка, — на поток и разграбление»⁷.

Когда слово служит потребностям межгосударственных отношений и дипломатии, очень важно иметь уверенность в том, что все, кто им пользуется, вкладывают в него совершенно одинаковое конкретное содержание. Вкравшиеся двусмысленности толкования, как свидетельствует богатейший опыт, оставляют простор для последствий далеко идущих и зачастую неожиданных для одной из сторон. Беседы японского посла с Бетман-Гольвегом весьма показательны в этом смысле.

Ниже приводятся выдержки из стенограммы второго заседания Потсдамской конференции СССР, США и Англии. На этом заседании (18 июля 1945 г.) между его участниками развернулась своеобразная дискуссия о понимании каждым из них только одного слова, употреблявшегося в ходе переговоров, а затем и в заключительных документах конференции.

«Черчилль. Я хочу поставить только один вопрос. Я замечаю, что здесь употребляется слово «Германия». Что означает теперь «Германия»? Можно ли понимать ее в том же смысле, как это было до войны?

Трумэн. Как понимает этот вопрос советская делегация?

Сталин. Германия есть то, чем она стала после войны. Никакой другой Германии сейчас нет. Я так понимаю этот вопрос.

Трумэн. Можно ли говорить о Германии, как она была до войны, в 1937 году?

Сталин. Как она есть в 1945 году.

Трумэн. Она все потеряла в 1945 году, Германии сейчас не существует фактически.

Сталин. Германия представляет, как у нас говорят, географическое понятие. Будем пока понимать так. Нельзя абстрагироваться от результатов войны.

Трумэн. Да, но должно же быть дано какое-то определение

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, ч. III. М., 1934, с. 51.

понятия «Германия». Я полагаю, что Германия 1886 года или 1937 года — это не то, что Германия сейчас, в 1945 году.

Сталин. Она изменилась в результате войны, так мы ее и принимаем.

Трумэн. Я вполне согласен с этим, но все таки должно быть дано некоторое определение понятия «Германия».

Сталин. Например, думают ли установить германскую администрацию в Судетской части Чехословакии? Это область, откуда немцы изгнали чехов.

Трумэн. Может быть, мы все же будем говорить о Германии, как она была до войны в 1937 году?

Сталин. Формально можно так понимать, по существу это не так. Если в Кёнигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним, обязательно прогоним.

Трумэн. На Крымской конференции было условлено, что территориальные вопросы должны быть решены на мирной конференции. Как же мы определим понятие «Германия»?

Сталин. Давайте определим западные границы Польши, и тогда яснее станет вопрос о Германии. Я очень затрудняюсь сказать, что такое теперь Германия. Это — страна, у которой нет правительства, у которой нет определенных границ, потому что границы не оформляются нашими войсками. У Германии нет никаких войск, в том числе и пограничных, она разбита на оккупационные зоны. Вот и определите, что такое Германия. Это разбитая страна.

Трумэн. Может быть, мы примем в качестве исходного пункта границы Германии 1937 года?

Сталин. Исходить из всего можно. Из чего-то надо исходить. В этом смысле можно взять и 1937 год.

Трумэн. Это была Германия после Версальского договора.

Сталин. Да, можно взять Германию 1937 года, но только как исходный пункт. Это просто рабочая гипотеза для удобства нашей работы.

Черчилль. Только как исходный пункт. Это не значит, что мы этим ограничимся»⁸.

Как видно из хода этого обсуждения, в дипломатии не может быть такого положения, чтобы те или иные слова и понятия воспринимались как само собой разумеющееся. Нет, в дипломатических документах, в переговорах, в заявлениях государственных деятелей каждое слово имеет куда больше аспектов, чем в самом хорошем толковом словаре, и весит оно чрезвычайно много — в него вмещаются политические, экономические, военные, территориальные и иные интересы

⁸ Тегеран, Ялта, П.тсдам. Сборник документов. М., 1967, с. 171—173.

государств. Оно может быть и бумерангом, и ключом к использованию благоприятных возможностей.

Стоит вспомнить инцидент, всполошивший в свое время многие столицы, взалхб комментировавшийся мировой прес-сой. Инцидент этот был вызван одной фразой президента Франции о «свободном Квебеке».

Вечером 24 июля 1967 г. президент Де Голль, находившийся с официальным визитом в Канаде, с балкона ратуши в Монреале обратился со следующим приветствием к жителям этого города: «Чувства переполняют мое сердце. Да здравствует Монреаль! Да здравствует Квебек... Свободный Квебек!» Многотысячная толпа, заполнившая площадь перед городской ратушей, встретила эти слова бурным одобрением. Иной была реакция канадского правительства. Выступая на следующий день по канадскому телевидению, премьер-министр Л. Пирсон заявил, что «канадцы не нуждаются в освобождении». Пирсон добавил при этом, что некоторые высказывания Де Голля являются «неприемлемыми». Де Голль немедленно прервал свой визит и возвратился в Париж, отказавшись от посещения столицы Канады и от встреч с премьер-министром Пирсоном.

Тут надо пояснить, что Квебек — провинция Канады и что более 90 процентов шестимиллионного населения этой провинции — выходцы из Франции. В этой провинции особенно сильны настроения в пользу ее автономии, а также против зависимости Канады от США. Население Квебека оказало президенту Франции триумфальный прием во время его поездки по этой провинции. Слова Де Голля о «свободном Квебеке» и его высказывания о том, что все увиденное им на пути напомнило ему атмосферу, царившую при освобождении Франции, вызвали взрыв политических страстей не только в Канаде, но и во Франции, США, Англии. Независимо от причин, которые побудили президента Франции произнести их, этот пример демонстрирует со всей убедительностью, что слово, произносимое от имени того или иного государства, обладает способностью становиться фактом международной жизни, приводить в движение сложные механизмы взаимоотношений между прямо или косвенно заинтересованными странами. Такое слово — инструмент острый, вернее обоюдоострый.

Слово устное, а тем более зафиксированное на бумаге связывает его автора, в качестве какового воспринимается не то или иное официальное лицо, а государство, которое оно представляет. Отступление от сказанного (или написанного) влечет за собой потерю престижа, международного доверия, что никогда и ни для кого не проходит бесследно.

Перед агрессией Израиля против арабских государств президент США Л. Джонсон сделал 23 мая 1967 г. заявление, в котором говорилось, что США имеют твердое обязательство поддерживать политическую независимость и территориальную целостность всех стран данного района. Когда же Израиль совершил нападение на Египет, Сирию и Иорданию и захватил ряд арабских территорий, позиция США в территориальных вопросах Ближнего Востока стала явно двусмысленной.

Корреспонденты безуспешно пытались 12 июня 1967 г. получить в Белом доме и в государственном департаменте ответы на вопрос: какова же будет позиция правительства США в отношении территориальных притязаний Израиля? Секретарь Белого дома по вопросам печати и представитель госдепартамента по вопросам печати в один голос заявили, что это «щекотливое дело». Такой ответ поверг журналистов в недоумение, поскольку незадолго до этого, как указывалось выше, президент США провозгласил, что США выступают за «территориальную целостность» всех стран Ближнего Востока. У корреспондентов сложилось впечатление, что правительство США хочет потихоньку «забыть» провозглашенные Л. Джонсоном 23 мая обязательства. Последующее развитие событий подтвердило, что правительство США весьма вольно толкует понятие «территориальная целостность» в том, что касается арабских государств, и, напротив, потакает территориальным притязаниям Израиля.

Приведенные примеры, а их можно было бы умножить, говорят о том, что тщательная отработка дипломатических документов, заявлений внешнеполитического характера — это не предмет какой-то надуманной заботы, а повседневное и ответственное дело всех органов внешних сношений данного государства.

Бывший министр иностранных дел Франции М. Жобер, выступая 24 апреля 1974 г. на радиостанции «Европа-1», заявил: «Во внешней политике слова играют не меньшую роль, чем действия, а, возможно, даже большую, поскольку в зависимости от обстоятельств бывает важен даже тон, которым говорятся эти слова, и бывают такие периоды, когда этот тон, пусть даже он не будет по-прежнему дружественным или сочувствующим, не может оставаться тоном нерешительности или двусмысленной любезности. Итак, тон заявлений, используемые средства действия — все играет роль и налагает определенные обязательства».

Г. Никольсон в своей книге «Дипломатия» отмечает, что «дипломатия, как уже указывает само название, — искусство письменное, а не устное и что пути истории усеяны

памятниками мира, которые или остались незаконченными, или развалились по окончании только из-за того, что их основание было построено на песках устного недоразумения».

Ссылаясь на известное определение дипломатии как приложения ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами различных независимых государств, Г. Никольсон утверждает, что необходимость такта сплошь и рядом забывается. Эта последняя необходимость, пишет Г. Никольсон, заставила дипломатов ввести в обращение бумажные деньги условных фраз вместо звонкой монеты обычного человеческого разговора. Эти фразы, как бы мягки они ни казались, имеют определенную валютную ценность.

Так, если политический деятель или дипломат заявляет другому правительству, что его правительство «не может безразлично относиться» к какому-нибудь международному конфликту, он при этом совершенно ясно подразумевает, что его правительство непременно вмешается в этот конфликт. Если в ноте или в речи он употребляет такие слова, как «правительство его величества смотрит с беспокойством» или «с глубоким беспокойством», тогда ясно, говорит Никольсон, что речь идет о вопросе, по отношению к которому английское правительство намерено занять решительную позицию. Посредством таких осторожных выражений политические деятели имеют возможность без прямых угроз сделать серьезное предостережение иностранному государству. Если на эти предостережения не обратят внимания, он сможет подняться на следующую ступень, сохраняя все время вежливый и примирительный тон. Если он говорит: «В таком случае правительство его величества будет вынуждено пересмотреть свою позицию», он намекает на то, что дружба в любой момент может превратиться во вражду. Если он говорит: «Правительство его величества считает необходимым сохранить за собой право...», он в действительности заявляет, что «правительство его величества не позволит...». Выражения «в таком случае мое правительство будет вынуждено позаботиться о своих собственных интересах» или «оставляет за собой свободу действий» дают понять, что предполагается разрыв отношений. Если он предупреждает иностранное правительство, что определенные действия с его стороны будут рассматриваться как «недружелюбный акт», эти слова надо расшифровывать как угрозу войны. Если он говорит, что «он не может отвечать за последствия», это значит, что он готов вызвать инцидент, который приведет к войне. Если он потребует, даже в самых вежливых тонах, ответа «до шести часов вечера 25 числа», тогда его слова надо рассматривать как ультиматум.

Преимущество такой условной формы переговоров, замечает Г. Никольсон, состоит в том, что она сохраняет атмосферу спокойствия и дает возможность политическим деятелям делать друг другу серьезные предупреждения, которые вместе с тем нельзя ошибочно истолковать. Ее недостаток в том, что народ, а иногда и сами политические деятели не знают точного смысла этих дипломатических выражений. С одной стороны, случайное или неосторожное употребление одной такой фразы может придать серьезный оборот какому-нибудь незначительному вопросу, а с другой — когда нарастает действительно опасный кризис, народ может решить ввиду мягкости употребляемых слов, что положение вовсе не так серьезно, как воображают «распространители тревожных слухов»⁹.

Внешнеполитическая деятельность Советского Союза дает убедительные примеры того, как много значит слово великой социалистической державы, положенное на чашу борьбы за международную безопасность и свободу народов.

После того как мы выяснили на ряде фактов, какое место принадлежит дипломатическим документам в международных отношениях, какое значение они могут иметь в смысле влияния на политические настроения народных масс, наконец, сколько весит дипломатическое слово государства на весах истории, можно приступить к более конкретному анализу дипломатических документов под углом зрения их содержания.

Попробуем «анатомировать» дипломатические документы, расчленив их на составные части в зависимости от того, какие функции эти составные части выполняют в пределах отдельного дипломатического документа, будь то личная или вербальная нота, памятная записка или меморандум и т. д.

Такая операция вполне возможна и полезна, если ставить перед собой задачу более глубокого изучения особенностей дипломатических документов, овладения навыками и знаниями, необходимыми для участия в их подготовке и составлении или просто для более глубокого улавливания их содержания.

В большинстве видов дипломатических документов можно выделить следующие составные части (элементы):

- а) протокольные формулы;
- б) смысловое ядро;
- в) аргументационная часть;
- г) изложение факта или фактов.

Следующие разделы книги будут посвящены разбору каждой из этих «анатомических» частей.

⁹ См. Никольсон Г. Дипломатия. М., 1941, с. 129—130.

ПРОТОКОЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ

В одном из залов Русского музея в Ленинграде висит известная картина И. Репина «Запорожцы». Искусствоведы давно разобрали ее достоинства, особенности колорита, мастерство в изображении характеров, совершенство композиции. Но посмотрим на нее не глазами посетителя музея, а глазами читателя «Азбуки дипломатии» — на полстие запечатлен процесс составления дипломатического документа. Правда, документ этот весьма своеобразный — знаменитое письмо запорожцев турецкому султану. Тем не менее письмо султана и ответ запорожцев — продукты дипломатии своего времени.

Письмо турецкого султана Мухамеда IV (это письмо принято датировать 1680 г.) мы процитируем полностью, чего, к сожалению, не представляется возможным сделать в отношении ответа запорожцев из-за чересчур «красочного» языка и употребления выражений, не принятых не только в дипломатической практике, но и в повседневном обиходе.

Вот текст письма султана Мухамеда IV:

«Я, султан, сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наместник Божий, владетель всех царств: Македонского, Вавилонского и Иерусалимского, великого и малого Египта; царь над царями; властитель над всеми существующими; необыкновенный рыцарь, никем не победимый; хранитель неотступный гроба Иисуса Христа; попечитель Бога самого, надежда и утешение мусульман, смущение и великий защитник христиан, повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления, и меня вашими нападениями не заставляйте беспокоить! Султан турецкий Мухамед»¹.

Перед нами дипломатический документ, написанный в форме личной ноты. Смысловое ядро ее весьма кратко и

¹ Письмо турецкого султана цитируется по списку А. А. Шишкова и Н. И. Бахтина. — *Русская старина*, т. VI, 1872.

спределенно: «повелеваю вам, запорожские казаки, сдатьсь мне добровольно и без всякого сопротивления». Не менее экономной является и «аргументационная часть», которая тоже имеется в письме султана: «и меня вашими нападениями не заставьте беспокоить!» Но совершенно великолепна протокольная формула, состоящая из полного титула отправителя ноты: «Я, султан, сын Магомета, брат солнца и луны» и т. д. вплоть до слов «повелеваю вам».

Запорожцы в своем ответе берут под обстрел своего сарказма пункт за пунктом этой протокольной формулы. «Ти шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товарищ и самого люципера секретарь!»² Так чествят запорожцы «внука и наместника Божьего». «Вавилонский ти кухарь, македонський колесник, иерусалимский броварник, александрийський козолуп, великого и малого Египта свинарь». Далее идет не менее выразительный набор вроде: «нашего бога дурень» и «некрещеный лоб».

Есть в ответе запорожцев и смысловое ядро: «не будешь ти годе синив християнских пид собою мати; твого вийска ми не боимься, землю и водою будем биться ми з тобою».

Запорожцы, как видно из письма султану, имели неплохое представление о том, как должен оформляться дипломатический документ. В отличие от турецкого султана, который не датировал свою личную ноту, запорожцы ставили перед собой такую задачу и вот как ее решили: «Числа не знаем, бо календаря не маем, мисяць у неби, а год у книжици, а день такой и у нас як у вас...»

Как в письме султана, так и в ответе запорожцев отсутствует важный элемент дипломатического документа — часть, излагающая факты. Можно предполагать, что султан считал несовместимым со своим достоинством обращаться к изложению фактической стороны дела, а запорожцы ответили ему тем же.

Разумеется, письмо султана и ответ запорожцев далеки от того, чтобы служить образцом для дипломатических документов или примером для подражания. Мы привели выдержки из этих курьезных «дипломатических» документов, чтобы на уникальном по своей выразительности материале проиллюстрировать членение дипломатического документа на его составные части.

Что мы имеем в виду под понятием «протокольные формулы»?

² Ответ запорожцев цитируется по списку Н. И. Костомарова. — *Русская старина*, т. VI, 1872.

Прежде всего необходимо сделать оговорку, что протокольные формулы применяются в личных посланиях глав правительств и государств, в личных нотах, в вербальных нотах, а также в памятных записках, направляемых с курьером (такие памятные записки почти вышли из практики). Другие виды дипломатических документов протокольных формул не содержат.

В понятие протокольных формул входят: обращение к лицу, к которому адресован документ, выражение уважения адресату в начале документа и заключительный комплимент в конце дипломатического документа. Функции, которые выполняют протокольные формулы в названных нами трех видах дипломатических документов (послания, личные ноты, вербальные ноты), можно пояснить следующим образом.

В посланиях и в личных нотах, которые, как известно, пишутся в первом лице и адресуются определенному лицу (государственному деятелю или официальному лицу другой страны), протокольные формулы имитируют личное прямое общение между отправителем и получателем дипломатического документа. Сначала следует обращение, то есть лицо, подписавшее документ, как бы здоровается со своим партнером, со своим собеседником. Далее идет изложение существа вопроса. После завершения деловой части отправитель снова употребляет протокольную формулу (заключительный комплимент), для того чтобы как бы попрощаться со своим партнером.

Наиболее распространенная формула обращения в посланиях главам буржуазных правительств или государств: «Уважаемый г-н Президент», «Уважаемый г-н Премьер-Министр».

В советских посланиях, как правило, применяются две разновидности заключительного комплимента: или «с уважением», или «с искренним уважением», в зависимости от содержания и тона послания.

Как и послание, личная нота также начинается с обращения. Употребление обращения зависит от того, кому адресуется нота, и от местной практики. Если личная нота направляется министру, то обращение пишется так: «Господин (товарищ) Министр» или «Уважаемый г-н Министр». По аналогии применяются и обращения к другим официальным лицам: «Господин (товарищ) Посол» или «Уважаемый г-н Посол» и т. д. Раньше сразу же после обращения в большинстве случаев в личных нотах следовал текст, начинающийся словами «имею честь».

«Господин Посол,

Имею честь сообщить Вам, что ...».

В настоящее время слова «имею честь» в личных нотах применяются все реже.

Личная нота заканчивается обычно комплиментом, наиболее распространенная формула которого «с уважением» или «с искренним уважением».

Следует иметь в виду, что посылка личных нот в последние годы стала практиковаться сравнительно редко. В первые годы Советской власти личная нота была одним из основных видов дипломатических документов, причем протокольные формулы были гораздо более развернутыми, чем те, которые применяются в настоящее время. В качестве примера можно сослаться на несколько личных нот, подписанных народным комиссаром иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным.

Нота министру иностранных дел Финляндии от 21 сентября 1921 г.:

обращение — «Господин Министр»,

заключительный комплимент — «Примите, господин Министр, уверения в моем высоком и искреннем уважении».

Нота поверенному в делах Польши в РСФСР от 22 сентября 1921 г.:

обращение — «Милостивый государь господин Поверенный в делах»,

заклучительный комплимент — «Примите, господин Полномочный Министр³, уверения в моем глубочайшем уважении и совершенной преданности».

Нота послу Персии в РСФСР от 28 сентября 1921 г.:

обращение — «Господин Чрезвычайный Посол»,

заклучительный комплимент — «Пользуюсь настоящим случаем, господин Чрезвычайный Посол, для выражения Вам своего глубокого уважения».

Личная нота была доминирующей формой дипломатического документа в обширной переписке, которая велась на различных уровнях в годы после второй мировой войны между четырьмя оккупационными властями в Германии. Здесь протокольные формулы весьма упростились:

обращение — «Уважаемый Генерал» (или другой соответствующий чин),

заклучительный комплимент — «С уважением».

Само собой понятно, что и обращение, и заключительный комплимент должны соотносываться с содержанием личной ноты, с ее тоном.

³ Полномочный министр — установленный Венским конгрессом 1815 года и Аахенским конгрессом 1818 года ранг Чрезвычайный посланник и Полномочный министр.

Протокольные формулы вербальной ноты отличаются от протокольных формул личной ноты. Вместо обращения, которым начинается личная нота, вербальная нота начинается с выражения уважения. Для того чтобы яснее представить употребление протокольных формул в вербальной ноте, необходимо различать ноты, посылаемые на уровне правительства, ноты министерства иностранных дел и ноты посольств.

В вербальной ноте правительства выражения уважения правительству-адресату, как правило, не содержится.

Протокольная формула, которой начинается нота правительства, чаще всего выглядит так:

«Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает необходимым заявить правительству (следует полное название страны) следующее».

Иногда эта начальная протокольная формула может содержать указание на тему, являющуюся предметом рассмотрения в данной ноте.

Если нота является ответом на ноту другого правительства, то начальная формула чаще всего ограничивается подтверждением факта получения ноты, на которую дается ответ.

Сказанное выше об отсутствии в ноте правительства выражения уважения не исключает того, что такая формула может быть в нее введена, если это диктуется содержанием ноты. Например, нота правительства СССР правительству Финляндии от 30 октября 1961 г. начинается так: «Советское правительство свидетельствует свое уважение правительству Финляндии и считает необходимым обратиться к нему по следующему вопросу»⁴. Однако, как правило, слов «свидетельствует свое уважение» в нотах правительства не содержится. Отсутствует в ноте правительства и заключительный комплимент.

Ноты Министерства иностранных дел и советских посольств за рубежом (по существу все эти ноты являются нотами правительства, поскольку в них выражается точка зрения Советского правительства) содержат более расширенные протокольные формулы. Наиболее часто встречающиеся протокольные формулы в начале ноты Министерства иностранных дел:

«Министерство Иностранных Дел СССР свидетельствует свое уважение Посольству (следует полное название страны) и имеет честь заявить следующее»,

или:

«Министерство Иностранных Дел Союза Советских

⁴ *Правда*, 1961, 31 окт.

Социалистических Республик свидетельствует свое уважение Посольству (следует полное название страны) и имеет честь сообщить ему, что (далее следует текст)»,

или:

«Министерство Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик свидетельствует свое уважение Посольству (следует полное название страны) и в связи с нотой Посольства от (указывается дата) имеет честь заявить следующее»,

или:

«Министерство Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик по поручению Советского правительства заявляет следующее».

Последняя формула (без «свидетельствует уважение» и без «имеет честь») широко применяется в нотах Министерства иностранных дел, содержанием которых является протест против неправомерных действий, например в связи с нарушением воздушного пространства или другими инцидентами, носящими характер провокаций. Тут ясно прослеживается связь между дозировкой протокольной формулы (степень ее вежливости или, наоборот, подчеркнутая сухость) и предметом содержания ноты.

Большое место в нотной переписке Министерства иностранных дел занимают ноты по визовым вопросам (ноты эти не предназначаются для публикации). Сложилась протокольная формула таких нот:

«Министерство Иностранных Дел СССР свидетельствует свое уважение Посольству (следует название страны) и имеет честь просить не отказать в любезности выдать въездные-выездные визы (следует перечень лиц, на которых запрашиваются визы)».

Заключительный комплимент в нотах по визовым вопросам приобретает следующую форму: «Министерство заранее выражает благодарность Посольству за удовлетворение настоящей просьбы».

Ноты, направляемые от имени советских посольств органам страны их пребывания (чаще всего министерству иностранных дел), содержат в начале протокольные формулы, аналогично нотам, направляемым МИД СССР.

Ноты посольства в большинстве случаев заканчиваются заключительным комплиментом, например: «Посольство СССР пользуется этим случаем, чтобы вновь засвидетельствовать свое уважение Министерству Иностранных Дел...».

Хотя протокольные формулы, применяющиеся в посланиях, личных и вербальных нотах, во многом схожи между собой,

однако на деле существует огромное количество возможностей их варьирования в зависимости от целенаправленности дипломатического документа, от его содержания и тона.

Когда встает вопрос, какая протокольная формула более подходяща в данном случае, то нелишне вспомнить древнюю мудрость, выраженную еще в Коране: «И когда вас приветствуют каким-нибудь приветствием, то приветствуйте лучшим или верните его же. Поистине, Аллах всякую вещь подсчитывает».

В дипломатической переписке принято соблюдать требования такта и вежливости, избегать резких выражений, задевающих достоинство страны, которой направлен данный дипломатический документ. Недопустимы также такие смысловые или риторические обороты, которые могут быть истолкованы как обидные для ее государственных деятелей.

Отправитель дипломатического документа, становящийся на путь выпадов, тем более персонифицированных, роняет прежде всего собственное достоинство. Кроме того, всегда необходимо считаться с тем, что нота или иной дипломатический документ могут рассматриваться правительством, которому они направлены, как неприемлемые по своему тону и содержанию и по этим мотивам могут быть не приняты при их вручении или же возвращены. При серьезном подходе к ведению межгосударственных дел правительства стараются избегать подобных казусов.

В практике дипломатической работы существенное значение имеет правильное оформление дипломатических документов. Ниже приводятся сведения о том, как оформляются различные виды документов в советской дипломатической службе.

Личное послание печатается на специальной бумаге с государственным гербом СССР, вытисненным на первой странице послания. В правом верхнем углу печатается название города и дата отправления (число, месяц и год). Под текстом личного послания следует личная подпись лица (чернилами), которое направляет послание. Печатают фамилию и должность подписывающего послание не обязательно.

В практике нередко бывает, что личные послания сначала передаются в копии, а подлинник (с подписью) вручается позже. Это вызывается тем, что, как правило, в посланиях затрагиваются не только крупные, но и срочные международные вопросы, а на доставку подлинника адресату (например, из Москвы в Вашингтон) требуется определенное время.

Личная нота по своему оформлению почти не отличается от послания. Личные ноты печатаются на нотном бланке, то есть на особой бумаге с вытисненным государственным гербом

СССР и вытисненной надписью под гербом: «Министерство Иностранных Дел СССР» или «Посольство Союза Советских Социалистических Республик в... (название страны)» и т. п.

В послании и в личной ноте адрес пишется в левом нижнем углу первой страницы, независимо от количества страниц текста. Адрес состоит из имени (обычно ставятся только инициалы), фамилии и полной официальной должности лица, которому направляется послание или личная нота.

Вербальная нота, как и личная, печатается на нотном бланке. На ноте ставится мастичная печать Министерства иностранных дел или посольства. Вербальная нота не подписывается. Под текстом ноты указываются место и дата отправки ноты. В левом верхнем углу под вытисненным гербом ставится исходящий номер. Адрес, как и в личной ноте, указывается в нижнем левом углу первой страницы текста вербальной ноты.

Памятная записка, переданная лично, печатается на бумаге без герба. Адрес и исходящий номер не ставятся, проставляются лишь место (город) и дата вручения. Над текстом записки большими буквами печатается заголовок «Памятная записка».

Памятная записка, направленная с курьером, то есть посылаемая в качестве самостоятельного документа, почти не отличается по форме от вербальной ноты. Она составляется в третьем лице, содержит выражение уважения и комплимент. Такая памятная записка печатается на нотном бланке, имеет номер, на ней проставляется дата и указывается место отправки. Печать не ставится и не указывается адрес. Сверху печатается надпись «Памятная записка».

Меморандум, являющийся приложением к личной или вербальной ноте, печатается на бумаге без герба. Номер, печать, место (город) и дата отправки не проставляются, адрес не указывается.

Меморандум, врученный лично или направляемый с курьером как самостоятельный документ, печатается на нотном бланке (т. е. на бумаге с вытисненным гербом). На нем указываются место и дата отправки, а печать и номер не ставятся.

Частное письмо полуофициального характера пишется на специальном бланке, отличающемся по формату (несколько меньше обычного) и бумаге от официальных нотных бланков, или на обычной почтовой бумаге. Номер на письме не указывается. Проставляются дата и личная подпись. Звание и полная фамилия адресата пишутся только на конверте.

Дипломатические документы являются официальными документами. Они должны быть напечатаны на хорошей

бумаге машинной резки и безупречного внешнего вида. Совершенно не допускаются исправления и подчистки в тексте подлинника. Для посылки документов используются конверты хорошего качества и подходящего формата.

Такие дипломатические документы, как декларация, заявление правительства, заявления и выступления советских представителей в международных организациях и на международных совещаниях, оформляются в соответствии с практикой, принятой в соответствующих международных организациях или установленной на том или ином международном совещании. Если, к примеру, проект декларации вносится Советским правительством на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН, то советская делегация представляет его в Секретариат ООН. Секретариат ООН регистрирует этот проект декларации в качестве официального документа ООН и рассылает ее остальным делегациям, принимающим участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Такой же порядок существует в отношении оформления выступлений глав делегаций и других представителей в ООН. На международных совещаниях оформлением предложений, вносимых на рассмотрение участников, выступлений глав делегаций и других делегатов в качестве официальных документов этих совещаний обычно занимается международный секретариат, в состав которого входят представители всех делегаций.

Соответствующее оформление дипломатических документов — это не только формальность, а во многом и вопросы политики, затрагивающие достоинство государства. Приведем следующий случай из дипломатической практики Советского государства, относящийся к сентябрю 1921 года.

Как уже отмечалось, в тот период доминирующим видом дипломатических документов были личные ноты. 27 сентября 1921 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам РСФСР направил министру иностранных дел Великобритании несколько необычную ноту. Прежде всего обращает на себя внимание, что эту ноту британскому министру подписал не народный комиссар, а его заместитель. Далее, в личной ноте нет ни обращения, ни заключительного комплимента, хотя советская дипломатия и в те годы шепетильно относилась к соблюдению соответствующих протокольных норм. Вот начало этой ноты:

«15 сентября г. Ходжсон передал Народному Комиссару по Иностранному Делам отпечатанный в форме ноты от Британского Министра Иностранного Дел пространный документ без адреса и без подписи, датированный 7 сентября, который, по объяснению г. Ходжсона, не предназначался для опубликова-

ния, но получил, между тем, широкую огласку и послужил предметом обсуждения в печати.

Народному Комиссару по Иностранным ДелаМ достаточно было бросить беглый взгляд на полученный документ, чтобы заявить г. Ходжсону, что заключающиеся в нем обвинения или лишены всякого основания, или основаны на ложных сведениях и подложных документах. Однако Народный Комиссариат по Иностранным ДелаМ не счел нужным следовать примеру, преподанному Министерством Иностранных Дел Великобритании, слишком поспешно возвращающим ноты, заключающие, по его мнению, с первого взгляда ни на чем не основанные обвинения, и, стремясь к устранению всяких поводов к недоразумениям между Российским и Британским Правительствами, с величайшей тщательностью рассмотрел все предъявленные ему обвинения и все факты, которые могли стать почвой для означенных обвинений»⁵.

Из текста ясно, что нота заместителя народного комиссара по иностранным делам РСФСР является ответом на документ английского министерства иностранных дел. Разгадку необычного характера советской ноты мы находим в следующей записке В. И. Ленина Г. В. Чичерину.

«г. Чичерин!

По-моему, надо отучить от этой манеры. Нельзя ли отучить так: ответить формально и письменно с ссылкой на «ноту». Тогда они поймут, что мы будем (вскоре) *п у б л и ч н о* издаваться над ними и gifler⁶ их за неподписанные ноты.

Ваш Ленин»⁷.

Хотя протокольные формулы (обращение, выражение уважения, заключительный комплимент) сами по себе не несут, как правило, конкретного политического содержания, они являются неотъемлемой частью того целого (дипломатического документа), в котором выражается это содержание и которое помещается между протокольными формулами.

Обязательным требованием наполеоновской дипломатии 1804—1807 годов было дипломатическое признание императорского титула Бонапарта. Это требование, помимо династических соображений, диктовалось и вполне практическим стремлением закрепить за Францией новые территориальные приобретения, ибо в официальный титул Наполеона включался

⁵ *Документы внешней политики СССР*, т. IV. М., 1960, с. 374—375.

⁶ Давать пощечины, хлестать.

⁷ *Ленинский сборник XXXVI*. М., 1959, с. 322.

не только «император французов», но и «король Италии», «протектор» Рейнского союза германских государств и т. д.⁹

Серьезное обращение с титулами требовалось на Руси. В 1660 году Григорий Котошихин, служивший подьячим Посольского приказа, или младшим секретарем в министерстве иностранных дел, был бит батогами за ошибку в титуле государя.

Протокольные формулы как бы задают тональность всему дипломатическому документу. Особенно наглядно это проявляется, когда имеет место отклонение от общепринятых протокольных формул, в какую бы сторону ни было совершено это отклонение — в сторону их утепления или, напротив, в сторону ледящей официальности.

Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что в возможности таких отклонений и заключена возможность насыщения протокольных формул несравненно большей смысловой нагрузкой, чем просто соблюдение установленных трафаретных правил. Но для того чтобы улавливать эти отклонения, чтобы уметь пользоваться ими, необходимо совершенно точно знать норму, обычную для данного вида дипломатического документа.

Если брать в целом (т. е. не только применительно к дипломатическим документам) роль протокольной, церемониальной стороны в дипломатической деятельности государств, то Советский Союз содействует постепенной трансформации ее форм в более лаконичные, демократические. Придерживаясь, само собой разумеется, общепринятых форм международного церемониала (встречи и проводы представителей других государств, возложение венков, устройство официальных приемов или завтраков, обедов, представление дипкорпуса, ознакомительные поездки по стране и т. п.), советская сторона прилагает усилия к тому, чтобы при сохранении необходимой торжественности и специфического характера этих форм, символизирующих уважение к другому государству, к его представителям соответствующего ранга, вести дело — в рамках, приемлемых и для партнеров, — к уменьшению удельного веса чисто протокольных мероприятий в программах визитов, переговоров, к их большей простоте. Это диктуется как интересами экономии времени и его высвобождения для деловых бесед и переговоров, так и всем стилем советского образа жизни, который, естественно, накладывает свой отпечаток и на практику протокольных форм общения с зарубежными государствами.

⁹ См. Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий, М., 1966, с. 7.

СМЫСЛОВОЕ ЯДРО

Как говорит само название, смысловое ядро — это главная часть дипломатического документа. По объему эта часть может быть весьма малой по сравнению с остальными составными частями дипломатического документа. Но именно смысловое ядро заключает в себе суть документа и является как бы концентрированным выражением позиции государства по рассматриваемому вопросу. Суметь найти и выделить смысловое ядро — значит правильно схватить содержание дипломатического документа.

В предыдущих разделах книги уже указывались те виды дипломатических документов, которые сложились в международной практике: личные послания, вербальные ноты, меморандумы и др. Эти виды дипломатических документов различаются между собой по признакам грамматического порядка (в каком лице пишется документ), по способу их оформления.

А как можно было бы подразделить дипломатические документы с точки зрения заключенного в них содержания? Не может ли быть так, что дипломатические документы, принадлежащие к одному и тому же виду (например, вербальные ноты), совершенно несхожи, если сравнивать их под углом зрения того содержания, которое они выражают, и, наоборот, дипломатические документы, различающиеся по формальным признакам (скажем, личное послание и меморандум), несут в себе однотипное смысловое ядро? Достаточно проанализировать сравнительно большое число дипломатических документов, чтобы убедиться, что именно так и обстоит дело на практике.

По своему содержанию дипломатические документы, независимо от того, чем они являются по формальным признакам (нота, декларация, памятная записка и др.), можно, на наш взгляд, классифицировать по следующим основным категориям:

- а) содержащие предложения;

- б) заявляющие протест;
- в) предупреждающие о возможных ответных шагах;
- г) фиксирующие политическую или международно-правовую позицию к той или иной акции другого государства или государств или к международному событию;
- д) информирующие о намечаемых или проведенных мероприятиях, имеющих международное значение;
- е) оформляющие договоренность или достигнутую степень согласия.

Понятно, такое деление дипломатических документов в зависимости от их содержания в некотором отношении условно, поскольку на практике в одном и том же документе нередко сочетаются несколько из указанных выше смысловых категорий. Однако, как правило, даже в случаях подобного сочетания одна из этих смысловых категорий является определяющим началом в данном дипломатическом документе, его «ведущим колесом».

Здесь необходимо сделать следующее пояснение: ссылки на различные дипломатические документы, на содержащиеся в них оценки, предложения, факты, приводимые в этой и последующих главах, служат лишь в качестве иллюстративного материала, конкретизирующего изложение. Разумеется, эти документы отражают позицию именно на то время, которым они датированы. Развитие обстановки придает тем или иным предложениям, оценкам большую или меньшую степень актуальности, вносит в них необходимые коррективы.

Для каждого, кто внимательно следит за деятельностью Советского Союза на международной арене, не могло остаться незамеченным, как возрастает среди советских дипломатических документов *категория документов, содержащих предложения*. Выдвижение конструктивных предложений по международным проблемам и вопросам, требующим своего урегулирования в интересах укрепления безопасности и защиты суверенных прав и свободы народов, становится доминирующим методом советской дипломатии. Во все более активном использовании этого метода проявляется подлинно гуманистический характер целей советской внешней политики, ее миролюбия, обусловленного самой социальной природой общества развитого социализма, строящего коммунизм.

Сочетание принципиальности и твердости с гибкостью, с готовностью к сотрудничеству и соглашениям, к компромиссам, необходимым для достижения соглашений, но не выходящим за рамки отстаиваемых внешнеполитических принципов, — все эти качества советской дипломатии придают

методу выдвижения конструктивных предложений огромную силу воздействия на международную обстановку. В чем состоит суть этого метода?

Советский Союз выступает с предложением по какому-либо международному вопросу, которое в случае его проведения в жизнь обеспечивает на деле осуществление целей, провозглашенных в этом предложении. Выдвигаются ли предложения об ограничении гонки вооружений, о запрещении оружия массового уничтожения, о неприменении силы в международных отношениях, о мерах по укреплению безопасности и развитию сотрудничества в Европе или об урегулировании на Ближнем Востоке — они формулируются отчетливо и конкретно, что вынуждает государства, к которым обращены эти предложения, определенным образом реагировать на них.

Если предложение принимается другими заинтересованными сторонами в качестве основы для переговоров и затем реализуется в соответствующем соглашении, то тем самым совершается шаг на пути укрепления безопасности народов, чего и добивается Советский Союз и другие миролюбивые государства. Так было, например, с заключением договора с Австрией, с Договором о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, с Договором о нераспространении ядерного оружия, с Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, с Декларацией о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и об ограждении их независимости и суверенитета и др.

Большое количество инициатив Советского Союза привело к существенным положительным сдвигам в отношениях с крупными капиталистическими государствами. Достаточно назвать в этой связи Договор между Советским Союзом и ФРГ (1970 г.), Соглашение по Западному Берлину (1971 г.) между СССР, США, Англией и Францией, сочетающиеся с соглашениями и договоренностями по ряду вопросов между правительствами ГДР, ФРГ и сенатом Западного Берлина.

Целая система советско-американских договоров, соглашений и других документов была создана в 70-е годы для развития взаимовыгодного сотрудничества между двумя державами на принципах мирного сосуществования. Наиболее важными из этих документов являются Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки (1972 г.), Соглашение о предотвращении ядерной войны (1973 г.) и некоторые соглашения об ограничении стратегических вооружений.

Как новое слово во взаимоотношениях государств с различным социальным строем прозвучали в свое время Принципы сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Францией (1971 г.). Подписанные Советским Союзом протоколы о политических консультациях с рядом стран (Францией, Канадой, Италией, Англией, Данией и др.) обогатили практику дипломатии 70-х годов — дипломатии периода перехода от конфронтации и «холодной войны» к разрядке международной напряженности. Такие консультации открывают дополнительные каналы для регулярных обменов мнениями, сопоставления и сближения взглядов, нахождения взаимопонимания по актуальным международным и двусторонним проблемам, представляющим взаимный интерес.

Таким образом, метод выдвижения конструктивных предложений во все большей мере доказывает жизненную силу, свою практичность. Когда потенциальные партнеры (т. е. государства, которым адресованы эти предложения) подходят к ним по-деловому, не пытаются с порога отмахнуться от того, что при более тщательном и всестороннем рассмотрении может оказаться полезным и для данного государства и для широких интересов мира и международной безопасности, тогда путь к согласию может быть не слишком извилистым и длинным. Сам факт наличия предложения по назревшему вопросу международной жизни или двусторонних отношений помогает сократить и спрямить этот путь. Начинается выяснение и уточнение позиций, зондирование возможностей и вариантов, вступают в действие механизмы политических консультаций, проводятся обсуждения на различных уровнях, включая самый высокий. Дело постепенно продвигается вперед.

Но бывает и по-иному, причем нередко. Без достаточного изучения предложение объявляется неподходящим. Выдвигаются надуманные аргументы против него. С такой негативной, поспешной реакцией тоже приходится считаться. Поэтому столь важно, чтобы в документах, содержащих предложения, основательно и убедительно раскрывался конструктивный характер этих предложений, особенно сбалансированность их различных элементов с точки зрения учета позиций и интересов всех предполагаемых участников возможной договоренности, соглашения.

Если все же предложение, несмотря на свою очевидную конструктивность, сбалансированность, полезность для оздоровления международной обстановки, отклоняется правительствами государств, от которых зависит его осуществление, то эти правительства, их политика предстают в невыгодном свете

в глазах народов, в том числе народа собственной страны. А это повышает бдительность масс, общественного мнения, ведет к разоблачению тех групп в правящем классе, которые свои узкие, зачастую конъюнктурные интересы ставят выше национальных интересов данной страны.

Само собой понятно, что правительства империалистических государств отнюдь не горят желанием «саморазоблачаться» или быть разоблаченными. Поэтому они прибегают ко всякого рода тактическим приемам и дипломатическим ухищрениям, для того чтобы скрыть свое истинное отрицательное отношение к конструктивным предложениям, находящим поддержку общественного мнения их стран, народов. Они зачастую предпочитают не выступать в открытую против таких предложений, а стараются похоронить их каким-либо способом, не выставляя себя при этом их непримиримыми противниками. В этих целях они пытаются выхолостить конкретное содержание советских предложений, растворив их в якобы «всеобъемлющих» встречных предложениях, или уклоняются месяцами и годами от занятия определенной позиции под предлогом необходимости их изучения и уточнения. История многолетних переговоров по вопросам разоружения в Женеве изобилует примерами подобной тактики западных держав.

Один из излюбленных приемов западной дипломатии состоит в том, что она пытается парировать конструктивные предложения путем искусственного привязывания к ним предложений нереальных, заведомо неприемлемых для другой стороны. Конструктивное предложение не просто отвергается. Западные державы сначала «запаковывают» их в один «пакет» со своими контрпредложениями, о которых они заранее знают, что они не могут быть приняты Советским Союзом и другими социалистическими странами, а затем этот «пакет» кладется на стол переговоров. Так поступили западные державы на совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии, Франции, а также ГДР и ФРГ в Женеве в 1959 году, выдвинув так называемый «план мира», о котором откровенно говорилось, что содержащиеся в нем предложения представляют собой один «пакет». Суть этого плана состояла в том, что любые шаги по германскому мирному урегулированию и укреплению безопасности в Европе привязывались к поглощению ГДР Западной Германией.

Сказанное не означает, разумеется, что метод «пакета», или, как его лучше определить, комплексного рассмотрения, выявления и согласования общеприемлемых договоренностей, не может быть полезным, а при определенных конкретных обстоятельствах — необходимым. Узвязка разных сторон той

или иной международной проблемы, но увязка органическая, когда отделение вопросов друг от друга лишь осложняло, а то и делало бы невозможным решение каждого из них, а следовательно, и проблемы во всем ее объеме, бывает единственным практическим путем к уравниванию интересов сторон и к достижению соглашения. Так, трудно представить себе достижение урегулирования на Ближнем Востоке, если оно не будет всеобъемлющим и кардинальным, то есть не будет охватывать весь комплекс вопросов, питающих взрывоопасную обстановку в этом районе мира.

При выдвижении конструктивных предложений в целях решения спорных международных вопросов, улаживания международных конфликтов или предотвращения их возникновения приходится поэтому учитывать вероятность того, что государства, к которым обращены эти предложения, изберут тактику лавирования, с тем чтобы как-то замаскировать свое в действительности отрицательное отношение к ним. Задача дипломатии, которая выдвигает предложения, служащие интересам мира и отвечающие интересам народов, состоит также в том, чтобы максимально сузить поле для возможных маневров и затруднить другой стороне уклонение от выбора: или принятие этих предложений в качестве основы для выработки соответствующего соглашения, или ясно выраженное отклонение их.

Так как предложения в подавляющем большинстве случаев принимают письменную форму, оформляются в соответствующих дипломатических документах, причем в той их части, которую мы назвали смысловым ядром, то ясно, как важна конкретность, не допускающая ложных толкований, и определенность формулировок смыслового ядра. Чем конкретнее, точнее формулировки смыслового ядра в дипломатических документах, содержащие предложения, тем больше шансов, что «бомбардировка» такими смысловыми ядрами позиций противников смягчения международной напряженности достигнет цели.

Вот смысловое ядро проекта Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, внесенного Советским правительством на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

«В соответствии с этим государства — члены Организации Объединенных Наций торжественно провозглашают следующие требования:

1. Безотлагательно предоставить всем колониальным странам, подопечным и другим самоуправляющимся территориям полную независимость и свободу в строительстве собственных национальных государств согласно свободно

выраженным воле и желанию их народов. Колониальный режим, колониальная администрация во всех ее видах должны быть упразднены полностью с тем, чтобы предоставить возможность народам таких территорий самим определять свою судьбу и формы государственного правления.

2. Равным образом ликвидировать все опорные пункты колониализма в виде владений и арендованных районов на чужих территориях.

3. Правительства всех стран призываются строго и неуклонно соблюдать в отношениях между государствами положения Устава Организации Объединенных Наций и настоящей Декларации о равенстве и уважении суверенных прав и территориальной целостности всех без исключения государств, не допуская никаких проявлений колониализма, никаких исключительных прав или преимуществ для одних государств в ущерб другим государствам»¹.

Наполненность смыслового ядра конкретным позитивным содержанием, отвечающим кровным интересам народов, чеканность формулировок сообщают этой декларации в целом ту силу притяжения, действие которой столь ярко проявилось в реакции на нее во всем мире.

Принятие Генеральной Ассамблеей ООН (1960 г.) декларации, торжественно провозгласившей необходимость «незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех его формах и проявлениях», оказало немалое влияние на ход и темпы национально-освободительного движения. Декларация стала существенным подспорьем народам, борющимся против колониализма и неоколониализма.

Один из примеров дипломатических документов, содержащих предложения, — Меморандум СССР «Отвести растущую ядерную угрозу, обуздать гонку вооружений»², внесенный на рассмотрение второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению 16 июня 1982 г. В отличие от дипломатических документов, в которых рассматривается один вопрос и в которых вследствие этого смысловое ядро ясно очерчено, меморандум состоит из трех разделов. В них наряду с изложением фактической стороны дела и аргументацией в пользу выдвигаемых предложений содержатся и сами смысловые ядра — предложения.

В первом разделе меморандума отмечается, что вопреки взятым на себя в 70-е годы обязательствам по предотвращению ядерной войны некоторые государства провозглашают теперь

¹ *Правда*, 1960, 24 сент.

² *Правда*, 1982, 18 июня.

допустимость или даже «приемлемость» ядерного конфликта, разрабатывают различные способы ведения ядерной войны — от ограниченной до всеобщей, развертывают свои ядерные силы в надежде одержать победу, делают ставку на достижение военного превосходства, отбрасывая единственно рациональную в современных условиях политику сложившегося военного равновесия между СССР и США, между НАТО и Варшавским Договором. Далее в этой части меморандума подчеркивается, что курс на военное превосходство может вести только к ослаблению безопасности всех государств и что поэтому превыше всего должна быть поставлена политическая воля к миру, основанная на понимании реальностей ядерного века и способная подвести к выработке новых подходов к проблеме устранения угрозы ядерной войны и радикального ослабления военной напряженности.

Все это подводит к ряду конкретных предложений, к развернутой программе мер в области разоружения, содержащейся в последующих разделах меморандума и затрагивающей практически все важнейшие области ограничения гонки вооружений и разоружения — от ядерного и химического оружия до обычных вооружений и военно-морской деятельности. Эта программа встретила позитивный отклик со стороны подавляющего большинства государств — членов ООН.

Одним из примеров конкретных предложений, содержащихся в меморандуме, является предложение, касающееся ограничения и сокращения ядерных вооружений в Европе. Смысловое ядро этой части меморандума: «Советский Союз подтверждает свою готовность договориться о полном отказе обеих сторон от всех видов оружия средней дальности, способных поражать объекты в Европе. Он может пойти и дальше: договориться о полном избавлении Европы от ядерного оружия как средней дальности, так и тактического. Если же США и их союзники не готовы к всеобъемлющему решению этого вопроса, то СССР может согласиться на постепенное, но весьма существенное взаимное сокращение количества ядерных вооружений средней дальности». Это положение подкрепляется решением Советского Союза о введении в порядке проявления доброй воли моратория на дальнейшее развертывание своих ядерных вооружений средней дальности в европейской части СССР. Более того, Советский Союз подтвердил также свое намерение в одностороннем порядке сократить часть этих вооружений и заявил, что он практически уже действует в этом направлении.

Опыт показывает, что даже сравнительно небольшое продвижение в направлении разоружения — дело чрезвычайно сложное, требующее энергичных и вместе с тем кропотливых

усилий участников переговоров. В одних случаях подступы к желаемому результату открываются в применении подхода, который можно условно назвать «отраслевым», то есть в качестве предмета переговоров выделяются определенные виды оружия, скажем, стратегические ракеты-носители ядерного оружия. Иногда же больше шансов на успех обещает подход рассмотрения тех или иных аспектов гонки вооружений применительно к определенному району земного шара, как, например, переговоры в Вене о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Советская внешняя политика активно использует каждый из этих подходов, а когда позволяют обстоятельства, то и стремится к их сочетанию. Этим определяется отношение Советского Союза и к региональным мерам военной разрядки, в том числе к возможности создания зон мира или безъядерных зон. В меморандуме Советский Союз заявил о своей готовности в том, что его касается как ядерной державы, содействовать нахождению общеприемлемых решений о создании безъядерных зон.

Важным фактором успеха международных переговоров и конференций является точное определение круга вопросов, подлежащих обсуждению между сторонами. Иными словами, когда налицо повестка дня конференции или переговоров, тогда яснее и перспектива достижения необходимых договоренностей. Поэтому выступление с предложением о повестке дня имеет немалое политическое и практическое значение, и сама эта повестка дня может явиться смысловым ядром дипломатического документа.

Такой важный документ, как подписанная 5 января 1983 г. в Праге Политическая декларация государств — участников Варшавского Договора³, содержит совокупность конкретных предложений, представляющих реальную альтернативу сползанию к ядерной катастрофе. Стержневое предложение, выдвинутое в Пражской декларации ПКК, предусматривает заключение между государствами — участниками Варшавского Договора и странами — членами НАТО Договора о неприменении военной силы и поддержании отношений мира.

Чтобы в полной мере оценить значение этого предложения, нужно вернуться к его предыстории. Страны Варшавского Договора ранее неоднократно обращались к странам Запада с предложением договориться о неприменении ядерного оружия первыми. Более того, Советский Союз на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению (июнь 1982 г.) объявил о том, что он берет на себя в

³ Правда, 1983, 7 янв.

одностороннем порядке обязательство не применять первым ядерное оружие и призвал другие ядерные державы последовать его примеру. Однако и этот призыв не нашел должного отклика. В ряде столиц стран Запада продолжали варьироваться заявления о том, что принятие на себя такого обязательства со стороны Советского Союза — это, в общем, факт положительный, но при этом добавлялось, что войну ведь можно начать не только ядерным, но и обычным оружием, а обязательства на этот счет на взаимной основе никто, мол, на себя не брал.

Учитывая такого рода реакцию и оговорки, Советский Союз и его союзники по Варшавскому Договору предложили странам НАТО заключить договор, сердцевиной которого стало бы «взаимное обязательство государств — участников обоих союзов не применять первыми друг против друга ни ядерных, ни обычных вооружений и, следовательно, не применять первыми друг против друга военную силу вообще». Это — смысловое ядро новой крупной акции Варшавского Договора. Совершенно очевидно, что претворение в жизнь этого предложения открывало бы путь к устранению недоверия, снижению уровня противостояния между двумя самыми крупными военно-политическими группировками, которые обладают огромной мощью, особенно в области ядерного оружия, и вооруженное столкновение между которыми имело бы пагубные последствия для всего мира.

Действенность и практический, деловой подход, заложенные в этом предложении Пражского совещания ПКК, подкреплены и тем, что в Политической декларации очерчены основные взаимные обязательства, обязательства в отношении третьих стран и возможный круг участников договора.

Еще одно ядро из Пражской декларации 1983 года: «Государства — участники Варшавского Договора давно выступают за роспуск обоих союзов, а в качестве первого шага — за ликвидацию их военных организаций. Это предложение остается в силе, и они подчеркивают свою готовность вступить в переговоры с государствами — участниками НАТО для достижения соответствующего соглашения, начиная с вопроса о взаимном сокращении военной деятельности».

Такое предложение было выдвинуто впервые десять лет назад в Бухаресте на совещании ПКК стран Варшавского Договора. Оно выдвигалось и выдвигается с учетом того, что интересы глубокой нормализации международных отношений требуют преодоления разделения мира на противостоящие военные блоки. Поскольку, однако, государства Североатлантического союза не проявляют до сих пор готовности пойти на

такой радикальный шаг, то с учетом их позиции предлагается упразднить не Североатлантический союз и Варшавский Договор, как таковые, а лишь их военные организации. Значение этого предложения велико. Будь оно принято странами Североатлантического союза и проведено в жизнь, результатом была бы серьезная военная разрядка в Европе. А это в свою очередь повело бы к росту доверия в политических отношениях между государствами, являющимися членами Варшавского Договора и Североатлантического союза, то есть к оздоровлению обстановки в Европе, постепенному ослаблению военного противостояния, уменьшению опасности случайного возникновения конфликтных ситуаций.

Предложения, в том числе касающиеся крупнейших проблем современной международной жизни, могут содержаться также в проектах резолюций, проектах международных договоров, соглашений, конвенций, вносимых на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН, которые, таким образом, являются носителями смыслового ядра. Примером тому может служить крупная инициатива, с которой выступил Советский Союз на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1982 г.), предложив на ее рассмотрение проект резолюции о безотлагательном прекращении и запрещении испытаний ядерного оружия и основные положения Договора о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия⁴. В этих документах учтено все то положительное, что достигнуто в ходе многолетнего обсуждения проблемы запрещения испытаний ядерного оружия, а также отражены дополнительные соображения многих государств, в частности по вопросам контроля за соблюдением будущего договора. Проект резолюции, внесенный СССР и одобренный подавляющим большинством стран — членом ООН, предусматривает передачу основных положений договора на рассмотрение Комитета по разоружению.

С тем чтобы перекрыть еще один канал ядерной опасности и в связи с необратимым процессом быстрого развития ядерной энергетики, СССР на XXXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН внес также проект резолюции «Умножить усилия по устранению угрозы ядерной войны и обеспечению безопасного развития ядерной энергетики». Смысловое ядро этого документа — в предложении объявить, что «преднамеренное разрушение мирных ядерных объектов с использованием даже обычного оружия по существу равнозначно нападению с применением ядерного оружия, то есть такого рода действиям,

⁴ См. *Правда*, 1982, 3 окт.

которые Организация Объединенных Наций уже квалифицировала как тяжчайшее преступление против человечества»⁵.

Приведенные примеры дают достаточное представление о том, что именно понимается под смысловым ядром дипломатического документа, содержащего предложения. Но мало, разумеется, уметь выделить в дипломатическом документе смысловое ядро, хотя и для этого требуются определенные навыки и осведомленность в вопросах международной жизни. Чтобы определить динамическую силу заряда, заключенного в смысловом ядре, часто необходимо знать не только то, что выражено в самом дипломатическом документе, но и то, что не нашло в нем прямого отражения: предысторию данного вопроса, позицию противоположной стороны, прежние предложения.

В советской дипломатической практике нередки случаи, когда смысловое ядро первоначально выдвигаемых предложений затем «прорастает» и развивается в проекты соглашений, договоров. Пример тому — Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, Договор о нераспространении ядерного оружия и др.

Категория дипломатических документов, выражающих протест, довольно широко распространена в международной практике. Протест заявляется против таких действий другого государства или группы государств, которые являются неправомерными с точки зрения международного права, нарушают общепринятые нормы общения между государствами, носят характер провокации, чреваты угрозой безопасности и миру. При заявлении протеста особенно важно показать наличие деликта (правонарушения), что, собственно говоря, и дает основание для протеста.

Наиболее убедительно это выглядит, когда можно прямо сослаться на те обязательства, которые государство взяло на себя и которые оно в данном случае нарушило, например на Устав ООН, на соответствующий договор или соглашение, на международную конвенцию, участником которой оно является. Протест, подкрепленный такого рода ссылками, обличает государство, которому заявляется протест, как правонарушителя и вызывает к нему соответствующее отношение, подобное тому, как относятся к человеку, который не выполняет своих гражданских обязательств, не держит своего слова. Поэтому хорошо обоснованный протест наносит значительный ущерб моральному и политическому авторитету государства, чьи

⁵ Правда, 1982, 4 окт.

действия дали основания для такого протеста, ослабляет его международные позиции.

Не во всех случаях для заявления протеста требуются ссылки на соответствующие международные соглашения, положения международного права. Например, при вторжениях военных самолетов в воздушное пространство факт правонарушения настолько очевиден для каждого и действие это столь провокационно по своему характеру, что нет нужды доказывать это.

Заявление протеста против неправомерных действий дает основание государству, выступающему с протестом, потребовать возмещения ущерба, нанесенного этими неправомерными действиями, и в то же время предупредить о возможности принятия им контрдействий с целью защиты своих прав и интересов. Таким образом, смысл заявления протеста состоит в том, что на государство, допустившее неправомерное или провокационное действие, возлагается ответственность как за сами эти действия (требование возместить ущерб, нанесенный ими), так и за их последствия (возможность принятия ответных мер). Требование возмещения ущерба может сводиться к требованию возмещения материальных убытков, а может также быть требованием возмещения морального ущерба или быть дополнено им.

В советских дипломатических документах для выражения протеста обычно применяются формулировки «заявляет протест», «заявляет решительный протест». Ясно, что формулировка «заявляет решительный протест» значительно сильнее и применяется в более серьезных случаях.

Протест звучит тем весомее, чем очевиднее готовность подкрепить его соответствующими практическими шагами или ответными мерами, имеющими целью пресечь попытки новых правонарушений. И наоборот, как бы решительны по тону ни были протесты или предупреждения, они выглядят тем несерьезнее, чем большее количество раз повторяются, не сопровождаясь соответствующими конкретными действиями.

В советской дипломатической практике в подавляющем большинстве случаев для выражения протеста используются вербальная нота, иногда заявления правительства, заявление МИД. Вот некоторые примеры заявления протеста.

Из ноты Советского правительства правительству США от 11 марта 1964 г. в связи с вторжением в воздушное пространство ГДР американского реактивного военного самолета.

«Советское правительство заявляет решительный протест в связи с новым агрессивным актом военно-воздушных сил США и подчеркивает, что вся ответственность за данный инцидент и

его возможные последствия ложится на американскую сторону. Советское правительство сожалеет, что американскими военными властями предпринимаются такого рода действия, явно расходящиеся с задачей улучшения отношений между СССР и США, о стремлении к которому неоднократно заявлялось и с американской стороны. Правительство СССР ожидает, что правительство Соединенных Штатов Америки примет должные меры к тому, чтобы подобные опасные для дела мира нарушения не повторялись в будущем».

Наряду с заявлением протеста в ноте содержится прямое предупреждение, что «если в районе, за обеспечение безопасности которого несут ответственность советские ВВС, окажутся военные самолеты стран НАТО, то они при невыполнении приказа о посадке будут уничтожаться с применением всех необходимых средств обороны». Это предупреждение подкреплено тем фактом, что в отношении американского самолета-нарушителя, о котором идет речь в ноте, советскими вооруженными силами были приняты необходимые меры в соответствии с инструкциями по охране воздушного пространства и самолет-нарушитель упал на территории Германской Демократической Республики.

Ниже приводятся некоторые другие примеры смыслового ядра в нотах, заявляющих протест.

Из ноты правительства СССР правительству Великобритании от 9 марта 1963 г. в связи с устроенным провокаторами взрывом в здании бюро общества «Интурист», расположенном в английском секторе Западного Берлина, и нападениями фашиствующих элементов на здание «Интурист»:

«Советское правительство выражает протест в связи с провокационными нападениями на советское представительство «Интурист» и настаивает на том, чтобы правительством Великобритании были приняты незамедлительные меры по розыску и наказанию виновных, а также по недопущению действий, нарушающих нормальную деятельность советских учреждений, расположенных в английском секторе Западного Берлина»⁶.

Из ноты правительству Канады от 16 ноября 1967 г. в связи с организацией в день празднования советским народом 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции перед зданием советского посольства в Оттаве враждебной демонстрации:

«Советское правительство заявляет решительный протест правительству Канады в связи с упомянутыми враждебными и

⁶ *Правда*, 1963, 10 марта.

провокационными действиями против посольства СССР в Оттаве и генконсульства СССР в Монреале. На правительстве Канады, разумеется, полностью лежит ответственность за материальные и политические последствия этих акций, которые нельзя расценить иначе, как невыполнение канадской стороной ее обязательств, вытекающих из венской конвенции о дипломатических сношениях».

И далее: «Советская сторона настаивает на строгом наказании зачинщиков и участников антисоветской провокации и полном возмещении материального ущерба, причиненного советскому представительству. Советское правительство ожидает, что канадские власти примут необходимые меры к созданию нормальных условий для деятельности советских учреждений в Канаде»⁷.

Как видно из приведенных примеров, дипломатические документы, заявляющие протест, могут содержать предупреждение о возможных ответных шагах. Заявление протеста и предупреждение такого рода часто сочетаются в одном дипломатическом документе. Но *дипломатические документы, предупреждающие о возможных ответных шагах*, имеют и огромное самостоятельное значение, что связано прежде всего с тем, что в советской дипломатии определенную роль играет метод предупреждения и пресечения агрессии. Примером использования этого метода является борьба Советского Союза за пресечение вооруженной интервенции Англии, Франции и Израиля против Египта осенью 1956 года. Через несколько часов после выступления Советского Союза с твердыми предостережениями, содержащимися в соответствующих посланиях, правительства стран-агрессоров отдали приказ о прекращении военных действий.

Другой пример эффективного применения этого метода — события, развернувшиеся вокруг Сирии и Ирака летом 1958 года. В связи с вооруженной интервенцией США в Ливане и Англии — в Иордании Советский Союз наряду с предложением немедленно созвать совещание глав правительств ряда государств, для того чтобы незамедлительно принять меры к прекращению начавшегося военного конфликта, выступил с предупреждением. В послании Советского правительства правительству США от 19 июля 1958 г. говорилось, что «Советский Союз, неизменно выступающий за мир во всем мире, против войны, за мирное сосуществование, не может остаться безразличным к тому, что происходит на Ближнем и Среднем Востоке, в непосредственной близости от его границ. Советский

⁷ Правда, 1967, 17 нояб.

Союз не может остаться в стороне, когда решается вопрос, быть войне или быть миру»⁸.

Благодаря решительной позиции Советского Союза, встретившей поддержку большинства стран мира, и прежде всего арабских стран, разрастание военного конфликта на Ближнем и Среднем Востоке было предотвращено, а американские и английские войска были вынуждены покинуть Ливан и Иорданию.

Еще не полностью отстоялись события, вызванные нападением Израиля на ОАР, Сирию и Иорданию летом 1967 года. Некоторые из акций, предпринимавшихся Советским Союзом, другими социалистическими странами в целях обуздания агрессора и стоящих за ним империалистических держав, нашли свое отражение в опубликованных документах. Вот смысловое ядро Заявления Советского правительства правительству Израиля от 7 июня 1967 г., в котором содержится предупреждение о возможных шагах Советского Союза:

«Если сейчас израильское правительство немедленно не выполнит общего требования государств о безотлагательном прекращении огня, которое выражено в резолюции Совета Безопасности, Советский Союз пересмотрит свое отношение к Израилю и примет решение, касающееся дальнейшего поддержания дипломатических отношений с Израилем, который своими действиями противопоставляет себя всем миролюбивым государствам.

Само собой разумеется, Советское правительство рассмотрит и осуществит и другие необходимые меры, вытекающие из агрессивной политики Израиля»⁹.

Как известно, Советский Союз действовал соответственно своему предостережению и осуществил ряд решительных мер, направленных против агрессии Израиля. Совокупность этих мер привела к тому, что Израиль был вынужден подчиниться требованию о прекращении огня.

В трудные моменты для народов Арабского Востока социалистические страны неизменно оказывали и оказывают им твердую и всестороннюю поддержку в борьбе против израильской агрессии — от использования всего ассортимента дипломатических средств, включая созыв Совета Безопасности и чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, до мер по укреплению

⁸ *Правда*, 1958, 20 июля.

⁹ *Правда*, 1967, 8 июня.

обороноспособности арабских государств и оказанию им широкой экономической помощи.

Оценить в полной мере роль Советского Союза в борьбе за обеспечение независимости и суверенитета Республики Куба — задача, посильная лишь для историков, которым станут доступны соответствующие архивы. Но и сегодня ясно, что предостерегающий голос нашей страны, раздававшийся в самые критические для дела кубинской революции моменты, останавливал руку агрессоров, занесенную над Кубой, вынуждал их ретироваться.

В связи с предпринятыми в начале февраля 1965 года вооруженными силами США бомбардировками некоторых населенных пунктов на территории Демократической Республики Вьетнам Советское правительство выступило с заявлением, в котором, в частности, говорилось:

«Перед лицом указанных действий США Советский Союз вынужден будет вместе со своими союзниками и друзьями принять дальнейшие меры для ограждения безопасности и укрепления обороноспособности Демократической Республики Вьетнам. Пусть ни у кого не будет сомнений в том, что Советский Союз сделает это, что советский народ выполнит свой интернациональный долг в отношении братской социалистической страны»¹⁰. Все последующее развитие событий — вплоть до победы героического вьетнамского народа — подтвердило эту принципиальную позицию Советского Союза.

Приведенные выдержки дают представление о том, как выглядит смысловое ядро советских дипломатических документов, нацеленных на предупреждение и пресечение агрессии. Дипломатические демарши такого рода предпринимаются как крайняя мера защиты мира, когда использованы и исчерпаны другие средства и возможности урегулирования спорного международного вопроса, улаживания ситуации, угрожающей военным конфликтом, его опасным разрастанием. При менее острых ситуациях, не несущих в себе непосредственную опасность военного взрыва, предупреждение об ответных шагах, содержащееся в дипломатических документах, как правило, не конкретизируется настолько, чтобы стороне, которой направляется предупреждение, было ясно, в чем именно будут заключаться ответные шаги.

Ниже приводится смысловое ядро из некоторых дипломатических документов, в которых речь идет о возможности ответных шагов не в связи с прямой угрозой миру, а в связи с

¹⁰ *Правда*, 1965, 9 февр.

планами, осуществление которых подрывает устой мира, в связи с теми или иными мероприятиями, ведущими к обострению международной обстановки или наносящими ущерб интересам нормальных отношений между государствами.

В ноте правительства СССР правительству ФРГ от 21 апреля 1959 г. указывалось, что, допуская приготовления к атомной войне на своей территории и добиваясь оснащения бундесвера ядерным и ракетным оружием, федеральное правительство нарушает выработанные после разгрома гитлеровской Германии, при ее капитуляции, союзными державами и принятые германскими представителями условия, которые запрещали вооружение и милитаризацию Германии, что являлось гарантией будущего мира и безопасности. Смысловое ядро этой ноты:

«Советское правительство оставляет за собой право в качестве стороны, воевавшей против гитлеровской Германии и подписавшей Акт о военной капитуляции и Декларацию о поражении Германии, сделать соответствующие выводы для себя в отношении Западной Германии»¹¹.

В Бухарестской декларации участников Варшавского Договора от 5 июля 1966 г. говорится:

«Коренные интересы всех народов требуют отказа от планов создания многосторонних ядерных сил НАТО. Если, однако, государства — члены НАТО, действуя вопреки интересам мира, станут на путь претворения в жизнь планов создания многосторонних ядерных сил или доступа Западной Германии к ядерному оружию в какой бы то ни было форме, то в таком случае государства — участники Варшавского Договора перед лицом серьезных последствий, которые это имело бы для дела мира и безопасности в Европе, вынуждены будут осуществить необходимые защитные меры по обеспечению своей безопасности»¹².

Перечитывая документы десятилетней и даже почти двадцатилетней давности, относящиеся к проблеме недопущения ФРГ к ядерному оружию, нетрудно убедиться, что они оказали свое воздействие на ход дальнейших событий: был заключен Договор о нераспространении ядерного оружия, и ФРГ стала его участником.

При всей определенности намерения предпринять ответные шаги форма выражения такого намерения бывает, как правило, достаточно эластичной и оставляет за стороной, предупрежда-

¹¹ *Известия*, 1959, 22 апр.

¹² *Правда*, 1966, 9 июля.

ющей о возможных контрдействиях, большой диапазон в выборе средств и времени для осуществления своего намерения. Это заставляет государство (или группу государств), которому направляется соответствующее предупреждение, еще раз подумать над тем, не будут ли его планы и действия сведены на нет ответными шагами или даже перекрыты ими. Чтобы определить свой дальнейший курс действий, государство, получившее в соответствующем дипломатическом документе предупреждение о возможности ответных шагов, старается как можно точнее, конкретнее определить содержание его смыслового ядра, как бы «расщепить» его. Однако подобная конкретизация, «чтение между строк» могут привести к ошибочным оценкам и выводам, поскольку даже самый точный анализ может основываться на неверных посылах, ибо никогда нет гарантии в том, что самая достоверная информация является действительно достоверной.

Если требование точности к формулированию смыслового ядра дипломатических документов, содержащих предложения, проявляется прежде всего в конкретности этих формулировок, то в документах, предупреждающих об ответных шагах, это требование иногда может проявляться и по-иному — в обдуманной неопределенности, расплывчатости формулировок смыслового ядра.

Интересный факт преднамеренного употребления в дипломатическом документе слова, нарочито расплывчатого по своему значению, сообщает в своих мемуарах Талейран. Накануне переговоров Наполеона с русским царем Александром I в Эрфурте (сентябрь 1808 г.) Наполеон вызвал Талейрана и поручил ему составить проект договора, который должен быть предложен Александру. При этом Наполеон пояснил, что в Эрфурте он хочет получить свободу действий в отношении Испании и быть уверенным, что Австрия, даже испытывая беспокойство, будет сдержанна. «Подготовьте мне соглашение, — сказал Наполеон, — которое удовлетворило бы императора Александра, было бы направлено главным образом против Англии и предоставляло бы мне полную свободу в остальном...».

Через два дня Талейран представил Наполеону проект такого договора, общее содержание которого было определено Наполеоном в предыдущей беседе. Талейран начал читать проект договора:

«Его величество император французов и т. д.

И его величество император всероссийский и т. д.

Желая придать соединяющему их союзу все более тесный и навеки нерушимый характер и оставляя за собой возможность

прийти тотчас по возникновении надобности к соглашению о том, какие принять новые решения и какие направить новые средства борьбы против Англии, общего их врага и врага континента, решили установить в особой конвенции *начала*, которым они постановили неизменно следовать... (здесь император, — пишет Талейран, — прервал меня и сказал: «*Начала* — это хорошо, это совершенно не обязывает»)»¹³.

Как бы конкретно ни выглядели обязательства последующих статей договора, определение «начала», вмонтированное в преамбулу, делает эти обязательства столь растяжимыми, резиновыми, что они не имеют сколько-нибудь существенной ценности. Нет, не зря Наполеон похвалил своего министра иностранных дел!

В широком значении этого понятия все дипломатические документы являются документами, фиксирующими политическую или международно-политическую позицию государства. Выдвигается ли предложение, заявляется ли протест, делается ли предупреждение о возможных ответных мерах, оформляется ли соглашение или достигнутая степень сближения позиций сторон — во всех этих случаях имеет место фиксирование позиции государства в данном дипломатическом документе. В более же узком значении этого понятия, которое мы и имеем в виду, *дипломатические документы, фиксирующие позицию*, именно тем и отличаются от других типов дипломатических документов, что их содержание и назначение ограничиваются только фиксированием позиции государства, то есть не содержат каких-либо элементов дипломатического действия (выдвижение предложений, заявление протеста и др.).

Дипломатические документы, фиксирующие политическую или международно-правовую позицию к той или иной акции другого государства или государств или к международному событию, различны по своему смысловому содержанию. Они могут выражать согласие, одобрение или, наоборот, осуждение, подтверждение прежних предложений, прежней позиции по данному вопросу или определение отношения к предложениям другого государства; просьбу дать разъяснения; предостережение (в общей форме, без прямого указания на возможность ответных мер); призыв к воздержанию от определенных действий.

Во всех этих случаях цель дипломатического документа — заявить позицию государства, уведомить о ней другие государства. Чаще всего речь идет о таких акциях и событиях,

¹³ Талейран. Мемуары М. 1959, с. 191.

которые еще не вызывают необходимости в предупреждении об ответных действиях, но которые дают основания для определенной настороженности в отношении того, что развитие событий может принять опасный оборот. Фиксация политической или международно-правовой позиции означает, что для данного государства не безразличны акция другого государства или событие, о которых идет речь, что затрагиваются определенные интересы этого государства.

Иллюстрацией дипломатического документа, фиксирующего позицию, может служить Заявление Советского правительства от 22 мая 1976 г.¹⁴ В самом заявлении обращается внимание на то, что со стороны определенных кругов ФРГ, которые до сих пор живут догмами «холодной войны» и по-прежнему не в ладах с реальностью, предпринимаются попытки подорвать то доброе, что сделано в советско-западногерманских отношениях за последнее время, причем беспардонно извращается внешняя политика Советского Союза, распространяются разного рода небылицы о его целях и намерениях. В связи с этим возникла необходимость вновь разъяснить принципиальную линию Советского Союза в международных делах, в том числе в отношении Федеративной Республики Германии. В заявлении говорится, что Советский Союз намерен терпеливо и последовательно искать все новые пути развития мирного и взаимовыгодного сотрудничества государств с различным общественным строем, регулировать спорные вопросы за столом переговоров. В этом плане Советский Союз вел до сих пор и будет впредь вести дела и с Федеративной Республикой Германии. Далее обстоятельно и аргументированно излагается позиция Советского Союза по ряду наиболее актуальных международных проблем и вопросам двусторонних советско-западногерманских отношений.

Как уже отмечалось, заявления ТАСС не являются официальными дипломатическими документами в собственном смысле этого слова. Однако когда в таком заявлении содержится ссылка на то, что «ТАСС уполномочен заявить», то такие заявления воспринимаются со всей серьезностью в различных столицах мира, и в особенности в тех, которых это непосредственно касается. Примером тому служит Заявление ТАСС от 8 июня 1982 г.¹⁵ в связи с израильской агрессией в Ливане. Это заявление, вызвавшее широкие международные отклики, было расценено именно как четко отражающее

¹⁴ См. *Правда*, 1976, 22 мая.

¹⁵ См. *Правда*, 1982, 8 июня.

позицию Советского Союза в связи с ливанскими событиями. В Заявлении содержалось требование немедленно положить конец вооруженному вторжению Израиля в Ливан и отвести израильские войска на свою территорию.

В связи с дальнейшим обострением обстановки вокруг Ливана и продолжением израильской агрессии Советское правительство 15 июня 1982 г. выступило с официальным Заявлением¹⁶, в котором говорилось:

«Советский Союз не на словах, а на деле выступает на стороне арабов, добивается, чтобы агрессор убрался из Ливана. Тем, кто ныне вершит политику Израиля, не следовало бы забывать, что Ближний Восток — это район, расположенный в непосредственной близости от южных границ Советского Союза, и события в котором не могут не затрагивать интересов СССР. Мы предупреждаем Израиль об этом».

И далее:

«Советское правительство требует, чтобы эта наглая агрессия была прекращена. Со своей стороны Советский Союз будет делать все от него зависящее, чтобы в этом районе был установлен прочный мир».

И еще пример более чем столетней давности, тем не менее не утративший своей иллюстративной яркости и по сей день. Но прежде чем процитировать сам дипломатический документ, необходимо, чтобы уяснить его смысл, вкратце ознакомиться с обстоятельствами его появления.

Летом 1839 года резко обострился так называемый «восточный вопрос». Непосредственным поводом к этому послужила победа, одержанная 24 июня в Сирии войсками паши Египта Мехмеда-Али над турецкой армией. Турецкая армия перестала существовать. К тому же 4 июля турецкий флот перешел на сторону Мехмеда-Али, пользовавшегося тайным и явным покровительством Франции. Турецкие министры и диван были готовы удовлетворить все требования египетского паши, и в частности предложить ему наследственную власть в Египте. Но из всех тогдашних великих держав от такого оборота событий в турецкой империи выигрывала одна Франция. Остальные — Англия, Россия, Австрия, Пруссия — искали способы оттянуть нежелательную для них развязку. Тогда Меттерних придумал следующий ход. 27 июля по инициативе австрийского канцлера в спешном порядке была составлена нота и вручена турецкому правительству. Под нотой стояли подписи послов пяти великих

¹⁶ См. *Правда*, 1982, 15 июня.

держав (Франция подписала ее, видимо, из-за боязни оказаться изолированной). Вот ее текст:

«Нижеподписавшиеся имеют честь известить Блистательную Порту во исполнение инструкций, полученных ими от своих правительств, что солидарность пяти великих держав по восточному вопросу является обеспеченной и что поэтому им поручено просить Блистательную Порту воздержаться от принятия без их содействия каких бы то ни было окончательных решений и выжидать результатов того интереса, который эти державы проявляют к Порте»¹⁷.

Этот дипломатический документ, фиксирующий позицию пяти держав к внутренним событиям в Турецкой империи, составлен в лучшем стиле «классической дипломатии». Здесь что ни слово, то перл ее отработывавшегося веками искусства. В начале лишь слегка завуалированная угроза: «солидарность пяти великих держав по восточному вопросу является обеспеченной». Одновременно в этой фразе заключен достаточно прозрачный намек, что в данный момент турецкому правительству не приходится опасаться Франции. Последующая часть фразы пересыпана такими словами, как «просить» Блистательную Порту (замените его словом «потребовать» и смысл ноты нисколько не изменится), «без их содействия» (не без согласия, без разрешения или под диктовку великих держав, а именно без их содействия), «выжидать результатов того интереса, который эти державы проявляют к Порте» (до чего же элегантно откровенное вмешательство подменено понятием «интереса»!). Ничего не скажешь, Меттерних действительно был выдающимся мастером лицемерия.

Категория дипломатических документов, информирующих о намеченных или проведенных мероприятиях, имеющих международное значение, не нуждается в специальных пояснениях. Достаточно привести некоторые примеры, чтобы представить назначение дипломатических документов такого рода.

13 августа 1961 г. в Берлине было опубликовано Заявление правительств и государств — участников Варшавского Договора, обратившихся к Народной палате и правительству ГДР, ко всем трудящимся Германской Демократической Республики с предложением установить на границах Западного Берлина такой порядок, который надежно преградил бы путь для подрывной деятельности против стран социалистического содружества, чтобы вокруг всей территории Западного Берли-

¹⁷ Дебидур А. Дипломатическая история Европы, т. I. М., 1947, с. 389.

на, включая его границу с демократическим Берлином, осуществлялись надежная охрана и эффективный контроль. В ответ на это предложение Народная палата и Совет Министров ГДР приняли постановление о таком контроле на границах Германской Демократической Республики, включая границу с западными секторами Большого Берлина, который обычно имеет место на границах каждого суверенного государства. Об этой акции огромного международного значения внешний мир был информирован посредством опубликования обоих этих документов — Заявления стран Варшавского Договора и постановления органов ГДР.

Как уже упоминалось выше, во время работы второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению Советский Союз заявил, что он берет на себя в одностороннем порядке обязательство не применять первым ядерное оружие и что это обязательство вступает в силу немедленно, в момент его обнародования с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН 17 июня 1982 г.¹⁸ Эта акция исторического значения сопровождалась призывом к другим ядерным державам взять на себя столь же ясное и четкое обязательство не применять первыми ядерное оружие, что на практике было бы равносильно запрещению вообще применения ядерного оружия и в конечном счете исключило бы из жизни человечества самую возможность возникновения ядерной войны.

Одна из особенностей дипломатических документов, информирующих о намеченных или предпринятых действиях, состоит в том, что в ряде случаев в них содержится призыв откликнуться на эти действия проведением аналогичных мероприятий также и другими государствами (сокращение численности вооруженных сил, военных расходов, прекращение испытаний ядерного оружия и т. п.). Такой призыв, как это имеет место в практике советской дипломатии, может быть выдвинут в обращении Верховного Совета СССР к парламентам других стран, в заявлении правительства, в личном послании. Различие с категорией документов, содержащих предложения, здесь состоит в том, что в первом случае осуществление выдвигаемых предложений обуславливается принятием их другой стороной, а во втором случае мероприятия проводятся в жизнь независимо от того, поступит ли другая сторона таким же образом.

Далеко не всегда, как свидетельствует опыт, имеется возможность настолько сблизить позиции государств, чтобы

¹⁸ См. *Правда*, 1982, 17 июня.

результатом этого сближения стал международный договор, соглашение. Кроме того, не каждый вопрос может стать предметом договора или соглашения. Поэтому *договоренность или достигнутая степень согласия нередко оформляется путем обмена личными посланиями, личными и вербальными нотами, памятливыми записками*. Примером может служить оформление договоренности, достигнутой в сентябре 1962 года между правительствами СССР и Ирана, задолго до свержения шахского режима в этой стране.

Правительство Ирана направило посольству СССР в Иране следующую ноту.

«Шахиншахское министерство иностранных дел свидетельствует свое почтение Посольству Союза Советских Социалистических Республик и в развитие предыдущих переговоров считает необходимым довести до сведения посольства, что Шахиншахское правительство в целях провозглашения своей доброй воли и укрепления основ дружбы между двумя странами желает настоящей нотой дать правительству Союза Советских Социалистических Республик заверение в том, что оно не предоставит никакому иностранному государству права иметь ракетные базы всех видов на территории Ирана»¹⁹.

Ответная советская нота:

«Посольство Союза Советских Социалистических Республик в Иране свидетельствует свое почтение Шахиншахскому министерству иностранных дел Ирана и имеет честь заявить, что Правительство СССР с удовлетворением принимает к сведению ноту Шахиншахского правительства Ирана от 15 сентября 1962 года, в которой указывается, что „Шахиншахское правительство в целях провозглашения своей доброй воли и укрепления основ дружбы между двумя странами желает настоящей нотой дать правительству Союза Советских Социалистических Республик заверение в том, что оно не предоставит никакому иностранному государству права иметь ракетные базы всех видов на территории Ирана”»²⁰.

При обмене этими нотами министр иностранных дел Ирана от имени своего правительства сделал следующее устное заявление:

«Я официально заявляю, что, как неоднократно указывал Его Величество Шахиншах, Шахиншахское правительство Ирана никогда не разрешит, чтобы Иран стал средством агрессии против территории Советского Союза»²¹.

¹⁹ *Правда*, 1962, 16 сент.

²⁰ *Там же*.

²¹ *Там же*.

В ответном заявлении посол СССР в Иране заявил, что «Правительство Союза Советских Социалистических Республик принимает во внимание официальное заявление Шахиншахского правительства Ирана о том, что, как неоднократно указывал Его Величество Шахиншах, Шахиншахское правительство Ирана никогда не разрешит, чтобы Иран стал средством агрессии против территории Советского Союза»²².

Приведенные документы — советская и иранская ноты, а также заявления, сделанные при обмене этими нотами министром иностранных дел Ирана и советским послом, — являются примером дипломатических документов, оформляющих договоренность или достигнутую степень согласия.

Другой пример. Соглашение между Советским Союзом и Францией от 16 июля 1976 г. о предупреждении случайного или несанкционированного применения ядерного оружия было оформлено путем обмена письмами, которые с советской стороны подписал член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, с французской — министр иностранных дел Франции Ж. Сованьярг.

Таким образом, знакомство с частью дипломатического документа, называемой смысловым ядром, показывает, что содержание, которое может быть заключено в нем, столь же безгранично, как и сама международная жизнь. Важно иметь в виду, что эта часть дипломатического документа является наиболее ответственной, поскольку именно смысловое ядро содержит заявление о готовности государства к тем или иным шагам и действиям и определяет условия, при которых могут быть предприняты такие шаги и действия.

Если смысловое ядро представляет собой предложение, скажем, по разоружению, то из этого следует, что государство должно осуществить в рамках этого предложения определенные мероприятия в такой важной области, как оборонительные усилия. Это требует всестороннего учета таких факторов, как существующее соотношение сил, предполагаемые формы и объем международного контроля, возможности того, что такой контроль может быть использован в целях шпионажа и военной разведки. Иными словами, то, что в данном случае находит свое выражение в смысловом ядре дипломатического документа, затрагивает святая святых государства.

Если смысловое ядро содержит указание на возможность принятия ответных шагов или предупреждение о том, что агрессия будет обуздана, то значение этого тем более очевидно:

²² Там же.

ведь речь идет о самых ответственных решениях, от которых зависит сохранение мира.

За словесной оболочкой смыслового ядра стоит государство, стоит действие, которое оно может предпринять на международной арене. Поэтому каждую формулировку смыслового ядра необходимо выверять особенно тщательно, взвешивать действительное значение каждого его слова и тех последствий международного, внутривластного, военного, экономического, финансового характера, которые вытекают бы из реализации положений смыслового ядра. Нужна не просто точность, но филигранная отточенность формулировок смыслового ядра как самой важной и самой ответственной части дипломатического документа.

АРГУМЕНТАЦИОННАЯ ЧАСТЬ

Дипломатические документы бывают довольно пространными. «А нельзя ли на одной странице изложить то, что излагается на пяти?» — может спросить читатель, привыкший схватывать суть на лету, особенно если самое существенное в дипломатическом документе напечатано вразрядку или выделено подчеркиванием. Наверное, можно.

Нетрудно представить себе такой дипломатический документ, который состоял бы из пары вежливых фраз в начале и в заключении, а между ними было бы помещено смысловое ядро. Как говорится, коротко и ясно, да и приличия дипломатические соблюдены. Только весь вопрос в том, насколько отвечал бы дипломатический документ, составленный подобным образом, своему назначению: адресоваться одновременно по двум направлениям — к правительствам и к народам. Можно со всей определенностью сказать, что при подходе, характеризующемся «экономией аргументации», второй адрес — народы был бы потерян.

Объем дипломатического документа зависит прежде всего от его аргументационной части. Одно дело, когда стоит задача изложить позицию по данному конкретному вопросу независимо от того, как вовне могут отнестись к этой позиции. Другое дело, когда задача более сложная: не только информировать правительство-адресат о занимаемой позиции, но и убедить в ее обоснованности, в правоте своей политики сомневающихся, колеблющихся и даже идейных противников. В подъеме на новую, более высокую ступень искусства убеждения миллионов людей, приобщения к точке зрения Советского Союза на международные проблемы все более широкого круга мирового общественного мнения находит свое практическое воплощение развитие ленинских черт советской дипломатии, и в частности той стороны ее деятельности, которая осуществляется при помощи различных видов дипломатических документов.

Сегодня, как никогда, в центре интересов народов, их

духовной жизни стоит вопрос о войне и мире. Чем яснее народам, какой ответ на этот вопрос дает политика того или иного государства, тем скорее они сделают свой выбор, определеннее и требовательнее прозвучит их голос.

Было бы наивным считать, что правительства и государственные деятели, пытающиеся реанимировать «холодную войну», препятствовать сохранению и укреплению разрядки, практическим мерам в области разоружения, только и знают, что расточают признания в том, что их цель — настроить умы людей на ту же волну, на которой передаются команды штабов НАТО. Нет, дело обстоит гораздо сложнее. Подлинное лицо такой политики маскируется в наши дни более тщательно, чем когда бы то ни было, миролюбивыми фразами и изощренными приемами буржуазной дипломатии. Ее проведение в жизнь подкрепляется постоянным функционированием хорошо отработанных взаимосвязей между внешней политикой и идеологической обработкой. Поэтому, хотя в дипломатических документах чаще всего речь идет об отдельных сторонах международной жизни, фактически же происходит столкновение позиций, доводов, аргументов не только в рамках рассматриваемого вопроса, но и по всему фронту идеологической борьбы. В освещении каждого конкретного международного вопроса как бы фокусируются два противоположных мировоззрения.

В умении понять других, проникнуть в образ мышления и психологию народа, живущего в иных общественных условиях, — первый залог того, что в дипломатическом документе будет найден общий язык с теми, к кому обращен этот дипломатический документ. Не на пустом месте завязываются бои за души зарубежных читателей советских дипломатических документов, а на поле, обильно усеянном предубеждениями, предрассудками, ложной информацией. Не только убедить в правоте точки зрения, отстаиваемой Советским Союзом, но и разубедить в том, в чем зарубежный читатель был убежден еще вчера, переубедить его — такова внутренняя диалектика, определяющая назначение аргументационной части дипломатического документа. Как это достигается? В каждом отдельном случае различно. Но есть некоторые общие положения методологического порядка, позволяющие отчетливее представлять возможные способы решения этой задачи.

Прежде всего невозможно вступить в спор, убедить и переубедить, не имея известных точек соприкосновения со своими (предполагаемыми) оппонентами, иначе получится диалог глухих. При составлении дипломатических документов очень важно поэтому суметь найти такие точки соприкоснове-

ния с зарубежным читателем, а затем силой логики, фактов убеждать оппонентов в правильности своей позиции. Это всегда более трудный путь, но единственно обещающий успех, если действительно сражаться за души людей, отравленных империалистической пропагандой, являющихся гражданами тех государств, с которыми ведется диалог по внешнеполитическим вопросам. Дипломатические документы Советского Союза дают многочисленные примеры умения найти, выделить такие точки соприкосновения, а при недостаточности или отсутствии их — активно создавать их.

Вспомним, какое огромное внимание в советских дипломатических документах уделялось на протяжении ряда лет разъяснению того, что представляет собой современное ядерное оружие, что выпало бы на долю народов, если бы оно было пущено в ход. На Западе пытались представить изложение суровых фактов, касающихся истребительного действия ядерного оружия, чуть ли не как «угрозу» и «запугивание». На самом же деле Советский Союз выполнил высокую миссию по просвещению народов, раскрыл им глаза на то, что означало бы развязывание войны в современных условиях. Это была своего рода предохранительная прививка против проповеди использования ядерного оружия, против пассивного отношения к политике, ориентирующейся на подхлестывание вооружений и увеличение угрозы ядерной войны.

Именно благодаря тому, что в сознании народов все полнее вызревало понимание опасностей развязывания новой войны, чему в немалой степени способствовали советские дипломатические документы, появились и дополнительные точки соприкосновения, общие исходные позиции для обоснования и аргументации тех предложений, которые выдвигались в этих документах. Именно поэтому с небывалой остротой и убедительностью встал вопрос о необходимости проведения политики мирного сосуществования, сдерживания гонки вооружений, ослабления военного противостояния.

Точки соприкосновения, наличие которых необходимо или по крайней мере весьма желательно в дипломатических документах в целях результативности воздействия выдвигаемых предложений и аргументации на адресатов, служат как бы опорными пунктами, ступеньками для расширения взаимопонимания с читателем, для его внимательного, вдумчивого отношения к аргументам и предложениям, содержащимся в данном дипломатическом документе.

Жизнь, история богаты материалом, в котором содержатся моменты, сближающие народы, роднящие их судьбы. Народы одних стран никогда не воевали друг с другом. Народы других,

напротив, сталкивались между собой на протяжении столетий и поэтому хорошо знают, что такое война, видели ее на своей территории. Народы третьих сражались плечом к плечу против общего врага. Народы четвертых испытали на себе иностранную интервенцию, отвоевали с оружием в руках право быть хозяином в собственном доме.

Периоды сближения и сотрудничества, приносящие выгоды обеим странам, обоюдный ущерб от периодов вражды и отчужденности, географические факторы (соседство, близость потенциальных очагов военной опасности), сходство черт национального характера — эти и подобные им элементы могут служить в качестве отправных положений для извлечения из самых разнообразных областей жизнедеятельности народов, истории, географии, науки, культуры тех точек соприкосновения, без которых любая самая хорошая аргументация наполовину мертва.

Труды В. И. Ленина дают замечательные образцы использования аргументов, опирающихся на исторический опыт аудитории, которой они адресованы. Взять, к примеру, «Письмо к американским рабочим», написанное вождем русской революции 20 августа 1918 г. Разоблачая лицемерие англо-французского и американского империализма, обвинявшего Советскую Россию в «соглашении» с немецким империализмом, то есть в заключении Брестского мира, В. И. Ленин показывает, что есть соглашения и соглашения и что на самом деле всякий европеец прекрасно знает эту разницу, а американский народ особенно наглядно «пережил» ее в своей собственной истории.

Далее В. И. Ленин напоминает, что американский народ давно применил тактику, к которой теперь прибегли русские большевики. «Когда он (американский народ. — А. К.) вел свою великую освободительную войну против угнетателей англичан, против него стояли также угнетатели французы и испанцы, которым принадлежала часть теперешних Соединенных Штатов Северной Америки. В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал также «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 56.

Опять-таки на примере, почерпнутом из истории американского народа, разбивал В. И. Ленин в письме к американским рабочим обвинения большевиков в «хаосе» революции, в «разрушении» промышленности и пр. «В 1870 году Америка, — писал он, — в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла позади 1860 года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на *т а к о м* основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!»².

Приведенные выдержки из «Письма к американским рабочим» важны, на наш взгляд, с точки зрения построения аргументации, методологии подбора именно тех аргументов и фактического материала, которые ближе и доходчивее адресату. Кроме того, с этой же точки зрения не менее поучительно и другое. «Письмо к американским рабочим», как известно, не было написано и послано в порядке ответа на какие-либо резолюции или обращения. Однако В. И. Ленин подробно разбирает и разбивает некоторые аргументы империалистической пропаганды против большевиков, предвидя, что именно эти аргументы могут иметь хождение в американском рабочем классе и отравлять его сознание.

Не шапкозакидательству, мол, наша правда говорит сама за себя и клевета империалистов нам нипочем, а активной борьбе за симпатии, за поддержку народов, не уклонению от боя, а бою учит ленинский опыт!

Приведем еще один пример искусства В. И. Ленина высвободить «энергию убеждения» из артезианских глубин истории и направлять ее на службу актуальным задачам политики.

Каких только сильных эпитетов не подбирал В. И. Ленин, для того чтобы охарактеризовать грабительский характер Брестского договора: «архитяжелый», «насильнический», «похабный» и др. Но В. И. Ленин вместе с тем был против «перебарщивания» и убедительно доказывал это путем сравнения Брестского договора с Тильзитским договором, навязанным Наполеоном Пруссии и Германии.

Этот мир был настолько тяжелым, отмечал Ленин в докладе на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, что «не только были захвачены все столицы всех германских государств, не только были отброшены пруссаки к Тильзиту, что равносильно тому, если бы нас отбросили к Омску или Томску. Мало того, — наибольший ужас заключался в том, что

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 58.

Наполеон заставил побежденные народы давать вспомогательные войска для своих войн». Продолжая сравнение Брестского договора с Тильзитским, В. И. Ленин подчеркивал, что подписание мира как падение изображают увлеченные фразой люди. «С точки зрения дворянчика-дуэлянта эта психология понятна, но не с точки зрения рабочего и крестьянина. Последний проделал тяжелую школу войны, и он научился считать. Бывали испытания и тяжелее, и выходили из них народы более отсталые. Бывал заключаем мир и более тяжелый, и заключаем немцами в эпоху, когда они не имели армии, или их армия бывала больна, как больна наша армия. Они заключили тягчайший мир с Наполеоном. И этот мир не был падением Германии, — наоборот, он явился поворотным пунктом, национальной защитой и подъемом. И мы стоим накануне такого поворотного пункта, и мы переживаем условия аналогичные. Надо смотреть правде в лицо и гнать от себя фразу и декламацию»³.

Далее В. И. Ленин разъяснил, что Тильзитский мир позволил немецкому народу выиграть время, выждать, «когда международная ситуация, позволившая одно время восторжествовать Наполеону, такому же грабителю, как теперь Гогенцоллерн, Гинденбург, пока эта ситуация не изменилась, пока не оздоровилось сознание измученного десятилетними наполеоновскими войнами и поражениями немецкого народа, и пока он снова не воскрес к новой жизни»⁴.

Враг любого дипломатического документа — облепченность мысли. Умственная диета — не пища для читателя, серьезно относящегося к международным событиям.

Дипломатические документы только тогда проделывают предназначенную им работу с полной отдачей, если приводимые в них аргументы опираются на реальную действительность, на коллективный опыт огромных масс людей, причем не одной, а многих стран. Примечательно в этом отношении, что гитлеровской дипломатии удавалось обманывать только тех, кто сам обманываться был рад, — сторонников политики потворства агрессору, позорным венцом которой был мюнхенский сговор. В своей массе народы быстро распознали звериную природу фашизма. Никакие самые изощренные аргументы не в состоянии вызвать доверие, если слова государства расходятся с его делами, если, расточая пацифистские фразы, оно бряцает оружием, проповедует самоопределение, захватывает и оккупирует чужие территории,

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 107—108.

⁴ Там же, с. 108.

умаживая дипломатические документы реверансами в адрес той или иной страны, призывает в своей внутренней пропаганде к порабощению или уничтожению народа этой страны. Стоило обратиться к книге Гитлера «Mein Kampf», этой библии фашизма, чтобы не осталось ничего от фиговых листочков гитлеровской дипломатии агрессии и международного разбоя.

Воздействовать, убеждать — это прежде всего высказывать то, что не противоречит жизненному и политическому опыту людей, а еще лучше — подкрепляется их собственным опытом. Достаточно одной неверной нотки, и смазано воздействие документа в целом — так режет слух фальшивый звук в оркестре. Притягательная сила советских дипломатических документов — это сила правды, которую они несут.

Аргументационная часть дипломатического документа начинается чаще всего с изложения причин, приведения оснований, которые побуждают, дают право выступить с данным дипломатическим документом, обратиться к данному адресату или адресатам.

Сравнительно просто решается эта задача, когда предметом рассмотрения в дипломатическом документе являются вопросы, касающиеся двусторонних отношений страны — отправителя документа и страны, которой этот документ адресуется. В данном случае само собой разумеется, что именно эти две страны, а не какие-либо третьи страны должны вступить в дипломатический диалог между собой. Важно только привести убедительные обоснования обращения к стране — адресату дипломатического документа по выдвигаемому вопросу или по поводу того или иного события (например, стремление улучшить отношения, предупреждение о последствиях действий, наносящих ущерб этим отношениям, заявление протеста, защита интересов граждан страны — отправителя дипломатического документа и т. п.).

Сложнее мотивировать факт обращения с дипломатическим документом, когда в нем затрагиваются не вопросы двусторонних отношений, а более общие вопросы международного положения и когда такой документ адресуется группе стран. В этих случаях, как правило, поясняется, почему Советское правительство выдвигает тот или иной вопрос именно в данный момент, в чем видит особую актуальность и значение выдвигаемого предложения (забота о поддержании мира, стремление объединить усилия в целях разрядки международной напряженности, устранения очагов военной опасности в том или ином районе, выполнение совместно принятых обязательств по международным соглашениям и т. п.).

Во многих дипломатических документах вопрос, «почему»

выступает Советское правительство с данным документом, прямо не ставится, тем не менее он подразумевается, и на этот подразумеваемый вопрос читателю дается ответ если не прямой, то косвенный.

Так, в ноте Советского правительства правительству ФРГ от 5 февраля 1963 г. говорится:

«Советский Союз, несущий наряду с другими великими державами особую ответственность за поддержание всеобщего мира, и в силу своего положения, как державы, принявшей безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии и имеющей определенные права и обязательства по четырехсторонним союзническим соглашениям, не может пройти мимо «Договора между Федеративной Республикой Германии и Французской Республикой о германо-французском сотрудничестве», подписанного 22 января 1963 г. в Париже»⁵.

Здесь содержатся мотивировки политического и международно-правового характера, подводящие читателя к выводу, что Советскому Союзу отнюдь не безразличны те или иные акции ФРГ на международной арене, однако нет еще ответа на вопрос, почему Советский Союз «не может пройти мимо» данного франко-западногерманского договора. Поэтому в ноте Советского правительства далее уточняется, что указанный договор — «это не просто документ, регулирующий отношения между двумя соседними государствами» (если бы он был таковым, то не было бы оснований для выступления третьих государств по поводу его подписания). Раскрывая конкретное содержание договора между Бонном и Парижем, нота показывает, что в его основе лежит претензия решать дела, которые касаются многих других государств, и что он вызван к жизни опасными политическими расчетами. Отсюда становится ясно, почему Советский Союз вынужден соответственно реагировать на заключение этого договора.

Мы отнесительно подробно остановились на значении мотивировки самого факта выступления с тем или иным дипломатическим документом, так как первый вопрос, который возникает у зарубежного читателя, может быть, в чем-то и наивен, но с его точки зрения вполне законен: «Почему вы говорите об этом и причем тут я?». Если видеть задачу в том, чтобы завязать разговор с читателем, то этот вопрос не следует оставлять без ответа.

Дипломатический документ тогда имеет больше шансов быть правильно понятым читателем, когда предмет рассматривается со многих сторон и приводится максимальное

⁵ *Правда*, 1963, 8 февр.

количество аргументов в обоснование позиции, предложения. Особенно важно использовать полностью обойму аргументов и доводов — политических, экономических, исторических, юридических, психологических, моральных, — когда вопрос или предложение выдвигается впервые. Достаточно обратиться к любой крупной дипломатической акции Советского Союза последних лет, чтобы убедиться в этом. Дипломатические документы Советского правительства, в которых ставились в повестку дня такие проблемы, как разоружение, обеспечение европейской безопасности, ближневосточное урегулирование и полное устранение последствий израильской агрессии, перестройка международных экономических отношений, насыщены богатейшей и разносторонней аргументацией в пользу необходимости решения этих проблем, в защиту советских предложений по ним.

Отмечая желательность использования аргументов из разных областей жизни, в различных плоскостях (политическая, военная, экономическая, моральная и т. п.), необходимо вместе с тем всегда иметь в виду, что все эти аргументы должны быть одинаково целенаправленны, сходиться в одной точке, как стропы парашюта, и в своей совокупности поддерживать и нести смысловое ядро дипломатического документа.

Стропы парашюта, то есть нити рассуждения, тянущиеся от каждого абзаца аргументационной части к смысловому ядру, явственно прощупываются в каждом квалифицированно подготовленном дипломатическом документе.

Возьмем в качестве иллюстрации ноту Советского правительства от 20 мая 1963 г. по поводу размещения в районе Средиземного моря американских атомных подводных лодок, оснащенных ядерными ракетами «Поларис»⁶. Нота заостряет внимание правительств и народов средиземноморских стран на военной стороне этого мероприятия:

«...Производимая ныне замена американских стационарных ракетных баз плавающими влечет за собой далеко идущие политические и военные последствия: призрак ядерной войны, ступивший поначалу на землю тех стран, которые сами активно участвуют в военных мероприятиях НАТО, теперь, можно сказать, получает прописку на берегах всего Средиземного моря. Плавающие вдоль побережья средиземноморских стран подводные лодки, оснащенные ракетами «Поларис», расширили бы площадь, с которой могло бы быть произведено ядерное нападение, и, следовательно, раздвинули бы также географическую сферу применения неизбежных в этом случае ответных мер с целью обезвреживания опорных точек агрессии.

⁶ Правда, 1963, 22 мая.

Понятно, что наибольшей опасности подвергли бы себя те страны, на которые постоянно или время от времени базировались бы такие подводные лодки. Но не существует и не может быть никакой гарантии против того, что атомная подводная лодка пошлет свой смертоносный груз из международных вод, а затем попытается укрыться у побережья государства, не входящего в Североатлантический блок, или что она произведет залп непосредственно из территориальных вод этого государства. Вероятность такого хода событий исключать не приходится, тем более что многие государства Средиземноморского бассейна не располагают реальными средствами помешать атомным подводным лодкам зайти в их воды и что требуются лишь считанные минуты, чтобы совершилось непоправимое».

Приведенный аргумент отличает конкретность разбора ситуаций, которые могут возникнуть в результате появления в Средиземном море подводных лодок-ракетоносцев, а весь в целом он устремлен к одному — к разъяснению жизненной заинтересованности самих средиземноморских стран в осуществлении предложения, которое является смысловым ядром советской ноты, предложения о превращении Средиземного моря в безъядерную зону. Но убедительный сам по себе аргумент не исчерпывает существа дела, поскольку из анализа военных последствий ввода в Средиземное море американских атомных подводных лодок вытекают определенные политические выводы.

«Всем должно быть ясно, — говорится далее в ноте Советского правительства, — что штабы НАТО ведут дело к тому, чтобы Средиземное море из кратчайшего морского торгового пути, соединяющего Запад и Восток, из традиционного места отдыха и международного туризма стало логовом носителей ядерной смерти, еще одним районом опасного соперничества и конфликтов.

Что могут получить страны Балканского полуострова, Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, все страны, расположенные по периметру Средиземного моря или даже в глубинах материков, если вдоль их берегов будут рыскать атомные подводные лодки-ракетоносцы? Разве это повышает их безопасность и помогает улучшить им жизнь? Неужели можно думать, что греки, турки, итальянцы, французы, испанцы да и другие народы Средиземноморья будут чувствовать себя спокойнее, если у самого порога их дома займут огневые позиции иностранные ракеты и атомные бомбы, над которыми они не имеют никакой власти и контроля? Ведь даже при случайном стечении обстоятельств, вопреки их воле и желанию

народы этого района могут стать жертвой смертельной катастрофы».

«Все это достаточно убедительно», — может сказать зарубежный читатель, который до сего времени спокойно лицезрел средиземноморскую лазурь. «Но лично я, — продолжит он, — отнюдь не уверен, что американские подводные лодки направлены в бассейн Средиземного моря с такими зловещими намерениями, я не разделяю убеждения Советского правительства в агрессивном характере НАТО». На подобные возможные сомнения тоже должен быть дан ответ, линия аргументации должна быть доведена до своего логического конца.

«Правительства США и других стран НАТО, — говорится в ноте, — не скупятся на заверения, что американские подводные лодки с «Поларисами» направляются в Средиземное море якобы в «оборонительных целях» и чуть ли не для «защиты» стран этого района. Не будет, однако, преувеличением сказать, что из всех созданных средств ведения войны американское оружие, которое сейчас размещается в Средиземном море, менее всего приспособлено служить оборонительным целям, но зато оно наиболее пригодно для любой провокации. Отличительная особенность использования атомных подводных лодок в качестве подвижных ракетных баз в том и состоит, что они рассчитаны на скрытность подготовки и внезапность нанесения ядерного удара».

С точки зрения аргументированности дипломатического документа, большое значение имеет сохранение преемственности с той позицией, которую занимало государство по тому или иному вопросу до сих пор, и наряду с этим подчеркивание того нового в позиции, в предложениях, что отличает данный документ от предыдущих. Это означает, что у получателей и читателей дипломатического документа не должно возникнуть недоумения по поводу того, чем вызваны изменения в позиции, те или иные коррективы в предложениях или замена их новыми (например, стремлением облегчить достижение соглашения и для этого пойти навстречу пожеланиям партнеров, изменением обстоятельств или новыми фактами международной жизни, новыми данными науки и т. п.). Если при этом путем сравнения с предыдущей позицией и предложениями или даже в контрасте с ними будет отгеноено то новое конкретное содержание, которое несет в себе данный дипломатический документ, то вероятность его правильного восприятия читателем от этого только увеличится.

Задача аргументационной части состоит не только в том, чтобы привести наиболее веские аргументы в защиту собствен-

ной позиции, но и в том, чтобы заранее парировать возможные контраргументы другой стороны. Иными словами, определенные аргументы выполняют как бы упреждающую функцию, их предназначение — заранее отбить возможные возражения, с которыми может выступить сторона, получающая дипломатический документ. Примеров упреждающей аргументации много в советских дипломатических документах.

Вот один из них, взятый из Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам:

«Миф о неспособности колониальных народов управлять, творить, созидать разлетелся в прах.

Теперь никто не может сказать, что народы Азии, Африки, Латинской Америки не могут управлять собой. Гигантские силы пробудились к строительству новой самостоятельной жизни и воспрянули духом. Ныне и решение международных дел немыслимо без участия народного Китая, без участия освобожденных народов Индии, Индонезии, Бирмы, Цейлона, Объединенной Арабской Республики, Ирака, Ганы, Гвинеи и других больших и малых государств.

Теперь уже никто не может сказать, будто освобождение находившихся под игом колониализма наций и народов повлечет за собой увеличение зон конфликтов и столкновений между странами. Напротив, национальное освобождение привело к расширению зон мира, в то время как колониальное угнетение и колониальная политика вели и ведут к войнам.

Теперь уже никто не может утверждать, будто освобождение наций приведет к упадку хозяйства, торговли, ремесел или земледелия. Напротив, опыт показывает, что именно политическое освобождение колониальных народов и создание новых независимых государств открывают путь к действительному подъему национальной экономики.

Теперь никто не решится утверждать, будто освобождение народов от колониального гнета поведет к упадку культуры. Жизнь показывает, что вслед за освобождением начинается возрождение, подъем и расцвет самобытных национальных культур, распространение народного просвещения, улучшение охраны здоровья, создание квалифицированных национальных кадров, увеличиваются возможности обогащения мировой культуры»⁷.

Каждый абзац приведенного отрывка упреждает ожидаемые возражения и контраргументы противников принятия в ООН решения об упразднении колониального режима и колониальной администрации во всех ее видах.

⁷ Правда, 1960, 24 сент.

Когда аргументационная часть дипломатического документа заранее покрывает, сводит на нет вероятные возражения, то значительно увеличивается действенность той акции, осуществлению которой призван служить данный дипломатический документ.

Идет, скажем, речь об опасности расползания ядерного оружия. Полезно привести, хотя бы вкратце, наиболее существенные доводы в пользу укрепления режима нераспространения этого оружия, отметить уже достигнутое, указать на недостатки и прорехи в этом режиме. И особенно полезно под таким углом зрения показать несостоятельность линии рассуждений тех, кто под флагом сотрудничества в мирном использовании ядерной энергии — по незнанию или с тайным умыслом — может содействовать отпочкованию новых арсеналов ядерного оружия от арсеналов, уже существующих у пяти ядерных держав.

В соответствующем разделе меморандума Советского Союза, внесенного на рассмотрение XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отмечается очевидность того, что угроза ядерной войны неизмеримо возросла бы, если бы в процессе создания и накопления ядерного оружия втянулись другие государства, не обладающие им в настоящее время. Договор о нераспространении ядерного оружия, участниками которого стало большинство государств мира, сделал многое для предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия. Но его участниками являются пока не все ядерные державы. Уклоняются от участия в нем и некоторые неядерные государства, способные по своему техническому развитию создать собственное ядерное оружие. Важно поэтому добиваться того, чтобы этот договор стал подлинно универсальным.

В меморандуме разъясняется, что в процессе работы ядерных электростанций в качестве побочного продукта образуется и накапливается расщепляющееся вещество — плутоний, который может быть использован для создания ядерного оружия. С развитием международного торгового обмена ядерными материалами, оборудованием и технологией такие возможности будут все более значительными, в том числе у государств, которые не взяли на себя обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия. Очевидно, что на те государства, которые поставляют ядерные материалы, оборудование и технологию, ложится в этой связи особая ответственность. Далее в меморандуме следует квинтэссенция предупреждающей аргументации: «Необходимы строгие гарантии того, чтобы международное сотрудничество в области мирного

применения ядерной энергии не стало каналом распространения ядерного оружия. Это — не коммерческий вопрос, это — вопрос политики, вопрос международной безопасности»⁸.

Метод применения упреждающей аргументации может состоять и в том, чтобы задать вопрос, как раз тот вопрос, ответ на который обнажил бы несостоятельность всей системы ожидаемых контраргументов. Так, в Заявлении Советского правительства от 22 мая 1976 г.⁹ констатируется, что ФРГ — «крупный международный партнер Советского Союза. Последние годы отмечены существенными достижениями в различных областях советско-западногерманского сотрудничества, хотя не следует закрывать глаза на нерешенные проблемы, на имеющиеся трудности...

Те, кто пытается сейчас ставить под сомнение перспективы мирного сотрудничества в Европе, кто подхлестывает гонку вооружений и требует «жесткости» в отношениях с социалистическими странами, кто беспардонно извращает дух и букву договоров ФРГ с социалистическими странами и пытается возрождать националистические, реваншистские концепции, — должны были бы открыто сказать — какую альтернативу они предлагают народам Европы и своему собственному народу, как они мыслят себе будущее ФРГ?»

Этот вопрос об альтернативе нацелен точно. Ведь ответственные, реалистически мыслящие государственные и политические деятели ФРГ тоже признают, что разумной альтернативы политике разрядки и мирного сотрудничества нет.

Само собой разумеющимся условием умелого применения упреждающих аргументов является точное представление о позиции другой стороны, без чего невозможно никакое предугадывание ее наиболее вероятных возражений и контраргументов.

Хорошо цементирует аргументационную часть фактический материал. Иногда уместно приведенные данные, цифры больше говорят читателю, чем самые безупречные логические доводы. Так, в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам указывается, что за полвека бельгийского колониального господства численность населения в Конго сократилась более чем вдвое от карательных экспедиций, голода и болезней. В момент провозглашения независимости Республики Конго только немногие из жителей могли читать и писать.

⁸ *Правда*, 1976, 30 сент.

⁹ *Правда*, 1976, 22 мая.

В меморандуме Советского Союза, представленном XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подкрепляется тезис о том, что гонка вооружений истощает жизненно важные ресурсы стран, лишает народы значительной и постоянно увеличивающейся доли богатств, создаваемых их трудом. «Сегодня во всем мире на вооружения затрачивается, по данным ООН, около 300 млрд. долларов в год, т. е. миллион долларов каждые две минуты. Это значительно превышает весь национальный доход развивающихся стран Азии и Африки. На обучение ребенка науке созидания тратится в современном мире в среднем в шестьдесят раз меньше, чем на обучение солдата азбуке истребления. А в гонку вооружений втягиваются все новые и новые государства»¹⁰.

На первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению советская делегация привела не менее впечатляющие данные: «А что говорить о громадных материальных и интеллектуальных ресурсах человечества, расходующихся столь непроизводительно, — на создание средств истребления. Более миллиарда долларов в день на вооружения — человеку с нормальным воображением трудно даже постигнуть эту цифру!»¹¹.

И последнее соображение, касающееся аргументационной части. Выше рассматривались некоторые характерные для этой части моменты на примере дипломатических документов, в которых проявляется инициатива в постановке нового крупного международного вопроса. Понятно, что при подготовке такого рода дипломатических документов требуется не только глубокое понимание стоящей задачи, но и мобилизация знаний, политического и жизненного опыта, проявление эрудиции и изобретательности в том, как наиболее эффективно решить эту задачу. Сравнительно проще обстоит дело с дипломатическими документами, являющимися ответом на соответствующие дипломатические документы другой стороны. Сумма аргументов другой стороны здесь уже налично. Содержание ответа предопределяет характер реагирования на них: покззать их необоснованность или, может быть, согласиться с частью из них, противопоставить им дополнительные контраргументы или же ограничиться разбором только тех, которые высказаны другой стороной.

При всех обстоятельствах ясно одно: лучше не оставлять каких-либо аргументов другой стороны без ответа, иначе они будут продолжать оказывать свое влияние. Это, разумеется, не

¹⁰ *Правда*, 1976, 30 сент.

¹¹ *Правда*, 1978, 27 мая.

означает, что надо придерживаться той же последовательности расположения аргументов в документе, на который предстоит дать ответ. Чаще всего, как нетрудно убедиться из опыта соответствующих советских дипломатических документов, избирается та последовательность контраргументов и дополнительных аргументов, которая дает большой простор изложению и разъяснению собственной позиции. Иными словами, предпочтительнее не соскальзывать на плоскость аргументации, определенную другой стороной, не пахать чужое поле, а возделывать свое.

ЧАСТЬ, ИЗЛАГАЮЩАЯ ФАКТЫ

В одном из кабинетов высотного здания на Смоленской площади в Москве, где находится Министерство иностранных дел СССР, заканчивалась серьезная беседа. Неожиданно официальные улыбки сменились смехом обоих собеседников — советского дипломата и высокопоставленного гостя из одной соседней страны, тоже дипломата. «Так Вы говорите, там прямо так и написано, что он перебежал на советскую территорию?» Вместо ответа второй собеседник протянул иностранному гостю лист бумаги с текстом, отпечатанным на бланке посольства страны, которую представляет иностранный гость. Бумага, которую передал советский дипломат иностранному гостю, — нота посольства соседней страны. «Перебежчик» — белый мул.

В ноте указывается и дата, когда белый мул перебежал на советскую территорию, и его номерной знак, и район, где произошло это событие, и номер пограничного знака, где белый мул предположительно проследовал через границу. Далее выражается просьба в любезном содействии возвращению упомянутого белого мула. Для более ясного представления о характере происшествия будет небесполезно отметить, что со времени исчезновения белого мула и до момента вручения указанной ноты прошло... полгода. За это время белый мул, если он вообще перебежал границу, мог перебежать обратно, мог слохнуть, а нота между тем послана, и правила вежливости требуют ответить на нее. Иностраннный гость проявил себя как человек, обладающий чувством юмора и видящий всю гротескность затаскивания белого мула в дипломатический документ. «Считайте, что этой ноты не было», — сказал он советскому дипломату.

Каковы основные черты и особенности той части дипломатического документа, в которой излагается фактическая сторона рассматриваемого в нем вопроса?

Главное требование, предъявляемое к этой части, —

точность формулировок, их соответствие, соразмерность излагаемым фактам. Малейшая допущенная здесь неточность, будь то преувеличение, преуменьшение или любое непреднамеренное искажение факта, делает документ уязвимым, дает другой стороне возможность бросить тень на весь документ, на всю дипломатическую акцию. Поэтому столь важна проверка и перепроверка фактов, используемых в дипломатических документах, их точность в каждой детали. Не менее важно и то, чтобы сохранялась соразмерность между фактами, взвешивалась уместность их изложения в дипломатическом документе, иллюстрацией чего может служить поучительная история с белым мулом.

Сделаем одну оговорку. Когда мы говорим о «части, излагающей факты», то это не обязательно означает, что в одном или нескольких следующих друг за другом абзацах собран весь фактический материал. Нередко бывает, что этот фактический материал рассредоточен по всему документу, сливается с аргументационной частью. Поэтому не во всех дипломатических документах можно выделить часть, излагающую факты, как некий самостоятельный блок.

При формулировании части, излагающей факты, возникают естественные сложности, когда речь идет не об уже совершенных действиях, а о первоначальных шагах к их осуществлению и тем более когда речь идет о выработке планов, которые еще не претворены в жизнь, находятся в стадии разработки, в «подвешенном состоянии». В этих случаях сообщения иностранной печати зачастую противоречат друг другу, в особенности в деталях. Официальные документы и заявления, на которые можно было бы опереться, почти или совсем отсутствуют, хотя общее направление развития событий вырисовывается с достаточной определенностью.

И все-таки если те или иные планы, дающие основание для дипломатической акции, находятся еще в процессе становления, то это не лишает возможности изложить в дипломатическом документе фактическую сторону дела на текущий момент. Однако это делается с непрременным учетом того, что планы могут еще несколько раз измениться в каких-то частностях в процессе их дальнейшей разработки и согласования.

Отсюда более осторожные квалификации фактов такого рода, подача со ссылкой на источники, что позволяет сохранить известную дистанцию в отношении степени достоверности этих фактов и сохраняет возможность государству или государствам, к которым обращен данный дипломатический документ, отмежеваться от них или вообще дать «задний ход». Все это обусловливает несколько общий иногда характер отдельных

формулировок, разумеется, при обязательном включении в дипломатический документ тех конкретных сведений, достоверность которых не вызывает сомнений.

Ясно, что работа над дипломатическими документами такого рода требует предварительного сопоставления многообразных сообщений и информации, их анализа, определения степени достоверности, отбора сведений, пригодных для использования, и только потом — синтеза их в части, излагающей факты.

Гораздо проще обстоит дело, когда предметом рассмотрения в дипломатическом документе является уже совершенное действие. Чаще всего наиболее рельефно обозначена и наиболее конкретна по своему содержанию часть, излагающая факты, в дипломатических документах, заявляющих протест.

Мы уже приводили смысловое ядро ноты Советского правительства правительству США от 11 марта 1964 г. Ниже следует часть, излагающая факты из этой же ноты:

«10 марта с. г. в 16 ч. 51 мин. по московскому времени в воздушное пространство Германской Демократической Республики около г. Хельмштедт вторгся из ФРГ американский реактивный военный самолет типа «РБ-66». Следуя в восточном направлении на высоте более 10 000 метров, самолет-нарушитель углубился на территорию ГДР до 70 км. Южнее Альтенхаузена нарушитель был перехвачен истребителем Группы советских войск, находящейся в Германской Демократической Республике на основе союзных с ГДР соглашений. Экипаж самолета игнорировал отданный ему установленными сигналами приказ о посадке и продолжал полет в глубь территории ГДР. После предупредительных выстрелов советского истребителя, в связи с тем, что самолет-нарушитель не подчинялся приказу о приземлении, советскими вооруженными силами, действовавшими в согласовании с компетентными органами ГДР, были приняты необходимые меры в соответствии с инструкциями по охране воздушного пространства, которые известны американскому командованию. Самолет-нарушитель упал на территории ГДР к северо-востоку от г. Гарделеген.

Расследование на месте падения самолета показало, что самолет имел на борту специальное разведывательное оборудование для аэрофотосъемки и радиотехнической разведки. Как установлено, самолет проник на территорию ГДР со специальной целью проведения военной разведки»¹.

Совершенно конкретное изложение обстоятельств инцидента, указание с точностью до минуты времени пересечения

¹ Правда, 1964, 12 марта.

границы ГДР, пункта вторжения и маршрута полета, упоминание о наличии на борту самолета разведывательного оборудования — все это ставит сторону, которой заявляется решительный протест, в труднейшее и неприятнейшее положение: или признать факты и взять на себя ответственность за совершенный провокационный акт, или попытаться вывернуться при помощи оспаривания и искажения фактов, рискуя при этом, что все равно истина восторжествует и придется их так или иначе признать. Правительство США не рискнуло встать на второй путь. 22 марта 1964 г. государственный секретарь США Д. Раск заявил, что американская сторона выразила сожаление по поводу нарушения самолетом «РБ-66» воздушного пространства ГДР и что президент Л. Джонсон отдал американским военным властям приказ обеспечить, чтобы этого больше не повторялось.

Всегда желательно, чтобы протест опирался на совершенно конкретный, очерченный до мельчайших подробностей фундамент фактов. Чем шире такой фундамент, тем прочнее позиции стороны, заявляющей протест, тем труднее другой стороне уклониться от ответственности за неправомерные действия.

Всякий раз, когда налицо разноречивое освещение фактологической стороны того или иного вопроса, дипломатия страны, берегущей свой международный авторитет, стремится таким образом обосновать свою точку зрения, чтобы в ее правоте не оставалось ни малейших сомнений. Ради этого стоит перевернуть горы архивных материалов, справочников, трудов по истории и международному праву, ибо факты и только факты образуют тот ствол, на котором могут произрастать живые побеги доверия к слову государства, к его внешней политике.

Что касается дипломатии империалистических государств, то как в прошлом, так и в последние годы она не раз давала поводы к тому, чтобы считать преднамеренное искажение фактов одним из средств, к которому она прибегает, особенно в затруднительных обстоятельствах. Пожалуй, одним из наиболее разительных подтверждений этому стало разоблачение маневров американской дипломатии вокруг инцидента со шпионским самолетом «У-2», сбитым в Советском Союзе в мае 1960 года.

До того как с трибуны Верховного Совета в присутствии иностранных дипломатов и журналистов было сообщено, что пилот этого самолета Пауэрс жив, находится в Москве и были показаны вещественные доказательства действительного задания, с которым был заслан «У-2» в воздушное пространство Советского Союза, госдепартамент США успел выступить с официальным сообщением для печати. Госдепартамент США

утверждал, что этот самолет проводил исследования погоды в верхних слоях атмосферы и что он якобы сбился с курса из-за неисправности кислородного питания летчика. Госдепартамент уверял, что пилот потерял сознание и самолет, управляемый автопилотом, залетел на территорию СССР. Национальное управление США по авионавигации и исследованию космического пространства в своем заявлении утверждало, что приборы, установленные на самолете «У-2», позволяют получить более точные метеорологические сведения.

В результате на годы вперед оказалась подорванной значительная часть того кредита доверия, без которого слово государства в международных делах теряет в своем весе и авторитетности.

Значение фактора доверия к внешней политике государства хорошо понимают многие буржуазные специалисты в области дипломатии. Своеобразное свидетельство на этот счет дает японский дипломат Кикудзиро Исии. В своей книге «Дипломатические комментарии» он пишет, оперируя, разумеется, понятиями, несущими все следы буржуазного образа мышления:

«Так же как частное предприятие, чтобы процветать, должно иметь доверие публики, так же и государство в международных делах, для того чтобы занимать прочную позицию, должно иметь доверие других государств. Однако международное доверие может быть достигнуто только строгим соблюдением справедливости — этого золотого правила международных отношений. Во всех странах имеются страдающие манией величия мечтатели, которые не хотят отказаться от своих устаревших желаний. Если случается, что эти неуравновешенные люди приходят к власти, доверие к государству временно падает. Если в такие времена народ не поднимает своего голоса для того, чтобы власти освободились от своих неуместных грез и вернулись к здравому смыслу, то их страна, изолированная и подвергнутая остракизму, будет презираться международным общественным мнением. Чтобы избежать этого презрения, отсталая политика агрессии и тщеславной дипломатии должна быть прекращена. Так как в основе агрессивной политики лежит влияние милитаристов, оно должно быть вовремя приостановлено. Вместо агрессивной политики надо иметь уважение к правам и законным интересам других государств. Такое уважение дает государству, применяющему его, право ожидать от других государств, уважения его собственных прав и законных интересов. Если найдется государство, которое не уважает права и интересы другого государства, то последнее должно быть готово иметь

решимость принудить к этому уважению, так как без такой готовности и решимости государство, думающее только о правах и интересах других государств, будет, без сомнения, из-за своего глупого добродушия в конце концов предметом насмешки всего остального мира. Истинный и прочный международный мир может существовать только тогда, когда государство открыто заявляет о своих собственных правах, готово защищать их и, с другой стороны, имеет подлинное и честное желание строго уважать права других государств»².

История со шпионским самолетом «У-2» не единственный факт. Не менее показательны и всплывшие в американской печати разоблачения в связи с инцидентом, происшедшим в Тонкинском заливе в августе 1964 года. Как выяснилось в ходе расследования этого инцидента в сенатском комитете по иностранным делам, прежние официальные заявления о нападении, якобы совершенном военными катерами ДРВ на два американских эсминца, оказались сфабрикованными. А ведь именно такая версия тонкинского инцидента послужила предлогом к началу бомбардировок территории ДРВ и дальнейшей эскалации американской агрессии во Вьетнаме.

«Как в США выхолащивают смысл слов» — под таким заголовком газета «Нью-Йорк таймс» 15 апреля 1972 г. поместила статью Поля Диксона о попытках американских должностных лиц представить агрессию США во Вьетнаме чем-то обыкновенным, заурядным. Автор отмечает, что широко применяемая словесная конструкция «регулярные воздушные удары, ограниченные по времени и предпринимаемые в порядке защитной реакции» звучит скорее как название диссертации какого-то физика-теоретика, а вовсе не то, что имеется в виду на самом деле, а именно: воздушная атака. «Ограниченная воздушная преграда» наводит на мысль скорее о слабо финансируемой программе аэрации почвы, нежели об ожесточенных бомбардировках Лаоса. В нынешнем диалекте не существует такого слова, как «вторжение». Вместо этого предпочитают употреблять слово «внедрение», наводящее на мысль о несколько невежливой экскурсии.

Вчерашние «советники», иронизирует далее автор, завтра могут фигурировать под названием «инструкторов», «вспомогательного персонала» или «технических специалистов». Настало время создать гражданскую милицию борцов против словоблудия, которым прекрасно известна разница между войной и «справедливым миром». Едко и пронизательно писал Поль Диксон о «семантических уроках» вьетнамской войны!

² *Исии К.* Дипломатические комментарии. М., 1942, с. 217–218.

При ознакомлении с дипломатическими документами империалистических государств приходится считаться с тем, что в них может содержаться не только грубое отрицание фактов, но и извращение их, осуществляемое более тонко и изворотливо: почти незаметные передержки или, наоборот, умолчания, выпячивание несущественного и попытки затенить главное, наигранное удивление и ссылки на неосведомленность и т. п. Хотя советская дипломатия в больших или меньших масштабах сталкивается с подобными проявлениями макиавеллизма и прямой недобросовестности, однако она идет своей дорогой выяснения фактов до конца и правдивого освещения каждого конкретного инцидента или эпизода международной жизни: в этом один из важных «секретов» ее превосходства над дипломатией буржуазной. Точность, конкретность, достоверность — вот что отличает в советских дипломатических документах часть, излагающую факты.

ЯЗЫК ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Многие области человеческой деятельности имеют свою языковую специфику, тесно связанную с содержанием предмета и предполагающую у читателя определенную степень профессиональной подготовки, которая позволяла бы ему свободно чувствовать себя в сфере специфических понятий. Например, медицинские термины говорят одно и то же для медиков различных стран, но не всегда понятны для людей, говорящих на одном языке. Шахматисты всего мира могут при помощи шахматной нотации повторить на шахматной доске любую партию, не зная иностранного языка. Почти во всех областях человеческих знаний, например в химии, математике, музыке и т. д., выработались, хотя и в разной степени, свои специфические средства языкового общения. Имеется некоторая специфика и у языка дипломатии — языка межгосударственных переговоров и дипломатических документов.

Дипломатический язык есть выражение, употребляемое для обозначения двух различных понятий. Во-первых, это язык, на котором ведутся официальные дипломатические сношения и составляются международные договоры. Во-вторых, это совокупность специальных терминов и фраз, составляющих общепринятый дипломатический словарь.

В настоящее время не существует обязательного единого языка для ведения официальных дипломатических сношений и составления международных договоров (в прошлом доминировал французский язык). Постепенно утверждается принцип равноправия языков. За редкими исключениями государственные органы внешних сношений ведут официальную переписку, особенно обмен дипломатическими документами, на своих национальных языках.

Что касается второго значения понятия «дипломатический язык» как совокупность специальных терминов и фраз, входящих в общепринятый дипломатический лексикон (напри-

мер, «добрые услуги», «третьеоское разбирательство», «модус-вивенди», «статус-кво», «вето» и т. п.), то удельный вес таких терминов в современных дипломатических документах весьма незначителен.

О языке, о стиле дипломатических документов содержится ряд заслуживающих внимания замечаний в книге Х. Вильднера «Техника дипломатии».

«Дипломатический стиль, — пишет Х. Вильднер, — должен отличаться прежде всего простотой и ясностью; под этим подразумевается не простота ремесленнического способа выражения, а классическая форма простоты, которая умеет выбирать для каждого предмета единственное подходящее при данных обстоятельствах слово и которая, к примеру, избегает употребления имени прилагательного, когда для правильной передачи мысли в этом нет абсолютной необходимости. В этом простом, однако достойном стиле должна пульсировать внутренняя жизнь, и, как таковой, он должен выражать индивидуальность хорошего дипломатического стилиста, индивидуальность, которая не считает необходимой погоню за оригинальностью, для того чтобы стать в позу. Вычурный способ выражения, так же как многоречивость, будет иметь своим следствием недостаток простоты. Не всякий хороший стилист, будь он действительно таковым, является в то же время хорошим дипломатическим стилистом. Нет, этого названия заслуживает только дипломат и именно тот дипломат, который и в письменной области умеет проявить себя как полностью дееспособный представитель своей профессии»¹.

На наш взгляд, в приведенных высказываниях есть много верных суждений, хотя не все они достаточно пояснены и конкретизированы. Кроме того, Х. Вильднер при характеристике стиля дипломатических документов тяготеет к понятиям, почерпнутым из методов «классической дипломатии», и не берет в расчет, что определенные категории дипломатических документов адресуются в наше время более широкой аудитории, чем канцелярии заинтересованных государств. Говоря конкретнее, качества дипломатического стиля и «хорошего дипломатического стилиста», которые названы Х. Вильднером, в большей мере применимы к таким составным частям дипломатического документа, как протокольные формулы, часть, излагающая факты, смысловое ядро. Специфику же аргументационной части они почти не отражают.

Тут, видимо, будет уместно сделать такое пояснение, касающееся специфики аргументационной части. Строгость

¹ Wildner H. Die Technik der Diplomatie, S. 145–146.

языковых средств может подчеркивать деловой характер дипломатического документа, а хорошо взвешенная «сухость изложения» — усиливать его эмоциональное воздействие. Кроме того, полезно учитывать, что аргументация в пользу того или иного предложения не исчерпывается аргументационной частью самого дипломатического документа. Она может быть развита, дополнена и широко донесена до общественного мнения в выступлениях государственных и политических деятелей, путем соответствующей разъяснительной работы средствами массовой информации — телевидения, прессы, радио и др.

Язык дипломатических документов — это тот язык, на котором данное государство говорит с внешним миром. Как по языку отдельного человека во многом создается его облик, так и по языку дипломатических документов судят в немалой степени о лице государства. Поэтому к языку, к стилю дипломатических документов предъявляются столь же высокие требования, какие предъявляются к языку публицистики и в некотором отношении литературных произведений. Это должен быть язык, на котором повседневно говорят народы.

Дипломатические документы — это официальные документы, «государственная бумага». Для языка дипломатических документов особенно важно (и в этом прежде всего состоит его специфика) не стилистическое совершенство, не музыкальность фразы, а абсолютное соответствие вкладываемому содержанию, точное выражение позиции, смысла политики государства по данному вопросу.

Содержание дипломатических документов является, как правило, заданным, установленным (соответствующей правительственной инстанцией, определяющей политику) еще до того, как начата работа над составлением самого дипломатического документа. Поэтому практически задача сводится чаще всего к тому, чтобы возможно полнее, ярче, убедительнее выразить это содержание, единственная форма бытия которого в дипломатическом документе — сам язык и его основной элемент — слово. Отсюда ясно, как важна работа над языком, над словом, соответствие каждой фразы с вкладываемым в нее содержанием.

Работа над словом — вещь кропотливая, тонкая, трудоемкая. Найти нужное, свежее слово нелегко. Как писал В. Маяковский в стихотворении «Разговор с фининспектором о поэзии», «в грамм добыча, в год труды. Изводишь, единого слова ради, тысячи тонн словесной руды». Советский поэт И. Сельвинский в книге «Студия стиха» сравнивает борьбу мастера со словом с борьбой укротителя с тигром: малейшая

неловкость — и тигр тебя искалечит. Недостаточное внимание к языку, к работе над словом может нанести существенный ущерб даже самому хорошему по своему содержанию дипломатическому документу.

Еще во времена «старой дипломатии» искусство обращения со словом в дипломатических документах ценилось весьма высоко. А ведь тогда дипломатическая переписка, как и другие формы дипломатической деятельности, имела целью воздействие лишь на узкую группу лиц — монарха, его приближенных.

Искусством составления дипломатических документов славился выдающийся русский дипломат XIX века князь Горчаков, по выражению Г. В. Чичерина, «последний могиканин старого европейского концерта, дипломатический лирик прежней Великой Европы»². Горчаков настолько оттачивал свои ноты, что по своим языковым и стилистическим качествам они приближались к художественным произведениям. Недаром его друзьями были А. С. Пушкин и Ф. И. Тютчев.

В широко известной циркулярной депеше Горчакова русским дипломатическим представителям за границей от 21 августа 1856 г. было выдвинуто положение, которое стало основой для внешней политики России после Крымской войны, и выражено оно было в двух словах: «Россия сосредоточивается». Вот что, в частности, говорилось в этой депеше: «Россия упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится. Россия сосредоточивается»³. Точностью, афористичностью этой формулировки до сих пор восхищаются историки.

История международных отношений знает немало точных формулировок, выражающих в яркой и концентрированной форме те процессы и принципиальные положения, которые отражают целые полосы в мировой политике: «мир без аннексий и контрибуций», «мир неделим», «мирное сосуществование государств с различным социальным строем», «холодная война», «материализация разрядки», «подвести окончательную черту под второй мировой войной» и некоторые другие.

В связи с последней формулировкой небезынтересен следующий эпизод. На одной из встреч нескольких советских и американских дипломатов в Женеве в начале 60-х годов обсуждались некоторые вопросы, относящиеся к германским

² Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики, с. 80.

³ Бушуев С. К. А. М. Горчаков. М., 1961, с. 82—83.

делам. Такого рода встречи и беседы принято называть «обменом мнениями». С советской стороны подчеркивалась настоятельная необходимость подвести окончательную черту под второй мировой войной. Тогда один из американских собеседников взял карандаш и резко черкнул им по белому листу бумаги. «Что это значит, — спросил он, — подвести черту под второй мировой войной? Вот я провел черту, имеет ли это мое действие какое-либо конкретное содержание?»

Человек, задавший этот вопрос, был очень опытным американским дипломатом. Он знал наизусть все советские формулировки и прекрасно понимал, каково их конкретное содержание. Его наигранный жест с проведением черты по белому листу бумаги был полемическим приемом. Тем не менее своим жестом американский дипломат невольно продемонстрировал, что точность и емкость советской формулировки о подведении окончательной черты под второй мировой войной доставляет немало хлопот западной дипломатии. Если вдуматься в эту формулу, то она порождает множество ассоциаций: юридическое оформление и закрепление границ обоих германских государств, преодоление в различных областях отношений между десятками государств наследия минувшей войны и многое другое. В этой формуле сливались воедино различные грани советской политики, отражающие ее главное требование — признание изменений, происшедших в центре Европы в результате второй мировой войны и послевоенного развития, факта существования двух суверенных германских государств — ГДР и ФРГ.

М. Горький говорил, что афоризмы учат сжимать слова, как пальцы в кулак. Разумеется, дипломатический документ не может быть пересыпан афоризмами, как, скажем, сочинения Оскара Уайльда. Но умение действовать в дипломатических поединках не растопыренной пятерней, ударность формулировок — это несомненное достоинство дипломатического документа, когда соответствующее место в нем рассчитано на запоминаемость, неожиданность, смысловую и словесный эффект.

В конце 1957 — начале 1958 года Советское правительство выступило с инициативой относительно созыва совещания на высшем уровне и с рядом предложений по разрядке международной напряженности для обсуждения на этом совещании. Правительства западных держав, пытаясь бросить тень на идею созыва совещания на высшем уровне, выдвинули версию, что на предыдущем совещании глав правительств СССР, США, Англии и Франции в Женеве в 1955 году якобы была достигнута договоренность по германскому вопросу, которая затем не

нашла отражения в последующих переговорах министров иностранных дел. В послании Советского правительства правительству ФРГ от 8 января 1958 г. была показана вся несостоятельность этого утверждения, и в частности было констатировано, что если не приписывать того, чего не было, и не выдавать своих желаний за действительность, то никому не удастся умалить значение Женевского совещания на высшем уровне 1955 года, внесшего серьезную разрядку в международную обстановку.

Напомним, что именно с этим совещанием было связано появление «духа Женевы» как первого провозвестника потепления в «холодной войне». Напомним также, что в промежутке между совещанием глав правительств в Женеве 1955 года и новым предложением Советского Союза о проведении совещания на высшем уровне произошло не только совещание министров иностранных дел четырех держав, но и такое событие, как англо-франко-израильская агрессия против Египта. Поэтому Советское правительство могло с полным основанием заявить, что если уж говорить о нарушении решений Женевского совещания, то как можно закрывать глаза на то, что именно некоторыми западными державами отброшено зафиксированное в директивах глав правительств четырех держав обязательство не прибегать к силе и не оказывать помощь агрессору.

После пояснений, возвращающих читателя к перипетиям дипломатической борьбы 1955—1958 годов, будет, очевидно, ясна и та фраза из послания Советского правительства от 8 января 1958 г., ради которой давались эти пояснения:

«„Дух Женевы“ был погребен не за столом переговоров, а в развалинах Суэца и Порт-Саида»⁴.

В одной этой афористичной по форме и точной по мысли фразе как бы спрессована аргументация, разбивающая фальшивую версию западных держав.

Дипломатический документ приобретает большую рельефность, когда в нем имеются фразы или абзацы, построенные на приеме противопоставления, яркого контраста. Применение этого приема восходит к древнейшим памятникам политической литературы. Так, знаменитое «Речение Ипувера» (Лейденский папирус № 344, относящийся к концу Среднего царства Египта) построено таким образом, что все описываемое в ряде его разделов противоположно тому, чего следовало бы ожидать при обычном порядке вещей: «Тот, кто не строил себе даже лодки, стал владельцем кораблей; прежний же собственник

⁴ *Известия*, 1958, 11 янв.

смотрит на них с берега, но они уже не его... Тот, кто не спал даже рядом со стеной, стал собственником ложа... Тот, кто не имел тени, стал собственником опахала...»⁵.

А какой страстью и энергией насыщено изобличение Ипувером царя, наместника бога на земле! «Смотри, один свершает насилие над другим. Люди идут против твоих повелений. Если идут 3 по дороге, то находят только 2. Больше число убивает меньше. Разве существует пастырь, желающий смерть своего стада? О, если бы ты приказал дать ответ на этот вопрос, потому что любящий это — один человек, ненавидящий же — другой. Гибнут жизни их на всех путях. Ты сделал все, чтоб вызвать это. Ты говорил ложь»⁶.

Выразительности и сочности языка древнеегипетского папируса, умелому построению антитез могут позавидовать многие современные политические документы, в том числе дипломатические.

Широко и часто прибегает к приемам антитезы, контрастирования американская дипломатия, в особенности в дипломатических документах, рассчитанных на массовую аудиторию, причем ее традиции использования языковых средств в этом направлении явно тяготеют к библейским текстам.

В советских дипломатических документах, в том числе в выдержках из них, уже цитировавшихся выше, внимательный читатель легко найдет соответствующие примеры. Иллюстрацией построения текста на приеме антитезы может служить следующая выдержка из Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам:

«Расовая дискриминация во всех ее отвратительных проявлениях, деление народов и наций на привилегированные и на «низшие» — это расизм, это оправдание преступного геноцида, это путь нагромождения новых злодеяний на старые, новых преступлений на прежние, это путь разжигания взаимной ненависти, непрерывных кровавых конфликтов между странами и народами.

Народы имеют разный цвет кожи, но кровь у них одного цвета. И ни один народ не может претендовать на господство над другими народами»⁷.

Еще один аналогичный пример — из Обращения ЦК КПСС Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза по случаю 20-летия со Дня Победы над фашистской Германией:

⁵ *Речение Ипувера* М., 1935, с. 30.

⁶ *Там же*, с. 54.

⁷ *Правда*, 1960, 24 сент.

«Вечный огонь славы горит над могилами солдат, погибших на фронтах борьбы с гитлеризмом. Вечный огонь ненависти к милитаризму и агрессии, ко всем формам угнетения и варварства горит в сердцах честных людей.

От сегодняшних действий правительств и народов зависит, каким будет завтрашний день человечества. Судьба будущих поколений — в руках нынешнего поколения»⁸.

Если рассматривать дипломатические документы с точки зрения их языковой материи, то во многом они приближаются (особенно их аргументационная часть) к политической публицистике, к ее лучшим образцам, хотя эти вещи отнюдь не тождественные. Публицистические работы Маркса, Энгельса, Ленина, а также Герцена, Чернышевского, Плеханова являются хорошей школой овладения мастерством обращения со словом при решении политических задач. Как и в публицистике, в дипломатических документах широко используются средства, почерпнутые из художественной литературы. Поэзия, художественная проза обогащают дипломатические документы, их язык приемами изложения и подачи материала, образами, сравнениями, помогают придать яркость, впечатляющую силу этим документам. Разумеется, речь может идти не о прямом заимствовании, а только об умелой трансформации художественных образов.

Например, в одном из советских дипломатических документов атомные базы на территории ФРГ сравнивались со «своего рода магнитами, притягивающими на себя ответный удар современной военной техники государств, защищающихся от агрессора»⁹. Кому знакомо стихотворение советского поэта С. Гудзенко «Перед атакой», тому представится вероятным, что приведенное сравнение по какой-то далекой ассоциации навеяно следующими строками из этого стихотворения: «Мне кажется, что я магнит, что я притягиваю мины...». Во всяком случае использование образа, близкого по своей осязаемости к поэтическому, помогает благодаря его эмоциональному воздействию шире и острее раскрыть политическое содержание. Не случайно сравнение с магнитами атомных баз в ФРГ обошло западную печать и, следовательно, способствовало тому, чтобы заложенная в нем политическая мысль дала более прочный осадок в сознании тех, кому был адресован советский дипломатический документ.

Д. И. Писарев писал в статье «Генрих Гейне», что Гёте,

⁸ *Правда*, 1965, 10 мая.

⁹ Послание Советского правительства правительству ФРГ от 10 декабря 1957 г. — *Известия*, 1957, 12 дек.

конечно, очень умен, очень объективен, очень пластичен и так далее; все это при нем и останется на вечные времена. Но своему отечеству Гёте сделал чрезвычайно много зла. Он вместе с Шиллером украсил, тоже на вечные времена, свиную голову немецкого филистерства лавровыми листьями бессмертной поэзии. Не станем вдаваться в существо этих оценок Д. И. Писарева — они далеки от темы нашего исследования. Остановим внимание на метафоре в последней фразе. Как бы эхо этого образа можно уловить в следующей выдержке из советского дипломатического документа:

«На разные голоса они (существующие в ФРГ союзы и организации милитаристского и реваншистского толка. — А. К.) проповедуют один мотив — «Германия превыше всего», пытаются из обломков свастики сплести лавровый венок германскому милитаризму»¹⁰.

Зримый образ, предметность, эмоциональная нагрузка на определенные фразы и слова, затрагивание подходящих к данному случаю ассоциативных струн умножают силу воздействия дипломатического документа.

Рассмотрим под этим углом зрения один абзац из ноты, к которой мы уже обращались, а именно ноты Советского правительства от 20 мая 1963 г.:

«Народам Средиземноморья пришлось многое пережить за свою историю. От бесчисленных конфликтов, сотрясавших древний Египет, Грецию, Рим, Карфаген, до обеих мировых войн нынешнего столетия этот район испытал на себе все превратности вооруженного соперничества государств. Но даже во второй мировой войне, быстро перебросившейся на африканский континент, прокатившейся по Ближнему и Среднему Востоку, не было оружия, идущего по своей истребительной силе хотя бы в отдаленное сравнение с тем, которое ныне укрывается в волнах Средиземного моря, или с тем, которое было бы применено для ответного удара по агрессору, если бы это море было использовано как очаг и укрытие для агрессора. Дойди в наше время до худшего, Средиземное море стало бы мертвым морем во всем значении этого слова. Многим центрам цивилизации и культуры угрожала бы участь, сходная с участью Помпеи. Даже люди, свободные от религиозных воззрений, могут понять чувства миллионов христиан и мусульман в связи с тем, что в осуществлении замыслов руководителей НАТО ядерное оружие оказывается почти под стенами Ватикана и Иерусалима, Мекки и Медины»¹¹.

¹⁰ *Известия*, 1967, 10 дек.

¹¹ *Правда*, 1963, 22 мая.

Первой фразе сочувственную интонацию в отношении народов Средиземноморья придают слова «пришлось многое пережить».

Во второй фразе обращает на себя внимание определение «сотрясавших», позволяющее не просто взять за одни скобки завоевательные войны египетских фараонов, пунические войны, походы Александра Македонского, Цезаря и обе мировые войны, но и раскрыть эти скобки, подчеркнув драматический характер всех этих событий. В той же фразе упоминание о том, что «этот район испытал на себе все превратности вооруженного соперничества государств», сообщает опять-таки сочувственный оттенок излагаемой мысли и прокладывает мост к сегодняшнему дню, поскольку мероприятия НАТО, о которых идет речь в ноте, ведут в первую очередь к развязыванию вооруженного соперничества государств в районе Средиземного моря.

В следующей фразе характеристика второй мировой войны, как «быстро перебросившейся на африканский континент, прокатившейся по Ближнему и Среднему Востоку», не только воскрешает в памяти танковые рейды Роммеля, но и подготавливает читателя к более острому восприятию того, что может произойти в результате ввода в Средиземное море американских атомных подводных лодок. Этот эффект достигается путем контраста: во второй мировой войне «не было оружия, идущего по своей истребительной силе хотя бы в отдаленное сравнение с тем, которое ныне укрывается в волнах Средиземного моря». Если прямо назвать это оружие, сказать, что не было именно ядерного оружия, то эффект контраста был бы ослаблен или совсем бы пропал. Выражение «дойди в наше время до худшего» позволяет выразить кратко то, что читателю понятно без дальнейших пояснений и дает простор его воображению. Продолжение той же фразы — «Средиземное море стало бы мертвым морем во всем значении этого слова» — редкий в дипломатических документах случай использования игры слов и понятий для усиления приемом, довольно распространенным в поэзии, эмоционального начала выражения мысли. Этой же цели служит указание на «участь, сходную с участью Помпеи». По ассоциации у читателя невольно возникают картины, которые не удалось бы вызвать в его воображении подробным описанием свойств ядерного оружия.

Наконец, последняя фраза приведенного отрывка из ноты в специальном комментировании не нуждается. Она обращена к чувствам тех людей, для которых Ватикан или Иерусалим, Мекка или Медина — места священные.

Египетские феллахи, греческие виноградари, итальянские рыбаки, французские рабочие воспримут все это по-иному, по-своему. Но суть дела не в этом. Пусть не возникает ассоциаций с походами Цезаря и Александра Македонского, пусть не все читатели ноты знают, какая участь постигла Помпею. Возникнут другие ассоциации, основывающиеся на том, что передается из поколения в поколение, возникнут другие сравнения, почерпнутые из собственного жизненного опыта народов Средиземноморья. Важно, что, воздействуя соответствующим образом на подготовленного читателя, нота будит сознание, задевает чувства у читателя менее подготовленного, задавая его голове работу в направлении, определяемом содержанием этой ноты. Конкретность описаний, наличие «местного колорита» делают дипломатический документ более понятным адресатам, приближают его восприятие к тому рубежу, где оно должно уже сомкнуться с правильным усвоением его содержания.

Умелое применение в дипломатическом документе языковых средств, порождающих образы, помогает читателю сживаться с логикой, строим мыслей данного дипломатического документа, пополняя промежутки между строками тем содержанием, на которое наталкивают его эти образы и которое подсказывает ему собственный опыт и кругозор.

«Советский народ, который в полной мере познал горе и ужасы войны, как никто другой может понять всю глубину катастрофы, постигшей Германию, чувства немецких семей, потерявших своих близких. Приволжские степи, поля Украины, Белоруссии, Польши и других стран, где проходила гитлеровская армия, усеяны березовыми крестами и могилами немецких солдат — и их миллионы»¹².

Одна деталь в приведенной выдержке из ноты Советского правительства правительству ФРГ от 27 ноября 1958 г. — «березовые кресты» говорит больше поколению немцев, переживших войну, чем самые аргументированные ссылки международно-правового характера и безукоризненные логические построения.

Или возьмите определение иностранных военных баз на чужих территориях как «трамплинов агрессии»¹³. До чего емко это определение!

В советских дипломатических документах нередко используются понятия, а иногда и дословные выражения, которые имеют распространение в стране, куда адресуется данный

¹² *Известия*, 1958, 28 нояб.

¹³ См. *Известия*, 1957, 12 дек.

дипломатический документ. Часто бывает так, что выступления определенных политических партий, общественных кругов по международным вопросам смыкаются в чем-то с линией Советского Союза, хотя исходные позиции различны. Эти партии, общественные круги, часть прессы выдвигают свои доводы и аргументы, идущие в общем в том же направлении, что и внешнеполитические усилия Советского Союза в том или ином конкретном вопросе международной жизни. Разве не полезно опереться на эти доводы, аргументы, используя понятия, выражения, уже знакомые для населения данной страны, укоренившиеся в его сознании? Ясно, что в этом случае семена будут падать на уже вспаханное поле, причем вспаханное отечественными силами страны, которой адресуется советский дипломатический документ. Примером может служить броское выражение, характеризовавшее в свое время внешнюю политику ФРГ как «политику упущенных возможностей». Это выражение можно было услышать в дебатах в бундестаге, на политических митингах, найти на страницах западногерманских газет и журналов. Понятно, что оно употреблялось и в советских дипломатических документах, адресованных Западной Германии, но, разумеется, в ракурсе, отражающем советскую оценку внешней политики ФРГ.

Политические термины и понятия, имеющие хождение на Западе, довольно широко используются в советских дипломатических документах и в том случае, если их употребление помогает раскрыть сущность политики западных держав. «Политика с позиции силы», «балансирование на грани войны» — эти определения одиозны сами по себе. Тот факт, что государственные деятели некоторых западных стран расточали эти определения для характеристики политики своего государства, избавлял советские дипломатические документы от необходимости давать определения из вторых уст. В самом деле, что может быть авторитетнее для читателя, чем характеристика, определение политики, данное ее собственными творцами? Кроме того, всякий раз, когда подобные определения берутся под обстрел критических аргументов, предоставляется дополнительная возможность разъяснить путем противопоставления основы миролюбивой советской внешней политики.

Дипломатический документ становится более доступным, «читабельным», если он написан живым языком, если его текст окрашен различными оттенками, присущими разговорной речи. Наибольшую трудность представляет ироническая интонация, сарказм. В таком интонационном ключе написана следующая выдержка из ноты Советского правительства правительству

ФРГ от 17 мая 1963 г.: «По ноте федерального правительства получается примерно так: вступив в Североатлантический военный блок, ФРГ продемонстрировала отсутствие у нее агрессивных замыслов и оказала услугу интересам мира. Чем больше бундесвер накапливает теперь вооружений, тем лучше, так как западногерманские солдаты стоят под знаменами НАТО, а НАТО — организация, стоящая вне подозрений. Поэтому, говорят нам, не оправданы и возражения по поводу планов оснащения бундесвера ракетно-ядерным оружием»¹⁴.

В дипломатических документах, в том числе в заявлениях делегаций на международных совещаниях, на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, нередко возникает задача разъяснения вносимых предложений. Сами эти предложения замурованы в параграфы проектов договоров, соглашений, резолюций, и их восприятие и правильное понимание неспециалистами весьма затруднено. Поэтому умение «размуровать» эти параграфы и в яркой, общедоступной форме донести их содержание до мировой аудитории является одной из важных сторон искусства составления дипломатических документов.

Известно, что советский проект Договора о всеобщем и полном разоружении, выдвинутый в 1962 году, предусматривает ликвидацию на первом этапе средств доставки ядерного оружия, иностранных военных баз на чужих территориях и вывод иностранных войск с этих территорий¹⁵. Содержание этих положений было разъяснено при внесении проекта договора на рассмотрение Комитета 18 государств по разоружению.

«Осуществление мероприятий первого этапа, изложенных в соответствующих статьях советского проекта договора, практически снимет опасность нападения с применением ядерного оружия.

Представьте себе, что мы находимся не в начале работы Комитета 18-ти, а накануне вступления договора о разоружении в силу. Тогда менее чем в течение двух лет с лица земли исчезли бы все средства доставки ядерного оружия, а это значит, что само это оружие было бы фактически омертвлено. Не существовало бы боевых ракет, самолетов, снарядов, были бы разрушены используемые для их запуска стартовые площадки, шахты и платформы. Если и будут взлетать ракеты, то это будут только вестники науки, проникающие в глубины Вселенной. Военные самолеты, способные нести атомные и водородные бомбы, не бороздили бы небо, они были бы уничтожены. Спокойно было бы и на морских просторах:

¹⁴ *Правда*, 1963, 19 мая.

¹⁵ См. заявление министра иностранных дел СССР А. А. Громыко 15 марта 1962 г. — *Правда*, 1962, 16 марта.

надводные военные корабли, которые могут быть носителями ядерного оружия, и подводные лодки были бы отданы на слом. От иностранных военных баз, разбросанных на территориях десятков стран, остались бы только обозначения на картах, составленных генеральными штабами еще до заключения договора о всеобщем и полном разоружении, а самих этих баз уже не было бы. Войска любых стран находились бы только у себя дома, а не на чужих территориях, как это сейчас имеет место в отношении ряда стран».

Советский проект договора предусматривает, что всеобщее и полное разоружение должно осуществляться тремя этапами. «Зачем нужны этапы?» — может спросить не очень просвещенный читатель. В том же заявлении главы советской делегации в Комитете 18-ти содержится объяснение, что задача этапов — обеспечить последовательность и непрерывность осуществления всей программы разоружения, а вместе с тем создать условия для перевода на мирные рельсы экономики государства.

«Каждый участник договора о всеобщем и полном разоружении, приступая к его выполнению, должен знать все то, что он должен будет сделать как в начале, так и в конце процесса разоружения. Этапы — это своего рода ступени всеобщего и полного разоружения, и мы хотим построить прочную лестницу с тем, чтобы можно было твердо ставить ногу на каждую ее ступеньку, зная, что она не провалится под ногами и мир не сорвется вновь в пропасть к гонке вооружений».

И далее:

«Слово «этап», быть может, звучит суховато, но вдумайтесь, какое огромное, поистине преобразующее мир содержание вкладывается в него советским проектом договора о всеобщем и полном разоружении. Это три исторические вехи на пути крутого подъема человечества к всеобщему миру, благосостоянию и прогрессу».

Перед нами пример того, как в дипломатических документах наряду со многими другими решается и задача популяризации выдвигаемых предложений, защищаемых внешнеполитических установок.

Дипломатическим документам вредит злоупотребление чисто повествовательной формой изложения. В них довольно часто приводятся положения и факты, уже ранее известные то ли по сообщениям газет и радио, то ли по ссылкам на них в предыдущих дипломатических документах. Поэтому простое изложение их выглядело бы как повторение прописных истин и вызвало бы только раздражение читателя. Напротив, они снова и снова будут вызывать интерес, если подаются не в форме

повествования, а в логических и диалектических взаимосвязях, под таким углом зрения, который позволяет читателю увидеть новые стороны в том, что, казалось бы, ему уже известно. Вопросительная форма предложений, нарочитые умолчания, все виды интонационной окраски фраз, приближение языка к разговорному только обогащают дипломатический документ, благодаря чему в нем начинается «пульсировать внутренняя жизнь».

До сих пор еще не полностью изжито представление о стиле и языке дипломатических документов как об элегантном, гладком, обтекаемом. Было время, когда действительно дипломатия разговаривала на таком языке. Но изменения, происшедшие в мире после Великой Октябрьской социалистической революции, революционизировали и дипломатический язык.

Сейчас гладкость, зализанность, причесанность — это верные признаки слабого, недоработанного дипломатического документа. Гладкие, круглые фразы катятся как бильiardные шары по столу, не оставляя заметного следа в сознании читающего. Если же добиваться не скольжения по поверхности текста, а примагничивания к нему мысли читателя, активного реагирования, то этой цели лучше служит язык угловатый, фразы, оставляющие зазубрины в памяти.

Видный русский государственный и политический деятель М. М. Сперанский в своем труде «Правила высшего красноречия» справедливо иронизировал по поводу «боязливой правильности» языка неопытных ораторов: «В их единообразном и скучном красноречии везде видна боязливая правильность, не потому, чтоб ум их был слишком осторожен или разборчив, но понеже они не имеют столько вкуса, чтобы делать смелые отклонения и заблуждать с приятностью»¹⁶.

Неправильно думать, что язык дипломатических документов не допускает определенных вольностей (в сочетании со строгостью и юридической точностью, особенно в «части, излагающей факты», и в смысловом ядре). К примеру, раньше преобладало мнение, что в нотах следует избегать употребления эпитетов. В последние годы эпитеты применяются во всех видах советских дипломатических документов, и если они употребляются с должным чувством меры, то документы только выигрывают.

В поэме «Медный всадник» Пушкин называет памятник Петру то «медным всадником», то «гигантом на бронзовом коне». Хотя медь и является одним из компонентов бронзы, все

¹⁶ Об ораторском искусстве. М., 1959, с. 73.

же медь и бронза — вещи различные. Но вольность, допускаемая Пушкиным, придает разнообразие языку, облегчает восприятие. Подобного рода вольности, сознательные неточности допустимы и в дипломатических документах при условии, что читателю ясно, что он имеет дело именно с сознательной неточностью, вольностью языка, условностью.

Однообразие повторяющихся на протяжении всего текста дипломатического документа формулировок и выражений, хотя сами по себе они наиболее точно передают нужное содержание, утомляет читателя, набивает оскомину. Поэтому если в дипломатическом документе дается точная, развернутая формула, то это делается обычно в том месте, где впервые возникает необходимость в ней. В последующем же изложении ее можно варьировать, поскольку ясно, что под сокращенной формулировкой подразумевается первоначальная развернутая формула.

Флобер и Мопассан советовали не ставить в тексте одинаковых слов ближе чем на расстоянии 200 строк друг от друга. В отношении дипломатических документов этот совет в большинстве случаев невыполним, хотя помнить о нем небесполезно. Возможности варьирования слов и выражений имеются, и от их умелого использования во многом зависят стилистические достоинства дипломатических документов. Если в каждом абзаце будет повторяться выражение «испытания ядерного оружия», то такой дипломатический документ буквально навязнет в зубах. Вот примеры варьирования этого выражения, взятые из дипломатических документов Советского правительства: испытательные взрывы ядерного оружия, испытательные взрывы ядерных и водородных бомб, ядерные испытания, экспериментальные ядерные взрывы, эксперименты с ядерным оружием, экспериментальные взрывы атомных и водородных бомб и т. п.

Определенные трудности стилистического порядка при составлении дипломатических документов представляет слово «вопрос». Бывает, что употребление этого слова действительно оправдано. Но нередко оно употребляется и без надобности, по причине недостаточного использования неиссякаемых богатств русского языка.

Слово «вопрос» — это наиболее распространенный сорняк в языке дипломатических документов.

При частом употреблении слова становятся похожими на стершийся пятак. Поэтому хотя и трудно, но всегда желательно стремиться к тому, чтобы находить свежие слова, незатраченные формулировки для примелькавшихся выражений и понятий, передавать их смысл максимально предметно,

«весомо, грубо, зримо». К числу таких понятий относятся, например, «гонка вооружений», «милитаризация» и т. п. Прежде чем записать подобное часто встречающееся выражение, общее понятие в проект дипломатического документа, полезно задуматься, а нельзя ли тот же смысл передать в данном контексте с помощью более выразительных языковых средств; более свежего словосочетания, образного сравнения.

Это тем более желательно, что у советского и зарубежного читателя зачастую нет общего понимания общих понятий.

Чем меньше дипломатический документ оперирует понятиями общего характера, собирательными словами, тем меньше опасность того, что он будет воспринят как поучение, лекция и что у зарубежного читателя заработает рефлекс отталкивания.

Одну из болезней, подстерегающих дипломатический документ при его рождении, можно назвать «инфляцией слов». От чересчур частого употребления слова как бы обесцениваются, создается впечатление, что содержание, которое они должны выражать, не обеспечивается готовностью государства подкрепить это содержание своими действиями. Поэтому решительный протест заявляется только по такому поводу, который дает к этому достаточные основания. Поэтому же эпитеты и характеристики употребляются с чувством меры.

«Не надо страшных слов» — таково было одно из главных замечаний В. И. Ленина по проекту речи Г. В. Чичерина на Генуэзской конференции¹⁷. Да, «страшные слова» — опасный, опаснейший, нетерпимый, враждебный, гибельный, произвол, провокация, агрессия и т. п. — первыми лезут под перо. Но их употребление — вещь весьма деликатная. Они только тогда на месте, когда их заменить действительно нечем.

Если анализировать дипломатические документы с точки зрения грамматики, то нетрудно обнаружить в них необыкновенно большое количество безличных предложений, причем не только в памятных записках, но и в нотах, заявлениях. Это имеет под собой известные основания, обусловленные спецификой дипломатических документов.

Подлежащее — камень преткновения при построении многих фраз дипломатического документа.

Одно дело, когда подлежащее обозначает отправителя дипломатического документа: «Советское правительство считает...», «Я придерживаюсь мнения...». В этом случае все просто и ясно: отправитель говорит сам за себя. Значительно сложнее обстоит дело, когда подлежащее не отправитель.

¹⁷ См. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики, с. 284.

Прежде всего поле для варьирования здесь весьма ограничено: такое-то правительство; те, кто стоит у руля внешней политики; те, кто несет ответственность за политику; определенные круги; кое-кто на Западе и т. п. Как правило, подлежащее тянет за собой соответствующее прилагательное, то есть политическую характеристику, что в дипломатических документах отнюдь не всегда желательно. Кроме того, ссылки на определенные круги (агрессивные, авантюристически настроенные, правящие, руководящие и т. п.) выглядят слишком расплывчатыми. Читатель может спросить, кого конкретно причисляют к этим кругам, не его ли? Подлежащее, выражаемое словами, уже несущими в себе политическую характеристику, например «милитаристы», «реваншисты», предполагает читателя, готового к восприятию подобного определения, или же требует дополнительных обоснований в тексте данного документа.

Кроме того, употребление подлежащего часто влечет за собой (в силу грамматических связей между членами предложения) необходимость говорить не только о действиях другого (других) государства, другого правительства, что вполне закономерно, когда такие действия совершены или находятся в стадии осуществления, но и об их намерениях. А это вызывает настороженное отношение у зарубежного читателя: откуда известно авторам дипломатического документа о тех или иных намерениях других, почему дается именно такое толкование этих намерений, почему отправитель дипломатического документа говорит за его получателя?

Дипломатические документы значительно выигрывают при внимательной работе над глаголами. Употребление в дипломатических документах таких безликих глаголов, как, например, «является», бывает неизбежным. Однако это не исключает поисков глаголов сочных, эмоционально окрашенных. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, — писал В. И. Ленин, — Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹⁸. Слова о том, что Россия «выстрадала» марксизм, западают в память благодаря точности смыслового содержания, концентрируемого на многогранно-образном глаголе «выстрадала».

«Борьба за мир не терпит промедления. Нужно помнить:

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

войны подкрадываются к народам незаметно»¹⁹ — своей впечатляющей силой последняя фраза в немалой степени обязана глаголу «подкрадываются».

Большой осторожности и такта требует и употребление в дипломатических документах выражений и фраз, относящихся к грамматической категории долженствования (такое-то правительство должно, такой-то народ должен и т. п.). Прежде всего когда речь идет об отношениях равных, об отношениях суверенных государств (а эта предпосылка составляет саму природу дипломатических документов), то говорить за другое государство, что оно должно и что не должно делать, значило бы ставить читателя — гражданина этого государства перед вопросом: а почему, собственно, «должно»? Если хочет, то «должно», а если не хочет, не считает это отвечающим своим интересам, то и не «должно». Поэтому категория долженствования приобретает в советских дипломатических документах более гибкую, смягченную форму. Чаще всего это достигается посредством подключения условно-уступительного предложения, начинающегося со слова «если», и отнесения долженствования не только к тому, кому адресован документ, но и к себе. Примером может служить следующая фраза из послания Советского правительства от 31 декабря 1963 г.: «Если должным образом оценивать то, что принято называть реальностями ядерного века, то придется признать, что общий долг государственных деятелей, несущих высокую ответственность за судьбы мира, за будущее народов, состоит в том, чтобы пойти на осуществление еще более радикальных шагов, способных устранить опасность новой войны»²⁰.

Вторая опасность употребления фраз в категории долженствования заключается в том, что это может вызывать впечатление ультимативности. А ультимативность — если, конечно, документ не появился при чрезвычайных обстоятельствах и не является действительно ультиматумом — вещь бесполезная, скорее вредная. «Мы не смеем, не должны, — говорил В. И. Ленин в заключительном слове по Докладу о мире на II Всероссийском съезде Советов, — давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню. Это капля, но мы не смеем, мы не должны отказываться от этой капли, которая долбит камень буржуазного захвата. Ультиматив-

¹⁹ Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, правительства Советского Союза к правительствам, парламентам и народам всех стран по случаю 20-летия со дня победы над фашистской Германией. — *Правда*, 1965, 10 мая.

²⁰ *Правда*, 1964, 4 янв.

ность облегчит нашим противникам их положение»²¹. Это мудрое указание В. И. Ленина относится не только к обстоятельствам, при которых оно было высказано, но и имеет непреходящее принципиальное значение.

Имея в виду обязывающий для государства характер дипломатических документов, нельзя не учитывать должным образом, что в большинстве случаев предпочтительнее гибкие, эластичные формулировки. Немцы говорят, что конъюнктив — это та форма речи, которая как бы специально приспособлена для языка дипломатов. Доля истины в этом есть. В русском языке сослагательное наклонение — фразы, в которых «если» и «бы» отводится немалое место, — хорошо служит дипломатическим документам. Напротив, категоричные «дубовые» формулировки могут обязывать слишком ко многому, даже к тому, что вовсе не имелось в виду в момент составления дипломатического документа. Поэтому такие слова и фразы, как «никогда», «ни при каких обстоятельствах», если и употребляются в дипломатических документах, то крайне редко. Как только встретится такое слово, нелишне подумать, а нельзя ли обойтись без него.

Издавна ведется спор, как лучше писать, говорить — короткими или длинными фразами. Как известно, персонажи из «Золотого тельенка» И. Ильфа и Е. Петрова — «пикейные жилеты» изъяснялись на редкость кратко и просто. «Бриан — это голова», — говорит один «пикейный жилет», «И Гинденбург — это голова», — вторит другой. Если бы «пикейным жилетам» выпало сочинять письмо турецкому султану, то на их вкус, наверное, достаточно было бы свести замысловатые, плещущие через край словесные построения запорожцев к одной фразе, простой и короткой: «Султан — это не голова».

В свое время бытовало мнение (оно доминировало и в области подготовки дипломатических документов), что писать хорошо — это значит писать просто, а писать просто — это значит писать короткими фразами и не иначе.

Само по себе требование писать просто не вызывает, разумеется, никаких сомнений, хотя даже такой сторонник «классической формы простоты», как Х. Вильднер, делает оговорку о том, что может быть и простота ремесленнического способа выражения. Никто, вероятно, не станет оспаривать, что надо писать так (в частности, дипломатические документы), чтобы написанное было понятно, доступно возможно более широкому кругу читателей. Однако короткие фразы и простота — далеко не всегда одно и то же.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 20.

Весь опыт литературы, публицистики, опыт деятельности советской дипломатии при жизни В. И. Ленина и опыт его выступлений, обращений к массам противоречит такому упрощенному пониманию «простоты».

Глубокая, сложная мысль во всех ее диалектических взаимосвязях и противоречиях, во всем многообразии ее переливов и скачков редко может быть выражена одной короткой фразой или сложением нескольких коротких фраз, так как при расчленении (в интересах «простоты») на кратчайшие синтаксические единицы эти взаимосвязи рвутся, противоречия упрощаются, переливы обрываются на очередной точке в конце предложения, диалектическая скачкообразность подменяется суммой статических состояний. Недаром в шутку говорят, что телеграфный столб — это гладко отредактированная сосна. Конечно, имеют все права гражданства в русском языке, а следовательно, в дипломатических документах и короткие «чеканные» фразы, если их чеканка не сходна с той, какой оракулы удивляли героев древнегреческой трагедии. Короткая фраза, как итог, как вывод анализа, рассуждения вполне закономерна и очень полезна, но она не может заменить собой сам процесс анализа, рассуждения.

В трудах В. И. Ленина часто употребляются сложные обороты речи, несколько глаголов или несколько прилагательных друг за другом — и все это для того, чтобы оттенить многообразие содержания.

...Острейший для молодой Советской Республики период. Март 1918 года. В Москве заседает IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, созданный для решения вопроса о ратификации Брестского мирного договора. В. И. Ленин выступает с докладом, и он знает, что на съезде предстоит жесткая борьба с противниками ратификации.

Забегая вперед, отметим, что об остроте этой борьбы свидетельствуют итоги голосования на съезде: за — 784 делегата, против — 261, воздержалось — 115. Задача В. И. Ленина — убедить делегатов в необходимости принять Брестский мир, убедить в этом рабочих, крестьян, пославших на съезд своих делегатов, объяснить международному рабочему классу, всем сочувствующим русской революции, почему Советская власть должна поступить так, а не иначе.

И хотя доклад предназначался прежде всего делегатам съезда, то есть для восприятия на слух, В. И. Ленин не проявил какого-либо опасения, что длинные фразы усложнят понимание высказываемых положений и доводов. Посмотрим текст его доклада и убедимся, что первые два абзаца этого доклада состоят из трех фраз, насчитывающих в общей сложности

246 слов. Есть в этом же докладе и в других выступлениях и трудах В. И. Ленина фразы, состоящие более чем из ста слов.

Нет, не в коротких фразах видел В. И. Ленин залог простоты и доходчивости, а в том, чтобы содержание, мысль, как бы они ни были сложны, представляли во всем своем объеме, во всех своих сложностях перед читателем, перед слушателем и чтобы таким образом этот читатель, слушатель участвовал в процессе мышления, формирования выводов, как бы чувствуя и воспроизводя бытие ленинской мысли. Только после того, как проделана эта сложная, требующая большого умственного напряжения работа, читатель, слушатель воспримет вывод как понятный ему, убедительный и в конечном счете простой.

В. И. Ленин обращался к рабочей, крестьянской, солдатской массе, уровень грамотности, культуры которой был несравненно ниже, чем уровень читателей советских дипломатических документов наших дней. Но он не избегал сложностей, потому что бесконечно верил в здравый смысл, в способность мыслить самостоятельно широчайших народных масс и тем более в их способность правильно воспринимать не только короткие, но и длинные фразы, когда они выражают глубокое и сложное содержание.

Многие классики русской литературы пользовались сложнейшими синтаксическими построениями, но от этой своей «непростоты» не становились непонятными. У Л. Толстого нередко встречаются периоды в 50, 100 и более слов. Отрывки из произведений И. С. Тургенева, даваемые в качестве диктанта, до сих пор наводят ужас на школьников.

Сами по себе ни краткость, ни длина фраз не могут быть ни недостатком, ни достоинством дипломатического документа. В любой фразе, как и в дипломатическом документе в целом, не должно быть лишних, «неработающих» слов и предложений, смысловых пустот, то есть содержание должно уместиться в максимально спрессованную форму. Определяющим, следовательно, является только одно — насколько точно и полно выражено желаемое содержание.

Запорожцы и «пикейные жилеты» — это, конечно, две крайности. Но, как и в большинстве случаев, истина не находится где-то посредине. Она там, где использовано все богатство русского языка — грамматическое, синтаксическое, интонационное, где вера в читателя, уважение к нему берут верх над представлениями, что читающие обязательно «проще» пишущих.

Полноценный дипломатический документ строится так (в том числе в языковом и стилистическом отношениях), чтобы в нем чувствовалось доверие к читателю, к его способности

сделать правильные выводы. Воспитывать понимание того, что не существует «простых решений для сложных вопросов», будить стремление осмысливать происходящее на международной арене вплоть до переосмысливания своего отношения к нему под воздействием аргументов, фактов, содержащихся в советских дипломатических документах, — эту нелегкую задачу можно решать только при самой взыскательной работе над языком нот, посланий, деклараций, проявляя максимум такта к зарубежному читателю. Правильно, точно передавая задуманное содержание, сама форма дипломатического документа должна вместе с тем давать простор для самостоятельного мышления читателя, для возникновения ассоциаций, почерпнутых из собственного политического и жизненного опыта, для наталкивания его на вопросы и выводы, приближающие его к конкретным оценкам международной обстановки и предложений, которые присущи внешней политике государства, выступающего с данным дипломатическим документом.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—

писал Ф. И. Тютчев в одном из лирических стихотворений. Для поэтического слова это, очевидно, верно. Но со словом дипломатическим дело обстоит как раз наоборот. Именно в «предугадывании» отзыва на это слово со стороны тех, кому оно адресовано, в прогнозировании вероятных реакций на него состоит одна из неотъемлемых предпосылок появления на свет зрелых и действенных дипломатических документов.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

Время от времени в США появляются публикации, которые позволяют получить представление о том, какова там «кухня» работы над словом, идущим от имени этой страны во внешний мир, какой покров секретности окружает рождение этого слова. С этой точки зрения представляют определенный интерес некоторые подробности того, как подготавливалась известная речь Дж. Кеннеди в Американском университете. Речь эта нашла широкий международный отклик и благодаря характерному для нее политическому реализму и духу международного сотрудничества была положительно воспринята в Советском Союзе. Об истории подготовки этой речи рассказал в интервью, опубликованном 1 июля 1964 г. в американском журнале «Харперс мэгэзин», бывший специальный помощник президента США профессор Гарвардского университета Артур Шлезингер.

По словам А. Шлезингера, работа над проектом речи, произнесенной 10 июня 1963 г., началась еще весной, когда президент Дж. Кеннеди начал понимать, что существует возможность некоторого сдвига в отношениях США с Советским Союзом. Он стал изыскивать возможность подготовки «речи мира». Это был такой проект, замечает А. Шлезингер, который содержался в строжайшем секрете в Белом доме. Тезисы речи принадлежали самому президенту. В работе над ней кроме А. Шлезингера участвовали помощники президента США М. Банди, а также Т. Соренсон, которого американская печать называла «пером президента». Последний непосредственно работал над проектом текста. По ходу работы президент беседовал со своими помощниками, разъяснял свою точку зрения и идеи, которые он хотел бы отразить в ней. Только за два дня до ее произнесения проект речи был показан в государственном департаменте и министерстве обороны США. Над окончательным вариантом текста Дж. Кеннеди работал на пути с Гавайских островов в Вашингтон.

Помощник президента США М. Банди рассказывает о поправке, внесенной Дж. Кеннеди в его речь при вступлении в должность президента США. Как отмечает М. Банди в статье, помещенной в американском ежеквартальном журнале «Форин афферс» (апрель — июнь 1964 г.), Дж. Кеннеди старался избежать в этой речи избитой фразеологии «холодной войны». Поэтому, вместо того чтобы говорить о коммунистическом мире как о «враге», он использовал уклончивое выражение, необычная неуклюжесть которого, замечает М. Банди, не оставляет сомнений, что оно было им тщательно выбрано: «те страны, которые сделались бы нашим противником».

Разумеется, обе эти речи американского президента, несмотря на их несомненную международную значимость, не могут быть причислены к разряду дипломатических документов, поскольку формально они предназначались для внутриамериканской аудитории. Важно, однако, другое. Как свидетельствуют факты, приведенные высокопоставленными сотрудниками Белого дома, руководящие деятели США в то же время достаточно хорошо понимали, как много значит для авторитета страны, для ее позиций на международной арене слово (письменное или устное), которое воспринимается в окружающем мире как слово, произносимое от имени этой страны.

Не может ли дипломатия империалистических государств, поскольку она во все более широких масштабах прибегает к приемам «новой дипломатии» и, как по всему видно, исходит из необходимости вести состязание с советской дипломатией по части дипломатических документов, почерпнуть кое-что полезное для себя из советской дипломатической практики? Мы ответили бы на этот вопрос так.

Патента на умелое составление дипломатических документов не существует, и перенять его поэтому нельзя. Если бы у дипломатии империалистических государств было желание позаимствовать кое-что у советской дипломатии в области подготовки дипломатических документов, то как будто ничто не мешает ей это сделать: советские дипломатические документы публикуются. Но все дело в том, что методы дипломатии определяются классовой природой государств, чьим инструментом во внешних делах она является. Для того чтобы «перенять» методы советской дипломатии, буржуазная дипломатия должна была бы изменить свою классовую природу. Но такой задачи буржуазная дипломатия перед собой вроде не ставит.

Случается, что империалистические государства, их разведки запускают руку в чужие сейфы, фотографируют то, что не положено фотографировать. Но невозможно «украсть»

марксистско-ленинское мировоззрение, присвоить себе диалектический метод, не став марксистом.

В предыдущем разделе книги отмечалось известное сходство, с точки зрения использования языковых средств, между произведениями публицистики, художественной литературы, с одной стороны, и дипломатическими документами — с другой. Но между ними есть и существенные различия. Кроме основного различия, заключающегося в том, что дипломатический документ является «государственной бумагой», существует и другое важное различие, обусловленное методом их подготовки. В отличие от публицистических статей, романов, пьес, стихов дипломатические документы, за редким исключением, являются продуктом коллективного труда, коллективного ума. В определении содержания и окончательной формы важных дипломатических документов решающая роль всегда принадлежит политическим и государственным деятелям, ответственным за осуществление внешней политики.

Процесс подготовки дипломатических документов многоступенчатый, и с самого начала это процесс коллективный. Поэтому то, что в литературе и в журналистике принято называть индивидуальностью стиля, в дипломатических документах находит свое выражение в другом — в известном единообразии стиля, отражающем положение и вес данного государства на международной арене, направленность его внешней политики.

Подготовка проекта дипломатического документа всегда обусловлена определенным сроком. Чаще всего это сроки жесткие. Международная жизнь богата всяческими сюрпризами. События проносятся по планете, как курьерский поезд через полустанок, и запоздать с дипломатической акцией, с обнаружением дипломатического документа — значит отстать от события, лишиться возможности регулировать ход этого курьерского поезда. Умение уложиться в жесткие временные рамки дается только высокой квалификацией, способностью постоянно чувствовать пульс международной жизни, глубоким пониманием задач внешней политики на каждом этапе.

Фактор времени вообще приобретает все большее значение в проведении внешней политики, в дипломатии. Исход дипломатических баталий во многом зависит от способности государств и их органов внешних сношений быстро, а иногда и немедленно реагировать на происходящее в мире. Далеко не безразлично, чья реакция на тот или иной акт или событие будет первой. Произошел, скажем, серьезный инцидент (нарушение воздушного пространства, обстрел корабля, провокация против посольства и т. п.). Если пострадавшая сторона промедлит со

своей реакцией на этот инцидент, то другая сторона, хотя она является правонарушителем, успеет пустить в обращение свою версию, сбивающую с толку общественное мнение и облегчающую ей уклонение от ответственности. Еще более далеко идущие последствия недооценка фактора времени может иметь в острых, кризисных ситуациях. Здесь счет идет на часы и даже на минуты, а отсутствие своевременного предупреждения или ответа на обращение другой стороны, запоздание с выдвижением предложения может придать событиям необратимый характер.

Время — безотказный союзник дипломатии, которая умеет его ценить. Время — капризный попутчик дипломатии, которая забывает смотреть на циферблат.

Составление дипломатических документов, таким образом, не вольное творчество, а процесс, регламентируемый заданным содержанием и сроками. Качество дипломатического документа прямо пропорционально количеству вложенного в него квалифицированного труда, в том числе и труда, вложенного заблаговременно, еще до получения соответствующего задания. Оплошности, ошибки при подготовке или оформлении дипломатических документов могут нанести серьезный урон государству.

Жизнь нередко создает ситуации, превосходящие по своей кажущейся невероятности фантазию самого смелого драматурга. Не обделена подобными ситуациями и история дипломатии.

В ночь на 1 августа 1914 г. германский посол в Петербурге Пурталес посетил министра иностранных дел царского правительства С. Д. Сазонова и от имени своего правительства заявил, что, если через двенадцать часов Россия не приступит к демобилизации, германское правительство отдаст приказ о мобилизации. На вопрос С. Д. Сазонова, равносильно ли это войне, германский посол ответил, что нет, но что Россия и Германия к ней очень близки. Таково было содержание германского ультиматума, подготавливавшего объявление войны России.

1 августа в пятом часу дня граф Пурталес позвонил по телефону в российское министерство иностранных дел, заявив, что ему необходимо безотлагательно видеть министра. Сазонов, бывший в это время на заседании совета министров, приехал в министерство иностранных дел и в начале седьмого принял в своем рабочем кабинете германского посла. Вот как описывается эта встреча в поденной записи российского министерства иностранных дел:

«Войдя в кабинет министра, германский посол спросил, согласно ли императорское правительство дать на вчерашнюю его ноту благоприятный ответ. Министр ответил отрицательно, прибавив, что, хотя объявленная общая мобилизация не может быть отменена, Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения. Граф Пурталес, уже приехавший весьма озабоченным, стал выказывать признаки возрастающего волнения. Вынув из кармана сложенную бумагу, он еще раз поставил министру тот же вопрос, подчеркнув тяжелые последствия, к которым должен повести отказ России согласиться на требование Германии об отмене мобилизации. С. Д. Сазонов твердо и спокойно подтвердил еще раз только что данный им ответ. Все больше волнуясь, посол поставил в третий раз тот же вопрос, и министр еще раз сказал ему, что у него нет другого ответа: "Je n' ai pas d' autre réponse á vous donner"¹. Посол, глубоко расстроенный, задыхаясь, с трудом выговорил: "En ce cas, Monsieur le ministre, je suis chargé par mon gouvernement de vous remettre cette note"².

Обратимся теперь к ноте, переданной германским послом. Вот ее текст:

«Императорское правительство старалось с начала кризиса привести его к мирному разрешению. Идя навстречу желанию, выраженному его величеством императором всероссийским, его величество император германский в согласии с Англией прилагал старания к осуществлению роли посредника между венским и петербургским кабинетами, когда Россия, не дождавшись их результата, приступила к мобилизации всей совокупности своих сухопутных и морских сил. Вследствие этой угрожающей меры, не вызванной никакими военными приготовлениями Германии, германская империя оказалась перед серьезной и непосредственной опасностью. Если бы императорское правительство не приняло мер к предотвращению этой опасности, оно поставило бы под угрозу безопасность и само существование Германии. Германское правительство поэтому сочло себя вынужденным обратиться к правительству его величества императора всероссийского, настаивая на прекращении упомянутых военных мер. Ввиду того что Россия отказалась удовлетворить (не нашла нужным ответить на) это желание и выказала этим отказом (принятым положением), что ее выступление направлено против Германии, я имею честь, по

¹ «Я не могу дать вам другого ответа».

² «В таком случае, г-н министр, мне поручено моим правительством вручить вам эту ноту».

приказанию моего правительства, сообщить вашему превосходительству нижеследующее:

Его величество император, мой августейший повелитель, от имени империи принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией³.

При чтении германской ноты не может не броситься в глаза такая странность: нота фактически имеет двойственный текст — в скобках помещены слова, рассчитанные не на отказ русского правительства принять германский ультиматум, а на отсутствие ответа на него в момент вручения ноты. Особенно растяжима вторая формулировка, помещенная в скобках («принятым положением»): под нее можно подвести что угодно и истолковать как направленное против Германии. Хотя аргументационная часть германской ноты строится одновременно на двух различных предпосылках, ее смысловое ядро остается неизменным, какова бы ни была реакция русского правительства на германский ультиматум, — объявление войны.

Обращает на себя внимание и такая деталь. В ноте говорится, что германский император, «принимая вызов», считает себя в состоянии войны с Россией. Эти слова «принимая вызов» несут вполне определенную смысловую нагрузку: переложить на правительство России ответственность за объявление войны.

Как могло случиться, что столь серьезный и ответственный дипломатический документ имел двойственный текст, не оставляющий никаких сомнений в подлинных намерениях германского правительства? Ответ на этот вопрос станет ясен, если снова вернуться к поденной записи российского министерства иностранных дел, прерванной нами на словах Пурталеса: «В таком случае, г. министр, мне поручено моим правительством вручить вам эту ноту».

И дрожащими руками он передал С. Д. Сазонову ноту с объявлением войны, которая, как оказалось впоследствии, содержала в себе два варианта, по оплошности германского посольства в Петербурге соединенных в одном тексте. Эта подробность, впрочем, была замечена лишь впоследствии, так как в самую минуту передачи ноты суть германского заявления была столь ясна, что не в словах было дело⁴.

К наиболее ответственной и сложной форме дипломатиче-

³ *Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917 гг., т. V, серия III. М., 1934, с. 322—323.*

⁴ *Там же, с. 326—327.*

ской деятельности — переговорам дипломаты приобщаются не так-то часто, а самостоятельное ведение переговоров поручается только тем из них, кто накопил уже большой практический опыт и овладел искусством «высшего пилотажа» в дипломатии.

Участие в той или иной степени в работе по подготовке дипломатических документов входит в круг обязанностей почти каждого сотрудника министерства иностранных дел, какой бы пост он ни занимал. Поэтому умение составлять проекты различных видов дипломатических документов (нот, меморандумов, памятных записок, заявлений и др.) так же необходимо людям, работающим на дипломатическом поприще, как азбука всякому грамотному человеку. Собственно, это та область приложения сил, где дипломат может с самого начала выявить свои знания и способности.

Предполагается, что грамотно излагать свои или высказанные другими мысли умеет каждый образованный человек. Однако не так уж много людей, работающих за рабочими столами дипломатических ведомств, обладает умением составлять дипломатические документы на уровне, не требующем дальнейшей доработки, правки, обогащения аргументацией. Даже люди, которых принято называть «писучими» и которые с успехом «накатают» служебную записку или статью для газеты в очень короткий срок, нередко пасуют и проявляют беспомощность, когда им приходится принимать участие в составлении дипломатических документов. Руководители, которые по признаку бойкости пера возлагают надежды на работника как на обладающего способностью к составлению дипломатических документов, нередко ошибаются в своих надеждах.

Если говорить о технологии подготовки дипломатических документов, то тут рецепты и методы существуют разные. Одни диктуют первооснову, «болванку», потом ее правят и обтачивают. Другие пишут от руки, потом правят. Одни обкладываются досье, подборками материалов по данному вопросу. Другие предпочитают писать как бы «наизусть», положив перед собой чистый лист бумаги. Подобным образом поступает художник, который, прежде чем приступить к картине, пишет много этюдов с натуры (дипломатический работник делает «заготовку» отдельных положений, которые могут быть использованы в соответствующем дипломатическом документе), но когда начинает работу над картиной, поворачивает этюды к стене и остается с чистым холстом.

Указанный метод имеет то преимущество, что заставляет каждый раз даже к уже известным вещам подходить творчески,

стимулируя поиски новых аргументов, формулировок, свежих выражений. Пользоваться им могут лишь люди высококвалифицированные, четко представляющие историю вопроса, хорошо понимающие моменты стратегического и тактического значения в занимаемой позиции и различающие их, вооруженные знанием фактических данных, конкретностей, относящихся к теме подготавливаемого дипломатического документа. Но и при использовании этого метода фактические данные и другие материалы (например, предыдущие документы по тому же вопросу) должны быть обязательно под рукой, чтобы всегда имелась возможность проверить или уточнить то или иное положение, включаемое в готовящийся проект дипломатического документа. Рассказывают, например, что Ллойд-Джордж писал свои речи от руки, стоя у пюпитра, а вокруг были разложены подборки материалов, досье, в которые он часто заглядывал.

Содержащиеся в этой книге мысли и советы, касающиеся дипломатических документов, разумеется, не претендуют на то, чтобы быть возведенными в какие-то твердые правила. Главная ее мысль состоит в другом: канонов написания дипломатических документов не существует и существовать не может. Если бы была предпринята попытка выработать какие-то универсальные приемы и штампы, то они превратились бы в худосочные догмы и только мешали бы решать те, каждый раз новые, непохожие задачи, которые возникают при составлении того или иного дипломатического документа. Но все-таки есть на что опереться в овладении искусством составления дипломатических документов: есть образцы, которые стоит внимательно изучить, есть практика, есть многолетний опыт, который полезно знать и учитывать в работе. Иными словами, важна прежде всего методология, то есть творческое овладение диалектическим методом в применении к совершенно определенной области деятельности государства — обращению к внешнему миру посредством дипломатических документов. Речь идет, следовательно, не о технологии подготовки дипломатических документов, не о раскрытии каких-то «секретов» ремесла, а совсем о другом — об овладении методологическими основами.

...Но вот подготовка проекта дипломатического документа как будто завершена. Все «имеет честь» и «свидетельствует уважение» расставлены по полагающимся местам, стропы парашюта прочно замыкаются на смысловом ядре, белые мулы удерживаются в почтительном отдалении, запорожцы торжествуют над «пикейными жилетами», а Мона Лиза благоклонно улыбается. Не стоит ли окинуть проект документа

последним критическим взглядом? Стоит. Зачем? Вместо ответа позвольте пересказать случай, описанный в повести К. Паустовского «Золотая роза».

Это было в годы гражданской войны в Одессе. В редакцию газеты «Моряк» пришел известный писатель и принес рассказ, который показался работникам редакции бесцветным, сумбурным. Тогда старый корректор попросил дать ему рукопись на ночь. На следующий день те же работники редакции читали этот рассказ и не узнавали его: рассказ, что называется, засверкал. «Как вам удалось так удачно выправить его?» — спросили старого корректора. «Я не изменил ни одного слова, я просто расставил абзацы и знаки препинания», — ответил корректор. Правильная расстановка абзацев, а иногда и нумерация положений дипломатического документа для лучшей организации материала, для придания большей стройности изложению имеют значение и при отшлифовке дипломатического документа.

В известной статье «Как делать стихи» В. Маяковский пишет: «В поэтической работе есть только несколько общих правил для начала поэтической работы. И то эти правила — чистая условность. Как в шахматах. Первые ходы почти однообразны. Но уже со следующего хода вы начинаете придумывать новую атаку. Самый гениальный ход не может быть повторен при данной ситуации в следующей партии. Сбивает противника только неожиданность хода». И дальше: «Обучение поэтической работе — это не изучение изготовления определенного ограниченного типа поэтических вещей, а изучение способов всякой поэтической работы, изучение производственных навыков, помогающих создавать новые».

Слова Маяковского помогают по некоторой аналогии ответить и на вопрос, которому посвящены многие страницы этой книги, — как делаются дипломатические документы.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПЕРЕГОВОРОВ, ВИЗИТОВ

В предшествующих разделах книги рассматривались дипломатические документы, являющиеся продуктом внешнеполитической деятельности одного государства и только его. Ноты, послания, меморандумы, заявления, о которых говорилось выше, — это односторонние дипломатические документы¹. Они — облеченные в дипломатические формулы концентраты воли данного государства, которая не знает иных ограничителей, кроме здравого понимания собственных интересов, реальных возможностей их защиты и продвижения на международной арене, учета имеющихся обязательств.

Иначе обстоит дело с заключительными документами межправительственных переговоров, визитов: коммюнике, совместными заявлениями, декларациями (подписанными или неподписанными). Такого рода документы могут обрести жизнь лишь в результате согласования каждого абзаца, каждой фразы, каждого слова между участвующими сторонами. Это уже не ария, а дуэт, а иногда и хор. Тут без сбалансирования индивидуальностей достижение гармонии невозможно. Есть только один камертон, который позволяет найти гармонию во взглядах и позициях сторон и дать ей звучание в заключительном документе переговоров, визита, — взаимоприемлемость каждой формулировки.

Коммюнике — это официальное сообщение о ходе международных переговоров, о состоявшемся международном соглашении. Коммюнике может быть кратким, содержащим сообщение о каком-либо факте в общих чертах. Иногда оно, наоборот, бывает распространенным, включает подробное изложение хода переговоров, декларацию принятых их учас-

¹ Отдельные ссылки на многосторонние дипломатические документы приведены лишь ввиду их иллюстративной яркости.

тниками решений, условия достигнутых соглашений и пр. До второй мировой войны превалировали краткие коммюнике.

Как отмечает Х. Вильднер, обычно коммюнике представляет собой краткое, очень банально звучащее сообщение, которому тем не менее придается весьма важное значение. Чрезвычайно нелегко в нескольких словах выразить то, что необходимо выразить, не вызывая недоразумений и не порождая неясностей. Х. Вильднер приводит следующий приблизительный образец сообщений о дипломатических встречах и переговорах:

«В конце состоявшегося здесь с... по... обмена мнениями между... были подробно обсуждены (изложены) (изучены) различные вопросы, интересующие в данный момент оба соседние (дружественные) (союзные) государства. Этот обмен мнениями вновь подтвердил особую сердечность отношений между обоими государствами, и оба государственных деятеля пришли к согласию углублять существующее между обоими правительствами исполненное доверия сотрудничество в политической и экономической областях и содействовать поддержанию мира»².

Таково было представление о коммюнике (и вообще о заключительном документе переговоров, визита), бытовавшее долгое время в дипломатической практике. В настоящее время это представление значительно изменилось. Заключительные документы переговоров, визитов стали охватывать круг важных международных проблем, они становятся все более содержательными.

В годы второй мировой войны и в послевоенный период коммюнике, а также совместные заявления и декларации получили в международной практике все большее распространение и начали играть в межгосударственных отношениях куда более существенную роль, чем в прошлом.

Процесс крушения «тайной дипломатии» идет вширь и вглубь. В современном мире уже немудрено, к примеру, такой казус, какой имел место в знаменитой встрече Александра I с Наполеоном в Тильзите в 1807 году. По сей день во многом остается загадкой, о чем говорили на неманском плоту два императора: беседы эти велись с глазу на глаз, записей не делалось или они не сохранились, коммюнике не публиковалось. За недостатком источников вокруг этой встречи родилось немало домыслов и предположений. Ныне же стало нормой международной жизни, что официальные переговоры заканчиваются принятием заключительного документа, осведомляю-

² Wildner H. Die Technik der Diplomatie, S. 260.

шего мировое общественное мнение об их результатах. (В редких случаях, когда не принимается совместного заключительного документа, каждая из сторон информирует соответствующим образом общественное мнение о переговорах.)

«Рим не знал еще такого позора!» — фраза эта была произнесена с экспрессией, не оставляющей сомнений в искренности говорившего. «Рим не знал еще такого позора!» — повторил, привстав из-за своего рабочего стола невысокий человек с умным и подвижным лицом. К слову этого человека привыкли прислушиваться в дипломатических ведомствах многих стран, в ООН, в итальянском парламенте. Чего только не было в исчисляющейся тысячелетиями истории «вечного города», а вот, оказывается, такого «позора» Рим еще не знал. Что же послужило поводом для столь сакраментального высказывания? Его автор, уже успевший выйти из-за стола, поясняет: «Визит заканчивается, а коммюнике нет». Эпизод этот имел счастливую концовку: через несколько часов трудности в согласовании формулировок коммюнике были преодолены, а на следующий день оно увидело свет. Показательно, однако, что отсутствие коммюнике и даже задержка с его согласованием и опубликованием может восприниматься как нечто весьма экстраординарное.

Кроме диктуемой духом времени гласности внешнеполитических акций, все более широкое использование коммюнике, совместных заявлений и деклараций при подведении итогов состоявшихся переговоров обуславливается и некоторыми другими обстоятельствами, коренящимися в своеобразии нынешних международных отношений.

Естественно, что дипломатический инструментарий, обслуживающий межгосударственные отношения, постоянно обновляется в соответствии с изменениями, происходящими в международной обстановке.

В современных условиях логика борьбы и потребности в определенном сотрудничестве государств с различным общественным строем производят в своем сочетании формы гибкие, не всегда завершенные (если подходить с традиционной меркой оформления политических взаимоотношений путем заключения соответствующих договоров, пактов и др.). Прежде чем отношения между двумя государствами или группой государств удастся поставить на более фундаментальную правовую и политическую основу, совершается процесс накопления положительных элементов в двусторонних и многосторонних взаимоотношениях, и это находит свое отражение в соответствующих дипломатических документах. Отсюда довольно частое употребление в современной дипломатической практике

коммюнике, совместных заявлений и деклараций как форм, позволяющих в достаточной степени зафиксировать то общее, что привело данные государства за стол переговоров, и в то же время не в такой мере сближающих их, чтобы затушевывать то, в чем они противостоят друг другу. Разумеется, характер, содержание и тон заключительного документа определяются прежде всего тем, какими государствами принимается этот документ: государствами с одинаковым или различным социальным строем, союзными или входящими в противоположные военные группировки и т. п.

В одном из писем Ф. Энгельса (Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г.) описывается впечатление, произведенное на него утконосом. Это своеобразное животное водится в Австралии, Новой Гвинее и Тасмании; самка утконоса кладет яйца, но кормит детенышей молоком. Энгельс признается, что раньше он высмеивал глупость утверждения, будто млекопитающее может класть яйца. Он иронически замечает, что впоследствии ему «пришлось извиняться перед утконосом». Вот такие формы дипломатических документов, которые несут в себе разные признаки, трудно подпадающие под традиционную классификацию, приобретают все большее значение в современном дипломатическом обиходе.

Такое важное международное соглашение, как Потсдамское соглашение, по форме является одновременно и соглашением, и коммюнике: текст этого соглашения вмонтирован в текст сообщения о Берлинской конференции трех держав.

В семидесятые годы появились такие межгосударственные документы, как Принципы сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Францией от 30 октября 1971 г., Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки от 29 мая 1972 г., ряд протоколов о политических консультациях между Советским Союзом и западными странами. И, конечно, меру возможного и реального при нынешнем уровне международной разрядки представляет собой такой уникальный документ, как Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в Хельсинки высшими руководителями 33 европейских государств, США и Канады.

Многочисленные декларации, совместные заявления и коммюнике, принимаемые в результате состоявшихся переговоров и государственных визитов, говорят о том, что подобные формы дипломатических документов рождаются диалектикой современных международных отношений, их сложностью и многообразием.

Дипломатические «утконосы» могут без чувства ложной скромности посматривать на своих «классически правильных» собратьев, демонстрируемых на выставках архивных документов.

Во избежание неясностей необходимо отметить, что в данном разделе книги рассматриваются только такие коммюнике, которые являются заключительными для данных переговоров, данного визита, а не промежуточные сообщения для печати, публикуемые после каждой встречи еще до завершения переговоров. Между тем в практике широко применяется публикация таких промежуточных сообщений для печати. Иллюстрацией могут служить переговоры в Москве в июле 1963 года между министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, специальным представителем правительства США А. Гарриманом и специальным представителем правительства Великобритании лордом Хейлшемом о заключении договора о прекращении ядерных испытаний. После каждой встречи публиковалось краткое коммюнике, которое отражало определенные этапы обмена мнениями между участниками³. Так, после второй встречи, 17 июля, в коммюнике говорилось, что ее участники «достигли прогресса в подготовке некоторых положений соглашения о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве под водой», а о встрече 20 июля отмечалось, что министры и их советники «обсуждали проект соглашения о запрещении ядерных испытаний». Различие формулировок показывало, что если при первых встречах имел место общий обмен мнениями и обсуждались отдельные положения будущего возможного соглашения, то через несколько дней речь пошла уже о конкретном проекте соглашения. После встречи 24 июля в коммюнике появилось сообщение о прогрессе «в подготовке договора», что свидетельствовало о завершающем этапе работы над этим документом. (На следующий день текст договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах был парафирован, т. е. на его тексте были поставлены инициалы участников.)

Данный пример показывает, какой характер носят промежуточные коммюнике и сообщения для печати. В дальнейшем речь будет идти не о промежуточных коммюнике и сообщениях для печати, а о заключительных (итоговых) документах переговоров.

Первая задача, которую призвано решать коммюнике (совместные заявления и декларации), заключается в том, чтобы верно отразить итог состоявшихся переговоров, об-

³ См. Зорин В. А. Основы дипломатической службы. М., 1977, с. 337.

мена мнениями. В подавляющем большинстве случаев участвующие стороны заинтересованы в положительных результатах — иначе зачем было вступать в переговоры? Собственно говоря, визиты и встречи государственных деятелей предполагают наличие достаточной степени уверенности в благоприятном течении и исходе обмена мнениями. Таковую уверенность дает предварительная работа, проводимая по обычным дипломатическим каналам (через соответствующие посольства). Обоюдная заинтересованность в результативности обмена мнениями, переговоров — важнейший стимул к разработке и согласованию содержательного заключительного документа и его последующего обнародования. Выйти из переговоров с пустыми руками — перспектива малопривлекательная для любого правительства или государственного деятеля, если уж они решились провести переговоры, осуществить официальный визит или принять у себя в стране представителей другого государства.

Хотя коммюнике, совместное заявление и декларация (двусторонняя или многосторонняя)—документы, сходные по своему назначению, однако между ними есть известные различия. Коммюнике — документ более обычный, трафаретный. Его непосредственная цель — сообщить печати, общественности о результатах переговоров, их атмосфере. Совместное заявление — документ, более обязывающий стороны. Выбор формы совместного заявления уже предполагает, что в ходе переговоров выявилось нечто существенное — то ли в области общих международных проблем, то ли в области двусторонних отношений, — и в силу этого стороны решили выступить с совместным заявлением. Наконец, декларация — документ еще более весомый, обязывающий. В декларациях провозглашаются совпадающие взгляды, совместные намерения. Во всех трех видах документов — коммюнике, совместном заявлении, декларации фиксируются, разумеется, решения, принятые в ходе переговоров (например, сообщается о подписании во время переговоров консульской конвенции, о передаче и принятии приглашения нанести официальный визит и т. п.). Язык коммюнике деловой, суховатый. Для совместного заявления и особенно декларации свойственна известная приподнятость стиля, торжественность.

По своему тематическому содержанию заключительный документ (если он не посвящен какому-либо одному вопросу или событию) распадается на две группы вопросов: международные и двусторонние отношения. Рассмотрим сначала некоторые особенности той части заключительного документа, которая посвящается международным проблемам общего

характера, выходящим за рамки отношений между двумя данными государствами.

Каждая сторона старается отразить в коммюнике, совместном заявлении, декларации свое отношение к жгучим вопросам — мировым и региональным, к международным событиям, привлекающим всеобщее внимание. Если такие вопросы или события в заключительном документе обойдены, то «фигура умолчания» заставляет предполагать, что у сторон нет общей точки зрения.

Часто в коммюнике (совместном заявлении, декларации) дается общая оценка международной обстановки (улучшение, разрядка или обострение, рост напряженности). При этом такая оценка может быть дифференцированной: улучшение обстановки в отдельном географическом районе при ухудшении международного положения в целом или наоборот, указания на противоречивые тенденции в международном развитии.

Стороны стремятся взаимно заручиться поддержкой своих позиций, взглядов, предложений по тем или иным международным вопросам (например, обсуждаемых в ООН) и зафиксировать это в заключительном документе о ходе переговоров, визита. Поэтому содержанием такого документа может быть выдвижение предложений, изложение общих позиций, направлений политики, намерений, принципов внешнеполитической деятельности. Последнее — включение в двусторонний (или многосторонний) заключительный документ некоторых общепризнанных принципов международного общения может нести вполне определенную смысловую нагрузку в сопоставлении с событиями, происходящими в мире. Так, например, даже общая ссылка на территориальную неприкосновенность государств получает конкретный адрес, когда израильские войска захватили и оккупируют территории арабских стран.

Главное достоинство коммюнике (совместного заявления, декларации) — точное, реалистичное, адекватное содержанию переговоров отражение достигнутых итогов и позиций сторон. Стремление в погоне за внешне эффектным заключительным документом преувеличить достигнутые результаты, подлакировать картину переговоров не может принести пользы: преувеличения, несоответствие слов делам очень скоро выплывут наружу и ударят по престижу государств, их допустивших. Это не означает, разумеется, что в заключительном документе должны фиксироваться, а тем более выпячиваться расхождения, имевшиеся в процессе переговоров, но затем преодоленные. Нет, заключительный документ отражает не перипетии переговоров, а их конечные результаты, и именно при перекладывании на бумагу этих конечных результатов необхо-

дима всесторонняя взвешенность каждой формулировки, каждого слова, каждого знака препинания.

Наиболее распространенный метод выработки формулировок заключительного документа — достижение такой степени обобщения позиций и взглядов, при которой то, в чем стороны сходятся или близки, перевешивает их расхождения и различия. Такая умело найденная степень обобщения делает формулировки взаимоприемлемыми, сохраняя за каждой из сторон наиболее близкое ей понимание существа вопроса.

Всегда имеется бесчисленное количество словосочетаний, позволяющих при наличии заинтересованности и доброй воли сторон найти подходящие формулировки, выделяющие то, в чем у сторон выявилась общность взглядов и позиций. В таком варьировании понятий, в правильной расстановке акцентов и проявляется одно из важных качеств искусства дипломатии

Во некоторые типичные выражения, фразеологические обороты, которые довольно часто применяются при фиксации результатов переговоров, обмена мнениями:

Стороны едины в том...;

Стороны решили начать в ближайшее время переговоры (о том-то);

Была признана целесообразность и своевременность того...;

Стороны признали необходимым...;

Было достигнуто согласие о целесообразности...;

Стороны признали полезным осуществление (таких-то шагов, мер);

Стороны придерживаются мнения...;

В ходе обмена мнениями выявились близость или совпадение взглядов (по таким-то вопросам, по широкому кругу вопросов);

Стороны условились совместно рассмотреть и разработать (такие-то меры, планы сотрудничества и т. п.);

Стороны выразили готовность...;

Стороны согласились относительно важности того, чтобы...;

Было выражено обоюдное стремление...;

Стороны выразили свою уверенность...;

Стороны подчеркнули большое значение...;

Рассмотрение (таких-то вопросов) позволило констатировать...

Приведенный перечень примерного начала фраз дает представление о том, как в заключительном документе градуируется степень достигнутого согласия, выявленной общности, совпадения или сходства взглядов и интересов.

Однако невозможно расположить эти часто употребительные выражения по некоей шкале (например, нисходящей от широкой общности взглядов и позиций до все более сужающейся). Все зависит от последующего текста, и взвесить действительное значение фразы позволяет лишь хорошее знание международных дел, точный политический глазомер и развитое чувство слова.

При невозможности достичь такой степени обобщения, при которой позиции и взгляды сторон вмещались бы в совместные, взаимоприемлемые формулировки, нередко применяются ссылки на то, что стороны изложили свои взгляды (мнения, позиции) по данному вопросу или свои соответствующие взгляды (мнения, позиции). Центр тяжести здесь на слове «свои» — каждая сторона изложила именно свою позицию, а совместную, согласованную точку зрения выработать в ходе переговоров не удалось.

Есть еще одно обстоятельство, которое учитывается при формулировании положений заключительного документа, затрагивающих крупные международные проблемы. Решение таких проблем зависит не только от сторон, принимающих данное коммюнике (совместное заявление, декларацию), но и от многих других государств. Поэтому постоянно проявляется забота о том, чтобы соблюсти меру возможностей государств, принимающих данный заключительный документ: если, к примеру, речь идет о разоружении, то должным образом оттеняется, что стороны не берут на себя разрешение этой проблемы, а намерены предпринять усилия, содействующие ее решению, внести соответствующий вклад и т. п.

Когда стороны не занимают новую позицию, не имеют намерения сделать шаг вперед, но в то же время заинтересованы в том, чтобы отметить неизменность своих взглядов и политики в данном вопросе, то они заявляют о подтверждении этих взглядов и политики или о приверженности им.

Как отмечалось выше, вторая группа вопросов, затрагиваемых в коммюнике (совместном заявлении, декларации), — это вопросы двусторонних отношений государств. Возможный перечень таких вопросов практически неисчерпаем, так как жизнь выдвигает самые разнообразные проекты взаимовыгодных связей и сотрудничества между странами и народами: от совместной борьбы с болезнями, с загрязнением вод до создания единой системы цветного телевидения и строительства промышленных комплексов и плотин. Обыкновенно с большей или меньшей степенью конкретности заключительный документ касается основных областей двусторонних взаимоотношений государств: политической, экономической, включая

торговлю и научно-техническое сотрудничество, культуру. Между дружественными государствами может идти речь также о сотрудничестве в укреплении обороноспособности.

В коммюнике, совместном заявлении и декларации в большинстве случаев есть своя протокольная часть. Когда помимо переговоров имело место ознакомление со страной, то, как правило, указывается, какие города или важные промышленные, научные и культурные центры и объекты были посещены, какой прием был оказан населением. При перечислении лиц, участвующих в переговорах, важно, чтобы точно было указано занимаемое ими положение (должности, звания, титулы), написание фамилий и инициалов соответствовало транскрипции данного языка, последовательность расположения фамилий определялась местом каждого на ступеньках протокольной лестницы. Поэтому составление протокольной части коммюнике (совместных заявлений и деклараций) — дело хотя и несложное, но деликатное. Во избежание неловкостей и неточностей каждая из сторон составляет протокольную часть, ее касающуюся (прежде всего перечень лиц), и в таком виде эта часть включается в заключительный документ. Это тем более оправдано, что протокольная практика на этот счет не одинакова в различных странах. Так, у французов принято перечислять среди участников переговоров по линии министерства иностранных дел только министра и французского посла в соответствующей стране. В других странах, напротив, круг перечисляемых лиц значительно шире (заместители министра иностранных дел, генеральный секретарь, директора департаментов МИД).

В протокольной части тщательно выверяются и соблюдаются градации, обусловленные одинаковостью или разностью уровней участников переговоров и встреч. Если, например, основные участники переговоров с каждой стороны — министры, то о беседе министра с лицом вышестоящим (главой государства, правительства) не говорится, что между ними состоялись переговоры, а отмечается, что министр был принят главой государства (правительства).

Для характеристики переговоров, обмена мнениями, бесед употребляются такие обозначения, как «обстоятельный», «углубленный», «широкий», «деловой», «конструктивный», «полезный», «плодотворный». Эти обозначения могут сочетаться друг с другом, например: «состоялся углубленный и полезный обмен мнениями». Ход переговоров характеризуется также указанием на дружественную или сердечную атмосферу, на атмосферу согласия, взаимопонимания, на откровенность обмена мнениями. Последнее указание — на откровенность

(если нет рядом ссылок на плодотворность) нередко воспринимается на Западе как свидетельство расхождений.

Обычная схема коммюнике (совместного заявления, декларации) выглядит следующим образом: вначале отмечается факт переговоров или визита, их продолжительность; затем следует указание на состоявшиеся встречи и перечисление участников переговоров; далее дается общая характеристика атмосферы бесед и переговоров, очерчивается круг вопросов, рассматривавшихся в них; часть, излагающая результаты переговоров по международным проблемам, обычно предшествует части, затрагивающей вопросы двусторонних отношений, в каждой из этих частей вопросы располагаются по степени важности и актуальности, причем изложение начинается с более широких и общих вопросов; если передается приглашение осуществить визит, то договоренность об этом записывается в заключительной части; в самом конце документа (последний абзац или два) отмечается значение, общий итог состоявшихся переговоров для развития отношений между двумя странами, для дела международной безопасности. Такова примерная схема развернутого заключительного документа, основывающаяся на анализе коммюнике, совместных заявлений и деклараций, принимавшихся в последние годы. Содержание переговоров, разумеется, вносит в эту схему свои поправки.

Коммюнике, совместные заявления и декларации, принятые двумя странами (в особенности если между ними отсутствуют договорные отношения политического характера), являются документами, основополагающими для их взаимоотношений. Они определяют направления их дальнейшего развития, намечают области соприкосновения интересов и возможного сотрудничества. На основе зафиксированных в них договоренностей и решений проводится соответствующая практическая работа по дипломатическим каналам (осуществляются контакты и политические консультации, подготавливаются соглашения, заключение которых признано желательным, изучаются возможности для организации взаимовыгодного сотрудничества в новых областях). Содержащиеся в них положения дают ориентиры и импульсы для работы ведомств и организаций, занимающихся вопросами внешней торговли, научно-технических и культурных связей, туризма, спорта, организацией выставок и т. п. Стороны ссылаются на соответствующие положения коммюнике (совместных заявлений, деклараций) при обсуждении возникающих конкретных вопросов.

Сравнение каждого последующего совместного заключительного документа с предыдущими позволяет составить

ясную картину, в какую сторону развиваются отношения между данными странами — в сторону их расширения и укрепления или же, наоборот, спада. Подписные формы коммюнике, совместных заявлений и деклараций имеют большее политическое и международно-правовое значение, чем неподписные.

Политическая значимость совместного заключительного документа определяется прежде всего его конкретным содержанием: достигнутой договоренностью, установлением взаимопонимания и сближением позиций, намеченными перспективами дальнейшего развития взаимоотношений. Вместе с тем весьма существенным показателем для характера отношений между странами, для тенденций их развития в будущем является весь тон коммюнике (совместного заявления, декларации), подбор слов, придающий заключительному документу определенную эмоциональную и психологическую окраску (подчеркнуто дружественную, обнадеживающую на будущее, или, напротив, сдержанную). В этом смысле можно сказать, что тональность совместного заключительного документа сама по себе является одним из главнейших элементов его политического содержания.

В «Воспоминаниях» канцлера ФРГ К. Аденауэра⁴ описывается, какое значение придавал Аденауэр употреблению в коммюнике о переговорах в Петербурге в ноябре 1949 года с верховными комиссарами США, Англии и Франции выражений и слов, которые могли бы придать освещению этих переговоров желательные для правительства ФРГ психологические нюансы.

22 ноября 1949 г., пишет Аденауэр, совещание тянулось одиннадцать с лишним часов. Тексты соглашения и коммюнике рождались в долгих и упорных дебатах. Не все пожелания западногерманской стороны были учтены, не все ее предложения приняты. Но в тексте коммюнике, подчеркивает Аденауэр, было отмечено, что «в ходе переговоров обе стороны были исполнены решимости развивать свои отношения на основе растущего взаимного доверия». Слова «сотрудничество» и «взаимное доверие» неоднократно повторялись в тексте. В самом деле, продолжает Аденауэр, лишь установив с западными союзниками отношения сотрудничества и взаимного доверия, немцы, побежденные и поверженные, могли рассчитывать на то, что снова удастся встать на ноги.

«Воспоминания» К. Аденауэра так и пестрят указаниями на значение психологического фактора в осуществлении внешнеполитических задач западногерманской политики, которой «тени минувшего преграждали путь к цели». «В какой-то мере, — пи-

⁴ См. *Adenauer K. Erinnerungen*. Stuttgart, 1965.

шет Аденауэр, — можно было преодолеть инстинктивное недоверие к Германии, переубеждая, апеллируя к голосу разума. Но страх, как и любовь и ненависть, сильнее разума, и поэтому я считал заведомо безнадежной попытку противопоставить непреодолимому желанию наших соседей надежно обеспечить свою безопасность одни лишь логические аргументы. Этот вопрос требовал особого терпения и осторожности». В других местах «Воспоминаний» К. Аденауэр заявляет, что «проблема франко-германских отношений — это прежде всего психологическая проблема» и что одна из задач его политики «сводилась к тому, чтобы помочь американцам в их попытках внушить французам доверие к Германии» (т. е. к ФРГ).

Приведенные выдержки из «Воспоминаний» К. Аденауэра, ход его рассуждений интересны в двух отношениях. Во-первых, они позволяют взглянуть как бы изнутри на то, какие мотивы побуждали одного из творцов Петербургского коммюнике добиваться включения в него двух выражений — «взаимное доверие» и «сотрудничество» и придавать им столь большое значение. Разумеется, Аденауэр в дальнейшем опирался на эти формулировки для обеспечения поддержки своей политики в бундестаге и внутри страны и для дальнейшего выторговывания у западных стран новых уступок на пути ремилитаризации ФРГ⁵. Во-вторых, иллюстрация, взятая из «Воспоминаний» К. Аденауэра, дает еще одно свидетельство того, как много стоит за словом, когда оно употреблено в дипломатическом документе, и что вес этого слова измеряется не только видимыми величинами, но и величинами, до времени не видимыми, — пока свершившиеся события или последующие комментарии (в частности, мемуарные) не прольют дополнительный свет.

Формулирование и согласование коммюнике (совместного заявления, декларации) строго ограничено во времени. Совместный заключительный документ должен быть принят к моменту завершения переговоров, визита. Работа над заключительным документом первоначально ведется на рабочих уровнях (разумеется, в строгом соответствии с инструкциями, данными министрами иностранных дел, главами делегаций, правительствами). Так как основная задача заключи-

⁵ Аденауэр отмечает, что после первого визита канцлера ФРГ в США в апреле 1953 года «в заключительном коммюнике — в начале его и в конце — было открыто употреблено слово «дружба», значившее очень много». Действительно, употребление этого слова отражало взятый Вашингтоном и Бонном курс на блокирование политики обоих государств в военно-политической области, на ускоренную ремилитаризацию Западной Германии.

тельного документа — отразить результаты и атмосферу переговоров и бесед, то, естественно, работу над этим документом могут вести лишь лица, принимающие участие в этих переговорах и беседах или по крайней мере хорошо осведомленные о них. Практически времени для работы над заключительным документом всегда довольно мало, поскольку эта работа должна вестись в промежутках между основными переговорами и с учетом ряда мероприятий, в частности протокольных, предусмотренных программой переговоров, визита. В силу этих обстоятельств немалая часть обсуждения и выработки заключительного документа происходит буквально на ходу; в самолетах, поездах, при встречах на приемах, при посещении театра.

...Исполнены государственные гимны, в зале погас свет, прозвучала увертюра. Одетта, королева лебедей, и принц исполняют проникновенное адажио Чайковского.

«...Не можете ли Вы подумать над таким вариантом формулировки?» — спрашивает один дипломат своего соседа, дипломата другой стороны.

Второй акт «Лебединого озера» кончается. В антракте в разговоре о достоинствах исполнителей дипломат, к которому был обращен вопрос, возвращается к разговору, начатому во время адажио:

«Хорошо, попробую доложить предложенную Вами формулировку, хотя у меня нет уверенности, что она будет приемлема. Мне кажется, она имела бы больше шансов быть принятой, если бы Вы в свою очередь подумали над такой редакцией абзаца, в отношении которого мы вчера встретились с трудностями» (предлагается новая редакция этого абзаца, не имеющего прямого отношения к формулировке, обсуждаемой в данный момент).

Спектакль продолжается. У злого гения оторвано крыло, верность и любовь торжествуют. При выходе из зрительного зала разговор двух дипломатов продолжается.

«В предварительном порядке я готов обдумать новую редакцию абзаца, если в первую фразу будет включено слово «некоторые», а в его последней фразе слово «страны» будет заменено словом «государства». Это, разумеется, пока только мое личное мнение, и оно предполагает Вашу готовность доложить вместе с такой редакцией этого абзаца формулировку, предложенную мною».

К утру оба дипломата соответствующим образом вооружены: они доложили возможные формулировки по инстанции и теперь могут высказать суждение более определенное.

Приведенный диалог двух дипломатов — не протокольная

запись действительного разговора, а только примерная канва того, как могут происходить поиски взаимоприемлемых формулировок, взаимный зондаж. Кроме «работы на ходу» проводятся официальные встречи выделенных сторонами представителей для согласования и отработки проекта заключительного документа.

Что необходимо для успешной работы по согласованию заключительного документа?

Решающим образом на содержание, форму и тон этого документа влияют ход и результаты переговоров, которые должны быть отражены в заключительном документе. Они — его первооснова.

Лица, которым поручается разработать и согласовать проект заключительного документа для его последующего рассмотрения министрами иностранных дел, главами делегаций, должны быть прежде всего хорошо ориентированы во всех обсуждаемых вопросах и досконально знать позиции и взгляды своего правительства по каждому из них. Только такая ориентация и знание могут дать достаточную свободу при поисках и варьировании формулировок и обеспечить соблюдение первейшего условия — их приемлемости для правительства собственной страны. Но этого мало. Необходимы также эрудиция и общая политическая грамотность, чтобы ни одна фраза, ни одно слово заключительного документа не прозвучали фальшиво с точки зрения идеологических принципов и мировоззренческих основ внешней и внутренней политики данной страны. Для советского дипломата эти качества означают органическую партийность, основательное овладение марксистско-ленинской теорией, глубокое понимание решений партии и правительства. Наконец, профессиональное мастерство и навыки ведения переговоров также совершенно необходимы для успешной работы над заключительным документом.

Как уже подчеркивалось в начале этой главы, коммюнике (совместное заявление, декларация) могут появиться на свет только при наличии согласия каждой из сторон со всем текстом заключительного документа. Поэтому продуктивная работа над текстом заключительного документа невозможна без ясного представления о том, что может быть приемлемо для другой стороны, а что она определенно принять не может, в чем состоят ее возможные резервы, то есть на что она может пойти с определенными колебаниями при получении взамен интересующих ее формулировок.

Иными словами, уже в самом начале предварительной работы над заключительным документом стороны должны

отчетливо сознавать пределы желаемого для каждой из них, как и пределы того, в какой мере одна сторона может удовлетворить пожелания другой.

Как и во всяких дипломатических переговорах, их результативности и хорошим темпам содействует доверие между партнерами. Из чего возникает это доверие?

В первую очередь из уверенности в том, что партнер компетентен, что высказываемые им мнения и предложения соответствуют позиции представляемой им стороны. (Если бы такой уверенности не было, то всегда оставалась бы опасность работы вхолостую, так как предварительно согласованные формулировки и тексты могли бы быть не одобрены на более высоком уровне.) Поэтому ссылки на «личное мнение», на предварительный характер предложения, к которым часто прибегают дипломаты при зондирующих переговорах, — это не результат осторожничанья, а проявление ответственного подхода к переговорам. Партнер должен знать, что данное предложение или мнение не окончательное, что оно может быть изменено или взято обратно. С другой стороны, даже высказываемое в предварительном порядке и со всяческими оговорками и резервами оно не должно быть плодом импровизации, а действительно максимально близко выражать то, что может быть приемлемо для стороны, от имени которой это высказывается. Иначе такие высказывания были бы некомпетентны и разрушали бы доверие между сторонами.

Худший вид дипломатии — это попытки протащить какую-либо формулировку в надежде, что другая сторона в ней не разберется, не раскроет ее подлинного смысла. Не говоря уже о том, что в девяноста девяти процентах эта попытка с негодными средствами, даже в случае ее успеха пользы не было бы. Сторона, ставшая жертвой своего недосмотра, все равно будет действовать не в соответствии с этой формулировкой, а в соответствии с позицией, которую она занимает.

Только успех, достигнутый в честных переговорах, — успех прочный. Именно это правило лежит в основе практической деятельности советской дипломатии.

Опыт говорит о том, что выработка проекта заключительного документа продвигается более быстро и гладко, когда стороны сочетают определенность и ясность при изложении своих позиций с гибкостью и тактом при поисках взаимоприемлемых формулировок. Не подавать надежд на то, что не может быть принято, проводить четкие водоразделы там, где компромисс, сплав позиций невозможен, и вместе с тем с уважением, по-деловому относиться к доводам и предложениям

другой стороны, не оставлять без отклика ее усилий к преодолению возникающих трудностей — только такой метод обещает успех.

При такой специфической работе, как согласование совместного текста заключительного документа, легко может появиться искушение приводить десятки аргументов в защиту каждой предлагаемой фразы. Такие аргументы всегда найдутся — от общеполитических и правовых до лингвистических. Подобному искушению должно быть противопоставлено чувство меры и такта. Перед лицами, участвующими в переговорах, поставлена конкретная цель: разработать проект заключительного документа. Эти переговоры не соревнование в искусстве полемики, а совместный труд, требующий сотрудничества и даже, можно сказать, сотворчества. Если предлагаемая фраза для другой стороны неприемлема, она не будет принята, какие бы аргументы ни приводились в ее обоснование.

Уважение к партнерам по переговорам означает, между прочим, и умение ценить их время, как свое.

Чаще всего при выработке проекта текста заключительного документа аргументы носят поясняющий, уточняющий характер. Их практическое назначение — выяснить, использованы ли все резервы для поисков взаимоприемлемой формулировки или такие поиски можно еще продолжать с надеждой на успех. По-деловому и убедительно для партнеров звучат такие мотивировки, как несоответствие данной фразы смыслу высказываний глав делегаций в ходе переговоров и достигнутой договоренности. Ссылка на то, что данная формулировка является шагом назад по сравнению с формулировками по этому же вопросу, имеющимися в принятых ранее совместных документах данных стран, побуждает заняться этой формулировкой еще и еще раз.

Пока идет выработка проекта текста, появляется масса его вариантов, которые устаревают буквально по часам в процессе устранения несогласованностей, неточностей, улучшения уже принятых формулировок. Необходимо обеспечить аутентичность текстов — считать их не с каким-либо рабочим вариантом, который уже отпал, а именно с последним, проверить расстановку абзацев и знаков препинания, точность перевода. Работа эта весьма ответственна, в особенности сличение перевода. Лица, ею занимающиеся, должны не только в совершенстве владеть языком другой страны, но и хорошо разбираться в политическом содержании документа, ибо в каждом языке много синонимов, которые придают еле уловимые оттенки, изменяющие согласованный смысл. Поэтому если имеются какие-либо сомнения насчет адекватности

перевода, то стороны обращают на них внимание друг друга и ищут общее решение.

Но вот проект текста коммюнике (совместного заявления, декларации) в рабочем порядке согласован, выверен, считан. Согласован он, разумеется, с оговоркой, что не предвосхищает мнения министра иностранных дел, главы делегации. В зависимости от того, насколько квалифицированно была проведена предварительная работа, насколько точно были выполнены инструкции, даваемые каждой стороной своему представителю, министры иностранных дел, главы делегаций вносят в текст свои изменения и дополнения. Иногда требуются специальные встречи министров иностранных дел для доработки заключительного документа. На последнем официальном заседании главы делегаций рассматривают подготовленный проект текста, одобряют его, внося, в случае необходимости, свои поправки. Тут же они условливаются о времени публикации заключительного документа. Через несколько часов он будет передан по радио, напечатан в газетах...

ДИПЛОМАТЫ, ДИПЛОМАТЫ..

Разные представления сложились на протяжении веков о дипломатах, о роли дипломатии в судьбах стран и народов.

Начнем с пересказа одной русской сказки.

По один бок земли жили Кузьмичи, по другой — Лукичи, а между ними река.

Земля — место тесное, люди — жадны да завистливы, и оттого между людьми из-за всякого пустяка — драки; чуть что кому не понравилось — сейчас ура! и — в морду.

Раздерутся, победят друг друга и давай прибыли-убытки считать: сосчитают — что за чудо?! — будто и хорошо дрались, вовсе беспощадно, а выходит — невыгодно!

Рассуждают Кузьмичи:

— Ему, Лукичу-то, красная цена — семь копеек, а убить его рупь шесть гривен стоило! Что такое?

Лукичи тоже соображают:

— Живой Кузьмич даже по самоличной оценке ни гроша не стоит, а уничтожить его — девяносто копеек вышло!

— Как это!

И со страха друг перед другом решают:

— Надо оружия побольше завести, тогда война скорее пойдет и убийство дешевле стоить будет.

Еще много раз бились, побеждали друг друга Кузьмичи и Лукичи. Развили они смертобойную технику, а стали прибыли-убытки считать — хошь плачь!

Живой человек — нипочем ценится, а убить его все дороже стоит!

В мирные дни жалуется друг другу:

— Разориг нас это дело! — говорят Лукичи.

— В корень разорит! — соглашаются Кузьмичи. Однако, когда чья-то утка неправильно в воду нырнула, опять разодрались.

Семь лет воевали Кузьмичи и Лукичи, до того дошло, что у

одних только лапти остались, а у других — ничего, нагишом ходят нации.

Победили друг друга, так и обомлели. Глядите-тко — на каждого убитого Кузьмича по сто целковых вышло. Нет, надобно принимать другие меры...

И приняли. Вышли на реку и кричат с берега на берег:

— У вас дипломаты есть?

— Есть. А у вас?

— И у нас...

— Ишь вы!

— А — вы?

— Да ведь мы-то что же?

— А — мы? И мы тоже...

Поняли друг друга, утопили дипломатов в реке. Тут сразу и вышло замирение между Кузьмичами и Лукичами.

Сказка эта принадлежит перу М. Горького. Как во всякой сказке, ее мораль предельно ясна: для людей труда война — вещь совершенно не нужная, абсурдная; она для них — бедствие. Разумеется, лишь законами жанра продиктованы нарочитые упрощения и бьющая в глаза гротескность в изображении процесса рождения войн. Процесс этот не укладывается ни в какие абстрактно-пацифистские, ни тем более юмористические схемы. Он может быть правильно объяснен и понят только с позиций исторического материализма. Но как и во всякой хорошей сказке, в сказке о Лукичах и Кузьмичах светится мудрость народная, соединенная с надеждой на лучшее будущее. Прочный мир — это не сказка, не утопия, а реальная цель в современных условиях. И дипломатам не обязательно обзаводиться спасательными кругами, чтобы она была достигнута.

Назначение современной дипломатии, если только она на деле стремится выражать интересы народа, — быть одним из тех средств, которые предохраняют человечество от погружения в водовороты перемежающихся международных кризисов и в конечном счете от втягивания в ядерную войну.

Азбука дипломатии — это не сумма азбучных истин, на которых основываются письменные формы общения между государствами, не кубики с готовыми формулами, из которых как бы складываются дипломатические документы, а сложные диалектические закономерности взаимодействий и взаимосвязей содержания и формы этих документов. Но дипломатическая переписка, хотя ее рамки значительно раздвинулись в последние десятилетия, — это только одна из функций дипломатии. Лишь во взаимодействии всех родов дипломатического оружия могут быть достигнуты поставленные внешнеполитические цели.

Соответственно и достоинства дипломатического работника измеряются не только и не столько умением составления дипломатических документов, но и его способностями в ведении переговоров и бесед, в трезвом анализе явлений международной и внутриполитической жизни.

Одаренность дипломата проявляется в выдвижении перед своим министерством иностранных дел, правительством соображений и предложений, содействующих упрочению международных позиций данного государства, вскрытию в этих целях не использованных резервов. Понятно, речь идет о предложениях всесторонне взвешенных, обоснованных, то есть точно учитывающих разнообразные факты и согласующихся с внешнеполитическими целями и возможностями.

Наконец, личные качества ума и характера, а также стиль общения дополняют положительные деловые качества дипломата или, напротив, ослабляют их.

В специальной литературе, трактующей вопросы искусства дипломатии, довольно основательно разбирается и вопрос о том, какими личными достоинствами должен обладать человек, приобщенный к дипломатической деятельности, какие недостатки ему особенно не должны быть присущи. Облик представителя дипломатической профессии запечатлен и в художественной литературе, причем преимущественно в негативном, саркастическом ракурсе.

Прежде чем обратиться к соответствующим страницам, необходимо сделать оговорку о том, что содержащиеся там характеристики, рассуждения, рекомендации претендуют на некую «всеобщность», то есть чужды методу марксистской диалектики. Нет и не может быть понятия «дипломатии вообще», как нет и не может быть представителей этой профессии, абстрагируемых от социальной среды, к которой они принадлежат, от содержания и целей внешней политики, чьими проводниками и выразителями они являются. Это верно в отношении времен минувших. Это же необходимо подчеркнуть со всей ясностью и применительно к периоду, когда появилась фигура дипломата нового типа, впервые в истории защищающего не эксплуататорские классы, а интересы трудящихся, интересы передового общественного строя. Поэтому, какими бы сочными красками ни были написаны портреты дипломатов прошлого или современных дипломатов империалистического мира, какой бы профессиональной тонкостью, умением аккумулировать действительно богатый опыт ни отличались отдельные наблюдения и выводы по части ведения дипломатических дел, эти краски создадут ложную картину, а наблюдения и выводы будут однобокими, оторван-

ными от конкретных исторических условий, если при их оценке не используется единственно научный критерий — классовый критерий.

Бальзак в «Утраченных иллюзиях» называет дипломатию (разумеется, он имеет в виду дипломатию своего времени, т. е. буржуазную дипломатию) наукой тех, кто ни в какой науке не сведущ и чья пустота сходит за глубокомыслие. Впрочем, замечает Бальзак, это наука чрезвычайно удобная, ибо практически она выражается в несении высоких должностей и, обязывая людей к скрытности, позволяет невеждам хранить молчание, отделяться таинственным покачиванием головы; и, наконец, потому, что сильнее всех в этой науке тот, кто плавает, держа голову на поверхности потока событий и притом с таким видом, точно он управляет ими, ходя вся суть в его особой легковесности.

Приведем некоторые другие, столь же мало лестные характеристики дипломатии и дипломатов.

В «Лексиконе прописных истин» Флобер язвительно говорит о дипломатии:

— Прекрасная карьера, но чревата трудностями и полна тайн.

— Подобаает только лицам благородного происхождения.

— Занятие неопределенного значения, но выше коммерции.

— Дипломат всегда тонок и проникновенен.

Даже Гете, которому редко изменяла уравновешенность суждений, разразился грубоватой тирадой (устаами Вертера) в адрес некоего посланника: «Это педантичный дурак, каких немного на свете. Все у него делается шаг за шагом и мелочен он, как старая кумушка... Что это за люди, вся душа которых занята исключительно церемониалом, а мысли и стремления годами направлены на то, чтобы продвинуться хоть на один стул и сесть повыше за общим столом».

Французский философ-моралист XVII века Лабрюйер в своем произведении «Характеры или нравы нынешнего века» начинает характеристику дипломатии с едкого замечания о том, что если послы и представители монархов и республик съезжаются, чтобы обсудить какое-нибудь дело, и оно отнимает у них больше времени, чем размещение по чинам и даже дебаты о порядке председательствования и прочие формальности, значит, это дело является из ряда вон выходящим по своей важности и запутанности.

Министр или посол — это хамелеон, утверждает Лабрюйер. Подобно ловкому игроку, он прячет свой истинный нрав и характер как для того, чтобы избежать толков и воспрепятствовать попыткам проникнуть в его планы, так и для того,

чтобы в пылу увлечения или по слабости самому не выдать тайну. Он то изворотлив и непроницаем, например, скрывая правду, сообщает о ней вслух, ибо ему важно, чтобы она была высказана и чтобы ей все-таки не поверили, то искренен и откровенен, когда, например, умалчивает о том, чего никто не должен знать, и все же ловко создает впечатление, будто сказал все. Иногда он выражается ясно и категорически, но еще чаще — уклончиво и намеками, прибегая к двусмысленным выражениям и оборотам, которым он волен придавать то или иное значение, смотря по тому, каковы обстоятельства и что ему выгодно. Он разглагольствует о мире, согласии, всеобщей безопасности и всеобщем благоденствии, а на деле думает только о своих интересах, то есть о выгоде своего государства или своей республики.

Он хладнокровен, вооружен смелостью и терпением, продолжает Лабрюйер, не знает усталости сам, но умеет доводить других до изнеможения и отчаяния. Готовый ко всему, он не страшится медлительности, проволочек, упреков, подозрений, недоверия, трудностей и преград, ибо убежден, что только время и стечение обстоятельств могут повернуть ход событий и направить умы в желательную для него сторону. И принимает в расчет все: время, место, собственную силу или слабость, особенности тех наций, с которыми ведет переговоры, нрав и характер лиц, с которыми общается. Все его замыслы, нравственные правила, политические хитрости служат одной задаче — не дать в обман самому и обмануть других¹.

Не испытывает особых симпатий и Л. Толстой к Билибину, одному из персонажей «Войны и мира». Он был, пишет Толстой, и это замечание говорит за себя, не из того большого количества дипломатов, которые обязаны иметь только отрицательные достоинства, не делать известных вещей и говорить по-французски для того, чтобы быть очень хорошими дипломатами; он был одним из тех дипломатов, которые любят и умеют работать, и, несмотря на свою лень, он иногда проводил ночи за письменным столом. Он работал одинаково хорошо, в чем бы ни состояла сущность работы. В чем состояло дипломатическое дело, ему было все равно; но составить искусно, метко и изящно циркуляр, меморандум или донесение — в этом он находил большое удовольствие. Заслуги Билибина ценились, кроме письменных работ, еще и по его искусству обращаться и говорить в высших сферах

¹ Лабрюйер Ж. Характеры или нравы нынешнего века. М., 1964, с. 213–216

Билибин любил разговор так же, как он любил работу, только тогда, когда разговор мог быть изящно-остроумен. В обществе он выжидал случая сказать что-нибудь замечательное и вступал в разговор не иначе, как при этих условиях. Разговор Билибина постоянно пересыпался оригинально-остроумными, законченными фразами, имеющими общий интерес. Эти фразы изготавлялись во внутренней лаборатории Билибина, как будто нарочно портативного свойства, для того чтобы ничтожные светские люди удобно могли запоминать их и переносить из гостиных в гостиные.

Салонная дипломатия, ее представители — выходцы из аристократии, а позднее также из корпорации денежных мешков создали тот малопривлекательный образ дипломата, который, видоизменяясь лишь в оттенках своих индивидуальных качеств, кочует по произведениям художественной литературы. Внешний лоск, скрывающий бедность духовных запросов и знаний, возведение чуть ли не в какое-то таинство правил церемониала и протокола, остроумничанье во что бы то ни стало, симулирование поглощенности заботами исключительной важности, напускная многозначительность поведения — эти и подобные им черты явственно проглядывают с портретов дипломатов, нарисованных великими писателями разных стран.

Желание казаться больше, чем ты значишь на самом деле, будь то в государственной, общественной или личной жизни, — вообще одно из самых отталкивающих человеческих качеств. Но оно, это качество, — профессиональный недуг, нажитый дипломатией, чьи представители оторваны от народа и пропитаны кастовыми предрассудками.

Можно было бы привести массу авторитетных документов, характеризующих типичные пороки буржуазной дипломатии. Ограничимся несколькими.

В «Белой книге», выпущенной английским правительством в 1943 году, содержалось признание того, что «дипломатическая служба подверглась критике, в частности, за то, что черпает свои кадры из слишком узкого круга лиц, что она стремится представлять интересы только некоторых слоев нации, а не всей страны в целом, что представители этой службы ведут слишком замкнутый образ жизни, что они недостаточно разбираются в экономических и социальных вопросах, что у них не хватает опыта для правильного понимания тех проблем, с которыми им приходится сталкиваться, и, наконец, что их контакты за рубежом слишком ограничены и не дают им возможности по-настоящему глубоко

ознакомиться с жизнью народов, среди которых им приходится находиться»².

Подробное и квалифицированное исследование положения дел в дипломатической службе США содержится в уже упоминавшейся книге Дж. Э. Харра «Профессиональный дипломат». Автор считает, что качество этой службы не отвечает требованиям дня. Примечательны некоторые данные, характеризующие состав американской дипломатической службы. В 1935 году среди дипломатов было 2 негра, в 1942 году — 8, в 1967 году — 20. Дж. Э. Харр указывает на целенаправленную политику задерживания продвижения негров в области дипломатической деятельности. Средний возраст американских дипломатов, имевших в 1966 году ранг посла, — 60,3 года, ранг посланника — 56,5 года.

Газета «Нью-Йорк таймс» писала 24 февраля 1973 г. об «эксцентричной системе наград», согласно которой американцы, внесшие щедрый вклад в казну предвыборной кампании победивших кандидатов в президенты, получают посты послов в иностранных государствах. «Скоро будет недостаточно иностранных государств, чтобы разместить там всю эту толпу», — не без ядовитости замечает газета. При предоставлении постов послов для «богатых дилетантов надлежащей политической окраски» бывали случаи, свидетельствует «Нью-Йорк таймс», когда Соединенные Штаты посылали за границу главами представительств таких людей, которые, как они сами признавали, не знали, что такое НАТО и где она находится, или не имели ни малейшего представления о том, кто стоит во главе правительства в той стране, куда они назначены...

Правительственные документы, исследования, пресса и страницы художественной литературы указывают в сущности на одни и те же пороки, коренящиеся в самой социальной системе государств, чьи дипломатические представители продолжают пытаться блистать на ленчах и коктейлях находчивостью, осведомленностью, глубокомыслием, но для которых интересы народных масс куда более далеки, чем в наше время Земля от Луны...

«До своего поступления на дипломатическую службу я полагал, что дипломаты — это люди, которые обладают необыкновенными способностями обнаруживать тайные пружины исторических явлений с помощью какого-то особого чувства, позволяющего им видеть поражение в самой блестящей победе и, наоборот, победу в самом глубоком поражении» — с такими представлениями начал свою дипломатиче-

² *Proposals for Reform of the Foreign Service*, (Cml.) 6240. L., 1943.

скую карьеру один из сподвижников Кемалья Ататюрка, известный турецкий писатель Якуб Кадри Караосманоглу. «Понадобилось совсем немного времени, — пишет он в вышедшей в 1955 г. книге «Дипломат поневоле», — чтобы я убедился в своей ошибке». Караосманоглу, бывший на протяжении своей двадцатилетней дипломатической службы посланником и послом в Албании, Чехословакии, Швейцарии, Голландии, Иране и непосредственно соприкасавшийся с деятельностью западной дипломатии, приходит к выводу, что она — учреждение анахроническое, связанное по рукам и ногам традициями прошлых веков, и что ей чужда динамика нашего века, неведомо существование новых движущих сил общества, определяющих судьбы многих народов и государств.

Порой темперамент захлестывает автора «Дипломата поневоле». Обеденный стол в жизни дипломата, пишет он, является своеобразным пробным камнем. За ним выясняются основные достоинства и недостатки человека. Здесь добиваются успеха и уважения... Каждый уважающий себя дипломат, продолжает Караосманоглу, должен непременно портить свое пищеварение мешаниной из всевозможных кушаний и иссушать мозг пустой и напрасной игрой в сообразительность. Сидя за столом, он все время говорит и ест, говорит и ест. Свою соседку справа, безобразную женщину, он уверяет в том, что она красавица, а прескверно одетую соседку слева — в том, что у нее изумительный вкус. Если же он нечаянно окажется рядом с хозяйкой дома, то вынужден сказать ей, что более прекрасных кушаний он никогда и нигде не ел. Ему приходится постоянно быть начеку и уметь ответить на поставленный вопрос, ответить так, чтобы его ответ нельзя было истолковать ни положительно, ни отрицательно...

Пафосом обличения «их превосходительств», господ послов, дышат многие страницы «Дипломата поневоле». Дело господина посла — смотреть на все свысока, не замечать очевидное, пройти по свету, не запылив своих лакированных туфель, потому что он «персона грата», личность исключительная и неприкосновенная, судить о которой со стороны никто не вправе. «Мы сказали личность? — восклицает Караосманоглу. — Простите, берем свои слова назад. Дипломат — сверхчеловек, он — символ, священный символ! И это не шутка, потому что он представляет государство. Он — тень короля, императора или президента, тень, протянувшаяся в другую страну. Там, где он аккредитован, для него не существует ни границ, ни таможен. Он не склоняет голову перед местными порядками и законами. Наоборот, те, кто приз-

ван охранять эти порядки и законы, как будто находятся в его распоряжении, у него на службе. Они называют его «превосходительство» и, когда он проходит, вытягиваются перед ним в струнку. Упаси боже проявить к нему неуважение. Тогда этот бюрократ, привыкший покорно сносить любые грубости своего правительства, вдруг превращается в человека с достоинством и самолюбием, бряцая, как оружием, неприкосновенностью и привилегиями, он требует внимания или же, как старая барыня, которой не угодила служанка, впадает в истерику».

Филиппики против дипломатии и дипломатов можно было бы продолжать и продолжать, благо что недостатка в них ни в художественной, ни в мемуарной литературе не ощущается. Требуют ли они опровержений? Нет.

Во-первых, они во многом верны, хотя их расширительное толкование, перенесение отрицательных или карикатурных качеств с отдельных представителей на профессию в целом, — разумеется, лишь художественный прием, не более. Во все времена и в разных странах были и есть врачи — виртуозы своего дела и врачи-полунеvezды, «лекари поневоле».

Во-вторых, цитированные страницы художественной и мемуарной литературы воспроизводят многие характерные штрихи того типа дипломата, отношение к которому современного читателя будет верным лишь при одном условии: при наличии конкретно-исторического, классового подхода.

В противоположность литературе буржуазной советская художественная литература, театр, кино, особенно в последние годы, довольно интенсивно работают над созданием совершенно иного образа дипломата, дипломата, чья деятельность поставлена на службу интересам народа, интересам мира.

Подбор кадровых дипломатов по родовитости происхождения, имущественному цензу, протекции и связям в придворных, правительственных, парламентских или банковских сферах приводил и приводит (в тех странах, где это имеет место) к тому, что демократическим слоям общества был веками закрыт доступ к дипломатической деятельности. Недаром в литературе «селекционировался» персонаж в полосатых брюках, который своей непроницаемой многозначительностью досаждал людям с хорошим нравственным здоровьем и который выделяет замысловатые и лихие па на опереточных подмостках.

Но если отвлечься от художественной литературы и случаев анекдотического порядка, то следует признать, что история международных отношений и дипломатии не так уж бедна делами и людьми, оставившими в ней свой след. Как в свое

время дипломатия античного мира или абсолютистских монархий, так и дипломатия буржуазная выдвигает ярких представителей, искусно защищающих интересы своих правительств, своего класса. Среди «их превосходительств», разделанных под орех Караосманоглу, встречаются, особенно на ключевых постах, люди, обладающие острым политическим зрением, фундаментальными знаниями международных проблем, разбирающиеся в вопросах экономической и культурной жизни, умеющие вызвать уважение к своему слову, своим поступкам и, наконец, не лишенные того чувства на кончиках пальцев — *Fingerspitzengefühl* (при общении, при добывании и оценке информации), которое отличает дипломата по призванию от «дипломата поневоле».

Каждый, кто принимал участие в международных конференциях, переговорах, конфиденциальных беседах, в выработке договоров, резолюций или других совместных документов с дипломатами западных стран, воздаст должное всесторонней подготовленности и незаурядному профессиональному мастерству их лучших представителей. В одном случае это — генеральный секретарь министерства иностранных дел, в другом — директор департамента, в третьем — посол для специальных поручений или шеф личного кабинета министра. Иногда они занимают и менее заметное служебное положение. Но то, что говорит такой дипломат, и в какой-то степени то, чего он не хочет касаться, — это своего рода камертон для проверки общего политического настроения другой стороны, для уяснения ее позиций по отдельным обсуждаемым вопросам. Вместе с тем квалифицированность партнера укрепляет уверенность в том, что и соображения, излагаемые ему, будут точно поняты и доложены (без потерь оттенков мысли и огрубления формулировок), а это, конечно, облегчает достижение взаимопонимания. Понятно, общение дипломатов, представляющих государства с различным социальным строем, не всегда складывается гладко. Но и совсем не обязательно оно выливается в конфронтацию взглядов. Иногда такое общение проходит под знаком полезного, окрашенного человеческой симпатией сотрудничества.

Одним из примеров этого могут служить отношения Г. В. Чичерина с германским послом в Москве графом Брокдорф-Ранцау. О характере этих отношений поможет составить представление следующее письмо, полученное Г. В. Чичериным в сентябре 1928 г. от Эрнста Ранцау (брата германского посла):

«Мой близнец-брат, посол граф Брокдорф-Ранцау призвал меня к своему ложу сегодня утром и просил сообщить Вам,

народный комиссар, и г-ну Литвинову следующее: после заключения его врача он понимает, что в любой час может наступить его внезапная кончина; он просил меня в свой смертный час передать Вам, господа, что считал целью своей жизни доведение до желанного конца той политики, которую он проводил в последние годы. Он далее просит сказать Вам, что благодарит обоих комиссаров, особенно Вас, за ту веру в сотрудничество, которую он всегда встречал у Вас в трудные годы. Его последней и твердой надеждой, как он сказал, была надежда, что немецкий и русский народы могут совместно достигнуть желанной для них цели».

Волнующая исповедь посла на смертном одре! Когда Г. В. Чичерин распечатывал конверт, Брокдорф-Ранцау был уже мертв.

В интервью газете «Генераль-анцейгер» Чичерин отметил большое участие посла в развитии советско-германских отношений и, подводя итоги, сказал: «Он много понимал, он много сделал, он оставил многое, и то, что он оставил, будет жить»³.

Каковы профессиональные качества, особенности склада ума и характера, которые способствуют выполнению миссии дипломата с наибольшей эффективностью? Этот вопрос подробно трактуется в литературе по дипломатическому искусству.

Но обратимся сначала к одной старейшей персидской рукописи «Дастур ал-Мулук» («Назидание государям»)⁴. Глава шестая посвящена тому, что следует поручать посольскую миссию мудрому послу:

«Дорогой мой, послу необходимо умело и ловко пользоваться языком, подобным блестящему мечу, однако так, чтобы на поверхности его слов выступали перлы мягкости, были бы явственны признаки приветливости. Если речь его вначале выражает строгость, она должна быть отрезана ножницами мягкости. Если в начале речи он заговорит грозными словами, конец своей речи он должен завершить добрыми словами, приятными выражениями, подобно тому, как говорят:

Приятное слово удалило из сердца семя злобы,
Сладкая речь сгладила морщины у бровей противника.

Дорогой мой, на опыте доказано, что нельзя отправлять в качестве посла людей четырех типов: первый — тот, кто терпел обиду от государей, второй — тот, чье имущество и честь унесены ветром гнева царя, третий — тот, кто уволен со своей

³ Зарницкий С., Сергеев А. Чичерин. М., 1966, с. 247.

⁴ Термези Ходжа Самандар. Дастур ал-Мулук. М., 1971, с. 41–42.

службы, четвертый — тот, кто думает о своей выгоде во вред государю. Отправлять таких людей с посланием представляется далеким от здравого смысла, не подобает носящим украшение опытности, потому что сердце такой категории людей проколото колючкой обиды. По этой причине, когда такой человек сочтет врага преобладающим в силе и могуществе над своим государем, в удобный момент он подумает об измене царю, выявив свою тайную вражду к нему, он поднимет мятеж, подобно тому как говорят:

Во всякой груди, куда вселилась вражда,
Грубеет сердце от обиды.

Дорогой мой, послу необходимо проявлять бдительность в двух отношениях: в отношении своего господина, чтобы оберегать честь державы, величие власти, а также в отношении козней врагов и быть внимательным по отношению к ним:

Человек совершенного ума словами улаживает такие дела,
Которые невозможно осуществить с помощью сотни храбрых войск.

Дорогой мой, внимательно следи за отправкой послов и прояви в этом исключительное усердие, потому что посол — это язык государя. Нужно, чтобы посол был из числа наиболее умных и опытных людей, искуснейший в речи, подобно тому как говорят:

Послу надлежит быть знающим,
Смелым, искусным в речи,
О чем бы у него ни спросили, он сумел бы ответить
Так, чтобы было правильно,
Выразился бы так,
Как этого требуют присутствующие в собрании.
Много людей, которые одним грубым словом
Столкнули целые миры, губили весь народ;
Другие приятными словами
Способствовали дружбе между двумя врагами.

Персидское назидание, дошедшее к нам из глубины веков, конечно, далеко от того, чтобы претендовать на своего рода инструкции при подборе кадров послов и других дипломатических работников. Однако трудно отрицать и семена мудрости, заключенные в строках этого текста.

По мнению Талейрана, качества «души и духа», необходимые для успешной работы на поприще дипломатии, подразделяются на две категории.

К первой принадлежат осмотрительность, скромность, полное бескорыстие, наконец, известная возвышенность чувств, которая заставляет ощущать все величие обязанности представлять нацию вовне и следить внутри страны за сохранением ее политических прав.

Ко второй категории — духовная склонность к изучению политических отношений, способность хорошо и быстро схватывать существо вопросов, ибо ни одно занятие не требует более срочной и зачастую мгновенной реакции, известная широта мысли, ибо в данной области все детали должны обобщаться в единое целое.

Все перечисленные качества, взятые вместе и развитые путем практики, говорил Талейран в докладе о дипломатической карьере, представленном правительству в марте 1800 года, составляют дух и честь дипломатической карьеры⁵.

Дело, конечно, не в том, насколько сам Талейран воплощал все эти качества, в частности «полное бескорыстие». Но, безусловно, интересен перечень их, сделанный одним из корифеев «классической дипломатии».

За полтора месяца до кончины (в марте 1838 г.) Талейран в речи в Парижской академии снова говорил о качествах образцового, с его точки зрения, дипломата.

В частности, он отметил, что поведение руководителя политического отдела министерства иностранных дел «должно быть простым, правильным, скромным; чуждаясь светской суеты, он должен посвящать себя всецело делам, храня их в абсолютном секрете; всегда готовый дать справку о событиях и людях, он обязан постоянно иметь в памяти все договоры, знать их хронологический порядок и даты, правильно оценивать сильные и слабые стороны договоров, их предысторию и их последствия, наконец, знать имена главных уполномоченных в переговорах и даже семейные связи этих уполномоченных».

Касаясь качеств министра иностранных дел, Талейран сказал, что министру «необходимо иметь своеобразный инстинкт, быстро подсказывающий, как вести себя, и не дающий подвергнуться компрометации до начала каких бы то ни было переговоров. Ему нужна способность выглядеть чистосердечным, оставаясь непроницаемым, быть сдержанным с видом небрежности и осторожным даже в выборе своих развлечений, но, задавая неожиданные для собеседника вопросы, ему следует быть естественным и иногда казаться наивным, одним словом, в течение двадцати четырех часов он не должен ни на мгновение переставать быть министром иностранных дел»⁶.

Ж. Камбон, греша заметными преувеличениями, пишет, что он не знает деятельности более разнообразной, чем профессия дипломата. Развивая свою мысль в несколько

⁵ *Mémoires du prince de Talleyrand*, t. V, p. 43.

⁶ *Chambrun Ch. L'essprit de la diplomatie*. P., 1944, p. 288–289.

романтических тонах, он утверждает, что нет такой профессии, где было бы так мало твердых правил и так много основанного на традиции, где для успеха требовалась бы большая настойчивость и где успех в большей мере зависел бы от игры случая, где так нужна была бы строгая дисциплинированность и где человек должен был бы обладать большей твердостью характера и независимостью ума.

Качества, которые подходят для посла, иные, нежели те, которыми должен обладать министр иностранных дел. Последний сопоставляет сообщения, которые присылают дипломатические представители, рассеянные по всему земному шару, взвешивает их, поддерживает в проведении внешней политики своей страны гармонию, обеспечивающую ей единство и успех.

Посол следует инструкциям своего правительства, информирует его, дает разъяснения, предостерегает, а иногда должен сдерживать его. Независимость суждений не должна, конечно, доходить у него до нарушения дисциплины. С другой стороны, посол, который не осмеливается быть чем-нибудь иным, кроме как почтовым ящиком, представляет опасность для своего правительства.

Самым необходимым качеством для дипломата Ж. Камбон считает моральный авторитет. Его испытанная лояльность должна внушать правительству, при котором он аккредитован, и его собственному правительству такое доверие, чтобы его слова не вызывали подозрений.

Тут будет, пожалуй, уместной следующая ремарка.

Дипломатические представители разных стран знают друг друга, общаются между собой на протяжении ряда лет, а то и десятилетий. Их имена известны правительствам, дипломатическим ведомствам по соответствующим депешам, записям бесед. Даже если дипломат встречается с лично не знакомым представителем другой страны — это только кажущееся «незнакомство». Оба они хорошо заранее осведомлены друг о друге. Можно сказать, что существует международная «биржа» дипломатических репутаций. И чем выше котируется репутация того или иного дипломата, его «моральный авторитет», верность своему слову, добросовестность, тем больше пользы он может принести собственной стране, представляя ее на переговорах, работая в центральном аппарате или в посольстве.

Посол, если он желает иметь успех, подчеркивает Ж. Камбон, должен стараться понравиться, и для того, чтобы хорошо выполнять свою задачу, ему полезно создать себе положение в обществе той страны, куда его послали. Избегать

излишнего шума при успехе, остерегаться всякой горячности — это тоже неотъемлемые качества хорошего дипломата.

Замечания Ж. Камбона насчет морального авторитета и лояльности дипломата абсолютно верны. Случаи нарушения лояльности к своему правительству чрезвычайно редки. Если это происходит, то дипломат перестает быть дипломатом. Он утрачивает то главное качество, которое его делает таковым: представительство интересов своего правительства; фактически он встает на путь государственной измены. Но история все же знает подобные случаи.

Широко известно, что Талейран, начиная со встречи Наполеона с Александром I в Эрфурте, вступил в тайный контакт с русским царем и интриговал против своего императора.

В русской истории был такой случай. В период смутного времени, в самом начале 1606 года, в Краков к польскому королю приехал от Лжедмитрия посол Безобразов. Его обязанность состояла в том, чтобы известить короля о вступлении нового царя на московский престол. Справив посольство по чину, Безобразов мигнул канцлеру в знак того, что желает переговорить с ним наедине, и назначенному выслушать его пану сообщил данное ему князьями Шуйским и Голицыным поручение: попенять королю за то, что он дал им в цари человека низкого и легкомысленного, жестокого, распутного мота, недостойного занимать московский престол и не умеющего прилично обращаться с боярами; они-де не знают, как от него отделаться, и уж лучше готовы признать царем королевича Владислава. Очевидно, большая знать в Москве что-то затевала против Лжедмитрия и только боялась, как бы король не заступился за своего ставленника⁷.

Что касается лояльности посла, дипломатического представителя в отношении правительства страны пребывания, то она проявляется в таких вещах, как непредвзятость в информировании своего правительства о внешне- и внутриполитических мероприятиях данной страны и о содержании бесед с ее государственными и политическими деятелями без стремления нарочито драматизировать обстановку, обострять отношения. Уважение обычаев, привычек, культуры чужого народа, обходительность в обращении с должностными лицами, учет своеобразия механизмов власти и проявление деликатности при соприкосновении с этими механизмами — все это увеличивает моральный авторитет дипломатического представителя в стране его пребывания.

Гарольд Никольсон в книге «Дипломатия» попытался

⁷ Ключевский В. А. Соч., т. III. М., 1957, с. 34

нарисовать портрет «идеального дипломата». Он насчитал семь особых дипломатических добродетелей, а именно: правдивость, точность, спокойствие, ровный характер, терпение, скромность, лояльность. Г. Никольсон поясняет, какое конкретное содержание он вкладывает в указанные дипломатические добродетели.

Под правдивостью понимается не только воздержание от сознательной лжи, но самая тщательная забота избегать намека на ложь или сокрытие истины. Если дипломат незаметно ввел в заблуждение лицо, с которым он ведет переговоры, или если последующие сведения противоречат тем, которые он сообщил ранее, то он немедленно должен исправить возникшее недоразумение, несмотря на временную выгоду, которую он может получить, если не исправит его.

Никогда категорически не опровергать верных заявлений и не подтверждать ложных и опасных — таков вывод Г. Никольсона.

Под точностью понимается не только точность мышления, но и моральная точность. В предыдущих главах уже достаточно говорилось о значении точности формулировок — письменных и устных, об адекватности слова вкладываемому в него содержанию. Поэтому остановимся на втором понятии точности, вводимом Г. Никольсоном. По его мнению, профессиональный дипломат редко бывает повинен в неточности интеллектуальной, но склонность к неточности моральной у него постоянна и велика. Она принимает различные формы, например воздержания от прогнозов развития событий, перестраховки от смелых суждений. Г. Никольсон отмечает, что дипломат не должен колебаться ставить в известность свое правительство о направлении, которое, по его мнению, примут в дальнейшем местные события. Донесения, содержащие двусмысленные прогнозы, могут дать возможность послу выставлять свое предвидение, но они не приносят большой пользы ни правительству, ни репутации посла. Моральная неточность проявляется далее в том, что, стараясь поддерживать хорошие отношения с властями страны пребывания, дипломат утрачивает в этом стремлении чувство меры. Получив инструкции от своего правительства сделать сообщение, которое наверняка вызовет раздражение, он так смягчает его, что дает неправильное и слабое представление о целях, преследуемых этими инструкциями. Прямым нарушением лояльности своему правительству была бы такая передача полученных инструкций, которая сопровождалась бы интонациями или жестами, дающими понять, что он лично не согласен с представлениями, которые ему поручено сделать.

На остальных качествах «идеального дипломата» — спокойствии, ровном характере, терпении, скромности, лояльности едва ли есть необходимость останавливаться подробнее. Их значение в дипломатической работе очевидно.

Высказывания Талейрана, Ж. Камбона, Г. Никольсона и многих других авторов, согласных с ними, конденсируют опыт дипломатии разных стран и эпох. В сущности все они сходятся на перечислении примерно одинаковых качеств, обладание которыми признается желательным для хорошего дипломата. Различия лишь в степени уточнения, подробности этих качеств.

Осмотрительность и способность вызывать, поддерживать доверие — вот, пожалуй, наиболее важные из них. В целом можно согласиться, что между этими двумя не во всем полярными категориями как раз и находится совокупность личных достоинств, необходимых дипломату.

Быть осмотрительным — это означает не проявлять поспешности в оценках тех или иных явлений в политике данной страны, не подгонять информацию под заранее сложившиеся взгляды, не судить о государственных и политических деятелях только на основе их заявлений, а обязательно сопоставлять эти заявления с практическими действиями, класть в основу своих выводов и прогнозов факты, предварительно всесторонне проверив и удостоверившись, что факт — это действительно факт, а не преувеличение или дезинформация.

Особая осторожность, но, разумеется, без перехода в боязливость или замкнутость, необходима официальным представителям государств при установлении связей и контактов. Моральная неустойчивость, пристрастие к алкоголю, стяжательство, болтливость и т. п. — пороки, абсолютно несовместимые с дипломатической работой. Дипломат не может подвергать себя опасностям компрометации. Волевые начала характера, нравственная безупречность поступков — это не просто личное дело дипломата. Его прямой служебный долг требует обладания высокой степенью этих качеств.

Доверие вызывает тот дипломат, чье слово авторитетно, чей стиль поведения как бы сам собой вписывается в общие контуры взаимоотношений данных государств. Чем выше положение, которое занимает официальное лицо, или чем ближе оно к источникам власти, тем авторитетнее его высказывания, оценки, прогнозы. Именно близость к источникам власти делала высказывания министра юстиции США Р. Кеннеди куда более авторитетными, чем высказывания лиц, занимавших официально равное с ним положение или даже более высокое.

Если раз от разу высказывания какого-либо официального

лица носят слишком общий характер или, того хуже, последующие практические шаги или заявления представляемого им правительства расходятся с этими высказываниями, то к ним начинают относиться с оправданной дозой скептицизма.

Правило номер один для дипломата — ни при каких обстоятельствах не ослаблять чувства ответственности за свои высказывания и поступки. Осмотрительность и в том, и в другом внушает доверие собеседнику. Без знания в целом и в конкретностях позиции собственной страны по обсуждаемым вопросам добиться этого невозможно.

Лучше промолчать или прямо сослаться на неосведомленность, чем прибегать к импровизации. Вместе с тем только глубокое знание вопроса и фактов дает дипломату ту уверенность и свободу в ведении беседы, без которых она была бы схожа с диалогом двух попугаев.

Дипломаты, не обладающие достаточным опытом, впадают иногда в опасное искушение: они полагают, что будут выглядеть в глазах своих собеседников тем значительнее, чем больше осведомленности (пусть даже мнимой) и апломба выкажут при разговоре.

Золотое правило дипломата — не стараться казаться значительнее, чем ты есть на самом деле.

Только чувство ответственности обоих собеседников, проявляющееся также в соразмерности их высказываний и поведения занимаемому положению, делает разговор двух дипломатов дипломатической беседой. Когда у одного из собеседников это чувство притупляется, то разговор вступает на скользкую дорожку, по одной обочине которой находится выбалтывание того, что разглашать не положено, а по другой — дискредитация самого говорящего.

Тщеславие — ахиллесова пята дипломата, не защищенного в достаточной мере чувством ответственности.

Совершенно справедливо Г. Никольсон указывает, что из всех недостатков дипломатов, а их, по его мнению, много, тщеславие — наиболее распространенный и наиболее серьезный. В качестве курьеза можно привести следующее окончание записи беседы одного начинающего дипломатического работника: «В заключение мой собеседник сказал, что он хочет встретиться со мной еще раз, так как ему приятно беседовать с умным человеком».

Опыт, знания, осмотрительность, находчивость не в состоянии заменить самого ценного качества дипломата — внутренней убежденности в том, что отстаиваемые внешнеполитические цели, политика, проводником которой он является, выражают коренные интересы его страны, его народа,

интересы всеобщего мира. Именно такая убежденность в сочетании с профессиональным умением представляет собой наиболее надежный залог того, что дипломат будет вести дела энергично, инициативно, что он не спасует перед неожиданностью, а в сложных обстоятельствах проявит гражданское и личное мужество. И напротив, отсутствие внутренней уверенности так или иначе прорвется в поведении дипломата, каким бы вышколенным он ни был.

Вспомните, какую растерянность обнаружил германский посол Пурталес при вручении ноты, объявляющей войну в России. Даже текст ее перепутал! Или другой пример. Жалко, двулично вел себя Риббентроп при объявлении войны Советскому Союзу. Сцена эта описана ее участником, тогдашним работником советского посольства в Берлине В. Бережковым⁸.

«...Когда мы вплотную подошли к письменному столу, — пишет В. Бережков, — Риббентроп встал, молча кивнул головой, подал руку и пригласил пройти за ним в противоположный угол зала за круглый стол. У Риббентропа было опухшее лицо пунцового цвета и мутные, как бы остановившиеся, воспаленные глаза. Он шел впереди нас, опустив голову и немного пошатываясь.

— Не пьян ли он? — промелькнуло у меня в голове.

После того как мы уселись за круглый стол и Риббентроп начал говорить, мое предположение подтвердилось. Он, видимо, действительно основательно выпил.

Сообщив далее, что час тому назад германские войска перешли границу Советского Союза, Риббентроп принялся уверять, что эти действия Германии не являются агрессией, а лишь оборонительными мероприятиями. После этого, — продолжает В. Бережков, — Риббентроп встал и вытянулся во весь рост, стараясь придать себе торжественный вид. Но его голосу явно недоставало твердости и уверенности, когда он произнес последнюю фразу.

— Фюрер поручил мне официально объявить об этих оборонительных мероприятиях...

Когда разговор был окончен и советские представители направились к выходу, произошло неожиданное. Риббентроп, семеня, поспешил за ними. Он стал скороговоркой, шепотком уверять, будто лично был против этого решения фюрера. Он даже якобы отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Лично он, Риббентроп, считает это безумием. Но он ничего не мог поделать. Гитлер принял это решение, он никого не хотел слушать...

⁸ См. *Бережков В. С дипломатической миссией в Берлин. 1940—1941 гг.* М., 1966

— Передайте в Москве, что я был против нападения, — услышали мы последние слова рейхсминистра, когда уже выходили в коридор...».

Разумеется, шепоток Риббентропа не мог обмануть. Но попытка перестраховаться, слицемерить — налицо.

Почти всегда, когда посла или другого работника посольства приглашают в министерство иностранных дел страны пребывания, они не знают, что их ожидает. Может быть, продолжение обсуждения какого-либо рутинного вопроса, к примеру уточнения сроков уже согласованных мероприятий, выделение участка для строительства нового здания посольства и т. п. А может быть, и неприятная неожиданность: предостережение в связи с пограничным инцидентом, денонсация договора, сообщение о разрыве дипломатических отношений, объявление персоной «нон-грата» кого-то из персонала посольства и т. п. Бывает и так, что посольство, его сотрудники и члены семей становятся объектом злонамеренных провокаций или авантюристических выходов. То здание посольства или консульства подвергается обстрелу из проезжающей автомашины, то под его фасад подкладывается бомба, то перед окнами разыгрываются провокационные сцены и т. п.

В сложных, необычных ситуациях — будь это недружелюбная акция в отношении страны, которую представляет посольство, или провокация, затрудняющая нормальное исполнение им своих функций, — выдержка, воля, хладнокровие дипломатических работников тем неколебимее, чем глубже их убежденность в правоте дела, которому они служат, чем шире и основательнее понимание ими кардинальных внешнеполитических целей своего государства, его интересов в международных делах.

Упомянувшегося здесь уже персонажа романа Л. Толстого «Война и мир» дипломата Билибина интересовал не вопрос «зачем?», а вопрос «как?». В чем бы ни состояла сущность работы, его волновала лишь искусность ее выполнения.

Безусловно, увлеченность своим ремеслом, профессией заслуживает всяческого поощрения. Только из нее, при условии соответствующих затрат труда, могут появиться блестящие таланты.

Но в дипломатии (и вообще в политике) критерий «как» отнюдь не самодовлеющ. «Зачем?» — вот коренной вопрос, и лишь после ответа на него следует искать ответа и на вопрос подчиненный: как добиться осуществления поставленной цели?

Когда в Советском Союзе к дипломатическим работникам предъявляются требования высокой идейности, принципиальности, то это выражает серьезность и ответственность

подхода Коммунистической партии, Советского правительства к тому, чтобы стержнем в большом и в малом были глубоко гуманные, миролюбивые цели советской внешней политики, а методы ее претворения в жизнь соответствовали этим целям.

На Западе пытаются иногда приписывать советским дипломатам чуть ли не механическое следование «установкам».

К примеру, Л. Пирсон в книге «Дипломатия в ядерный век» пишет, что представители социалистических государств «обладают малой свободой действий или совсем ее не имеют», что «ужас охватывает коммунистического представителя, если он хотя бы на йоту отклонится от полученных им инструкций». Далее идут еще более абсурдные утверждения насчет «грубости речи, нежелания прислушаться к мнению другой стороны и преисполненной подозрительности сдержанности в обращении» ну и, конечно, об «отсутствии гибкости». Стоит ли комментировать эти высказывания Л. Пирсона? Едва ли. Они не находятся на уровне, достойном ответа.

Но, может быть, целесообразно пояснить некоторые вещи. Во всех странах дипломаты точно следуют полученным ими инструкциям. Выполнять инструкции — это их первейшая служебная обязанность. Вопрос в том, насколько широки или, напротив, заужены эти инструкции, какую меру гибкости, простор для личной инициативы предоставляют они исполнителю.

Опыт многочисленных переговоров, согласований двусторонних и многосторонних документов показывает, что, как правило, советские дипломаты, представители других социалистических стран располагают большей свободой действий, чем их западные партнеры. И это не случайность, не вопрос организационной стороны дела в дипломатической работе. Это — следствие большого доверия руководящих инстанций к партийным и деловым качествам дипломатов.

В. И. Ленин особо подчеркивал необходимость соединения партийного начала с государственным в советской внешней политике и дипломатическом аппарате. В статье «Лучше меньше, да лучше» он писал 2 марта 1923 г.: «Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого?...

Почему бы, в самом деле, не соединить те и другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его начала? Разве в Политбюро не обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о «ходах» с нашей стороны в ответ на «ходы» заграничных

держав, в предотвращение их, ну, скажем, хитрости, чтобы не выражаться менее прилично? Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике? Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области, будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату»⁹.

Сила советской дипломатии состоит в том, что ее представители поступают в самых различных, порой весьма сложных обстоятельствах не механически, а по убеждению, сознательно. Они действуют как индивидуумы, до конца почувствовавшие свою неразрывную связь с огромным целым — Коммунистической партией, всем советским народом, до конца осмыслившие задачи, поставленные в решениях партии и правительства, как задачи всех советских людей и, следовательно, как свои личные задачи. Иными словами, когда они ведут переговоры и беседы, заключают соглашения, заявляют протесты, выступают с трибун международных организаций и конференций, составляют ноты и меморандумы — они действуют по велению своего разума, своего сердца.

...Указаний или ориентировки из Центра еще нет, а развитие обстановки требует незамедлительного реагирования: как поступить дипломатическому представителю? Уклониться от решения? Но при складывающихся обстоятельствах это может нанести ущерб интересам твоей страны. Оттянуть принятие решения? Но все возможности его откладывания уже исчерпаны. Принять решение на месте и постараться убедить свое правительство в его правильности? А вдруг окажется, что у правительства имеются более широкие соображения международного или внутреннего порядка, которые неизвестны посольству, представительству и которые не могут быть им учтены?

...В телеграммах от 12 и 13 июля 1960 г. правительство Республики Конго обратилось к Генеральному секретарю ООН с просьбой об оказании Республике Конго срочной военной помощи ООН в связи с вооруженной агрессией со стороны Бельгии.

Совет Безопасности собрался 13 июля для рассмотрения доклада Генерального секретаря, рекомендовавшего Совету уполномочить его оказать правительству Республики Конго военную помощь.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 398—399.

Представитель Туниса внес проект резолюции, призывающий Бельгию вывести свои войска из Конго и поручающий Генеральному секретарю принять в консультации с правительством Конго меры для оказания ему военной помощи.

Представитель СССР внес три поправки к проекту. В первой осуждалась агрессия Бельгии. Во второй содержался призыв к немедленному выводу бельгийских войск. В третьей Генеральному секретарю поручалось обеспечить правительству Республики Конго военную помощь, предоставленную африканскими государствами — членами ООН.

Эти поправки были отклонены в итоге голосования.

А тем временем агрессия против Республики Конго принимала все более опасный характер, что могло поставить под вопрос само существование нового африканского государства.

Представитель Советского Союза в Совете Безопасности А. А. Соболев, учтя драматичность обстановки, требующей срочных действий, принял решение проголосовать за посылку войск ООН в Конго, не откладывая голосование до получения инструкций из Москвы.

Проект резолюции Туниса был принят 8 голосами при 3 воздержавшихся (Соединенное Королевство, Франция, чанкайшист). Против не голосовал никто.

Принятие этого решения не было само собой разумеющимся делом, поскольку в прошлом уже не раз делались попытки создавать вооруженные силы ООН в нарушение Устава этой организации. Так, Советский Союз решительно осудил незаконное прикрытие флагом ООН американской агрессии в Корее. Посылка войск ООН в Конго была крупной операцией, в связи с которой неизбежно возникал ряд сложных международных проблем, затрагивающих принципы операции по поддержанию мира в свете положений Устава ООН, финансовую сторону дела и т. д.

С другой стороны, налицо был случай империалистической агрессии против молодого государства, борющегося за свою национальную независимость. Кроме того, просьба правительства Патриса Лумумбы о военной помощи носила особо срочный характер. Агрессия против Конго вызывала осуждение и протесты со стороны советской и прогрессивной международной общественности. Просьба правительства Республики Конго была поддержана большой группой африканских и азиатских государств, выразивших готовность предоставить в распоряжение ООН контингенты своих войск.

Советское правительство одобрило действия А. А. Соболе-

ва, принявшего сложное и ответственное решение отдать голос Советского Союза в пользу посылки войск ООН в Конго.

Разумеется, те или иные действия дипломатических представителей до получения соответствующих инструкций из Центра могут иметь место лишь в исключительных обстоятельствах, при абсолютной уверенности в их целесообразности, необходимости и безотлагательности со стороны тех, кто их предпринимает. В противном случае может быть нанесен серьезный ущерб государственным интересам представляемого государства, а дипломатический представитель дезавуирован. И дипломатическая практика знает такие случаи.

Бывают ситуации иного характера. Поступили указания из Центра. Их необходимо исполнять. Но, по мнению посла, они не вполне учитывают некоторые особенности внутривнутриполитической обстановки в стране — реакция на предпринимаемые в осуществление этих указаний шаги может быть иной, чем это ожидается в Центре. Задержать ли исполнение этих указаний? Доложить ли своему правительству о целесообразности внесения в них коррективов или об их отмене? С подобными дилеммами большей или меньшей степени ответственности приходится сталкиваться и дипломатам, принимающим решения (главам посольств, представительств), и дипломатам более низкого ранга, поддерживающим их в этих решениях, высказывающим свои советы и соображения.

...Конец 1942 года. Советский посол вызван в Кремль. Ему задают вопрос — можно ли ожидать, что страна, в которой он аккредитован, вступит в войну на стороне гитлеровской Германии? Или вернее предположить, что она останется нейтральной? От ответа на этот вопрос зависит решение о том, можно ли снять часть советских войск, дислоцированных на границе с этим государством, и перебросить их на линию боев. Но если граница будет обнажена, а сопредельная страна все же выступит на стороне гитлеровской Германии? Посол дал определенный ответ: не выступит. Какой груз ответственности он брал на себя! Советские дивизии были перебросены с границы на фронт. Правильная оценка послом Сергеем Александровичем Виноградовым намерений страны его пребывания впоследствии подтвердилась.

Талейранам, Горчаковым, Меттернихам было куда проще возделывать ниву дипломатии, чем нашим современникам. Теперь при решении дипломатических задач приходится брать в расчет более полутора сотен неизвестных. Эти «неизвестные» — государства современного мира, государства с различным социальным строем, с отличающимися или противоположными идеологиями. А какова будет реакция общественного

мнения, прессы на те или иные внешнеполитические акции, предложения? Ошибки дипломатии в ядерный век могут привести к фатальным последствиям. Не взметнутся ли вслед за ними ракеты и антиракеты? При всем этом нельзя не учитывать, что американская администрация в начале 80-х годов стала все больше делать ставку на достижение военного превосходства, проповедовать «допустимость» ядерной войны. А другие страны НАТО или подстраиваются под эту крайне опасную для дела мира политику, или продолжают основывать свою внешнюю политику на «равновесии страха». А это сгущает атмосферу ядерной угрозы, во много крат увеличивает возможность просчетов, случайностей и вместе с тем колеблет основы разумной дипломатии.

Риск преднамеренного или случайного конфликта будет возрастать прямо-таки в геометрической прогрессии, если поведение государств в наиболее сложных обстоятельствах станет определять страх друг перед другом. Подумать только, не разум, не чувство ответственности перед народами, а животный инстинкт — страх!

Страх перед нарушением «равновесия страха» взращивает соблазн военных авантюр.

Какая же осмотрительность требуется от дипломата в наше время, чтобы за всеми перипетиями дипломатической борьбы, от доброжелательных жестов до угроз, не проморгать возможности того, что страна пребывания впадет в искушение воспользоваться фактором внезапности. Сколько осмотрительности требуется вместе с тем для того, чтобы другая сторона не истолковала превратно намерения твоей страны и, исходя из этого ложного толкования, не предприняла непоправимого.

Качества, обладание которыми признавалось желательным и даже необходимым для дипломатических работников в прошлые времена, должны быть помножены на опасности, порожденные появлением ракетного оружия, и на все новые возникающие возможности оградиться от этих опасностей. А помимо определенного склада ума и черт характера (прирожденных или привитых обучением, воспитанием, опытом) дипломату требуются знания — и с каждым десятилетием все более обширные и конкретные. Не только знание международных проблем, истории международных отношений, международного права, но и знания в тех практических областях человеческой деятельности, производственной и интеллектуальной, которые приобретают все больший удельный вес в межгосударственных сношениях.

С бурным развертыванием научно-технической революции у

дипломатии появляются новые действенные средства, которые могут быть поставлены на службу мира и международной безопасности. Речь идет о несравнимой с прошлыми временами взаимной заинтересованности государств в расширении торгового обмена, в дополнении усилий друг друга в различных областях науки, техники, культуры. Разумеется, при различии экономических и социальных структур на пути налаживания и развития в этих областях сотрудничества между государствами с различным социальным строем возникают определенные барьеры. Тем не менее опыт говорит в пользу того вывода, что научно-техническая революция раскрывает перед дипломатией, заинтересованной в укреплении международной безопасности, обнадеживающие перспективы.

Сама жизнь подсказывает различные проекты и начинания, представляющие интерес для известной координации усилий и сотрудничества государств с различным социальным строем. Но если, например, в Европе в повестку дня ставится создание трансконтинентального газопровода, то соответствующие дипломатические работники заинтересованных стран должны видеть не только политические аспекты этого огромного предприятия, но и быть сведущими в таких вопросах, как цены на газ, диаметр труб для газопровода, запасы и потребности в природном газе в различных странах, система кредитования и строительства и т. п. Если речь идет о совместной системе цветного телевидения, то тут также возникают технические вопросы, знание которых (хотя бы в общих чертах) необходимо дипломатам соответствующих стран: сравнительные достоинства кинескопов, вопросы патентов и собственности и т. п. То же относится и к таким проблемам, как сотрудничество в мирном использовании атомной энергии, в исследованиях космоса, в охране окружающей среды, сотрудничество в области медицины и здравоохранения и во многом другом.

А разве переговоры по проблемам разоружения, полного или частичного, не требуют специальных знаний? Тут, к примеру, следует разбираться и в способах обнаружения ядерных взрывов, и в средствах контроля за осуществлением Договора о нераспространении ядерного оружия. Привлечение к переговорам соответствующих экспертов — ученых, военных необходимо. Но и дипломатам, участвующим в переговорах, важно основательно ориентироваться в технических вопросах, каждый из которых по существу имеет политическое значение. То ли научно-техническая революция вторгается в дипломатию, то ли дипломатия начинает «оседлывать» пробужденные этой революцией процессы в международных отношениях, ясно одно: без приобретения конкретных знаний по соответствующим пробле-

мам экономики, науки, техники и культуры, возникающим в отношениях между определенными странами или группами стран, современным дипломатам уже не обойтись.

Разумеется, трудно, а скорее всего невозможно ожидать совмещения в одном лице всех тех качеств ума и характера, о которых говорилось выше, обладания теми обширными знаниями, которые необходимы дипломату в наше время. Поэтому постановка вопроса об «идеальном дипломате», как это делает Г. Никольсон, может носить лишь чисто условный, точнее сказать, умозрительный характер. Правильнее и реалистичнее ставить вопрос о качествах и достоинствах, которыми должна обладать дипломатическая служба данной страны в целом, а не только отдельные ее представители.

Может быть, одно из главных достоинств хорошего дипломата состоит в том, чтобы трезво оценивать пределы своих собственных личных возможностей. Если он способен видеть, в чем состоят его слабые стороны как дипломата, то, во-первых, ему легче держать их под самоконтролем, и, во-вторых, он может их компенсировать за счет сочетания со способностями и знаниями тех, кто работает с ним рука об руку. Если посол (директор департамента или другой руководящий работник дипломатической службы) понимает, что ему не очень удаются личные контакты, то он старается, чтобы рядом с ним были сотрудники, обладающие даром завязывать и поддерживать такие контакты. Если формулирование дипломатических документов не его стихия, то он должен позаботиться о том, чтобы этот его недостаток как-то нивелировался способностями других дипломатических сотрудников.

Одним словом, хороший посол — это прежде всего хорошее посольство. В равной мере это относится к департаментам, отделам, секторам и другим звеньям дипломатической службы.

В формировании облика советского дипломата, политического, профессионального, морального, огромную роль сыграла деятельность В. И. Ленина. С самого начала становления советской дипломатической службы основатель Советского государства уделял ей первостепенное внимание. Он лично занимался вопросами организации работы Наркоминдела, подбора дипломатических кадров. В 1923 году В. И. Ленин отмечал, что Наркоминдел является лучшим из наших наркоматов. «Чем объясняется то, — писал он, — что в Наркоминделе лучший состав служащих? Тем, что там, во-первых, не могли остаться в сколько-нибудь заметной доле дипломаты старой марки, во-вторых, тем, что мы подбирали там заново товарищей, подбирали их исключительно по новым меркам, по соответствию новым задачам, в-третьих, тем, что

там, в Наркоминоделе, нет того обилия служащих с бора да с сосенки, в сущности, целиком повторяющих старые качества чиновников, как и в других наркоматах, и, в-четвертых, тем, что Наркоминодел работает под непосредственным руководством нашего ЦК»¹⁰.

Умение применять на практике марксистско-ленинское учение, диалектический метод анализа международных явлений, реализм в оценке тех или иных событий и деятелей, классовый подход, принципиальность в сочетании с гибкостью, с готовностью к заключению разумных компромиссов, наконец, такие черты, как выдержка, скромность поведения, уважение к национальным особенностям и обычаям других стран, — все это входит в бесценный фонд ленинской школы дипломатии.

В рядах этой школы выросла целая плеяда советских дипломатов. И независимо от того, на каких постах и участках они работали или работают, появляются их имена на страницах газет или нет, все они — верные помощники партии, дисциплинированные и активные труженики, борющиеся за претворение в жизнь ее внешнеполитической линии.

Одни из них пришли на дипломатическую службу в годы революции и гражданской войны. Они отдали немало своих сил, чтобы открыть полосу признаний Советской власти, завязать первые полезные связи и контакты с государствами капиталистического мира. Другие — трудились в старом здании на Кузнецком мосту, в советских постпредствах за рубежом, в Лиге Наций, когда на нашу страну, находившуюся в капиталистическом окружении, надвигалась угроза фашизма и агрессии. Это был ответственный период для советской дипломатии. Третьи — проявили себя в период Великой Отечественной войны, добиваясь выполнения обязательств союзниками по антигитлеровской коалиции, участвовали в создании ООН и выработке ее Устава, в закладывании политических основ послевоенного мира. На долю нынешнего поколения советских дипломатов выпала работа по закреплению итогов второй мировой войны и послевоенного развития, по осуществлению поворота от «холодной войны» к разрядке напряженности, к обеспечению стабильной безопасности и мира.

В истории нашей Родины, в летописи международных отношений немало славных страниц, вписанных советской дипломатией, постоянно действовавшей под руководством Центрального Комитета партии, его Политбюро. Проводимая партией большая работа по патриотическому и интернациона-

¹⁰ Ленинский сборник XXXVI. М., 1959, с. 523.

листскому воспитанию охватывает и внешнеполитическую сферу. А разве не было бы интересно и полезно познакомиться с этой многогранной деятельностью на живом, конкретном и документальном материале, собранном, скажем, в музее советской внешней политики и дипломатии? Яркий и предметный показ последовательности и преемственности международной политики КПСС служит обобщению ее богатейшего опыта. В этой же плоскости находится бережное отношение к лучшим традициям советской дипломатии, их развитие, совершенствование ее методов и приемов применительно к изменяющимся условиям на международной арене.

Порой работникам дипломатической службы—от посла до дипкурьера, стенографистки и шофера — приходится работать в сложнейших условиях, проявлять личное мужество и стойкость. Это бывало много раз в прошлом. Это справедливо и для дней сегодняшних. В условиях бомбардировок работали советские представители в Ханое во время вьетнамской войны. Ни на день не останавливалась деятельность советского посольства в Бейруте, когда летом 1982 года на улицах столицы Ливана шли кровопролитные бои и само здание посольства не раз подвергалось обстрелу со стороны войск израильских агрессоров. А как часто дипломатическому представителю требуется политическое мужество, чтобы мгновенно найти в ходе беседы или переговоров правильный ответ, правильное решение по вопросу, который возник непредвиденно, но отложить реагирование на который в силу обстоятельств практически невозможно.

«Успешное осуществление советской внешней политики, — говорится в поздравлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по случаю 50-летия советской дипломатии, — во многом зависит от умения наших дипломатических кадров творчески применять теорию марксизма-ленинизма на практике, овладения богатым опытом и искусством социалистической дипломатии, от умения глубоко анализировать международную обстановку и делать верные выводы»¹¹.

¹¹ *Правда*, 1967, 30 дек.

ПЕРЕГОВОРЫ И РАЗРЯДКА

О дипломатических переговорах писали и пишут много, очень много. О них писали и пишут мало, все еще мало...

Почти каждое исследование по вопросам международной политики и дипломатии так или иначе касается проблематики дипломатических переговоров. В мемуарной литературе — времен давно минувших и современной — целые страницы посвящены описанию межгосударственных переговоров и конференций. Если взять только период после первой мировой войны и до наших дней, то непосредственными участниками и исследователями описаны вдоль и поперек Версальская мирная конференция, работа Лиги Наций, мюнхенский стговор с Гитлером, судороги англо-французской дипломатии в преддверии второй мировой войны. Обширна литература о деятельности антигитлеровской коалиции, о конференциях в Тегеране, Ялте, Потсдаме. Перипетии политической и дипломатической борьбы 50—70-х годов тоже отражены в ряде воспоминаний (Де Голля, Р. Кеннеди, Кув де Мюрвиля, К. Аденауэра, В. Брандта, А. Идена, А. Гарримана, Дж. Кеннана и др.).

Переговоры, конференции, совещания, встречи государственных и политических деятелей, словно горные пики, вздыблены цепью предшествующих событий над повседневностью международной жизни. И чем ближе к высшей, крайней точке переговоров, тем меньше площадка для политического маневра, тем круче склоны вниз, тем неотвратимее момент выбора, момент решения. Правильность или ошибочность такого решения, внутренний драматизм, присущий процессу переговоров, столкновение или притирка концепций, позиций, характеров и темпераментов, выразительные детали обстановки и штрихи поведения действующих лиц — все это описывается в меру таланта и аналитических способностей пишущих. Список произведений такого рода исчисляется, вероятно, десятками тысяч.

И все же о дипломатических переговорах написано и пишется мало. Мало в том смысле, что требуется дальнейшая систематизация взглядов на роль и значение переговоров как важнейшего средства осуществления внешнеполитических целей и улаживания межгосударственных дел в условиях, когда извечная альтернатива переговорам — применение силы сопряжена с риском возникновения ядерной войны. Мало с той точки зрения, что все более актуальным становится глубокое постижение искусства конструктивного ведения переговоров.

Как никогда в прошлом, выросла задача: овладеть наукой сотрудничества государств с различным социальным строем на поприще мира и во имя мира. И в чем, как не в переговорах, должно проявляться прежде всего умение сотрудничать!

Но для плодотворных переговоров, для прокладывания новых путей мирного сотрудничества недостаточно, как известно, готовности одной стороны. Необходима также добрая воля партнеров. А эти партнеры — во многих случаях буржуазные, империалистические государства. Их внешняя политика и дипломатия закоснела в тех представлениях о целях и способах ведения международных дел, которые она породила сама в эпоху своего безраздельного господства на мировой арене или же унаследовала от предшествующих эксплуататорских формаций. У буржуазной дипломатии продолжают сбавлять не только рефлекс «холодной войны»: предубеждения, подозрительность, плохое знание, даже нежелание знать действительные позиции и возможности других. Кроме того, у нее за плечами многовековой багаж таких приемов переговоров, как угрозы, вероломство, «выкручивание рук», камуфляж действительных намерений благообразной фразеологией. В силу своей классовой природы она постоянно подвержена искусу: не договориться с партнером на равных, а попытаться сломить его.

Возьмем не самую худшую и не самую лучшую, а, так сказать, рядовую страницу из практики буржуазной дипломатии. Свидетельство достаточно авторитетное — оно принадлежит генералу Де Голлю и относится к периоду его пребывания в Лондоне в конце 1940 — начале 1941 года.

«...И как трудно было сопротивляться британской машине, когда ее пускали в ход, чтобы что-либо навязать! Только убедившись на собственном опыте, можно представить себе, какую целеустремленность, какое разнообразие приемов, какую настойчивость, сначала любезную, затем требовательную и, наконец, угрожающую, могли проявить англичане для достижения поставленной цели.

Начиналось это с намеков, брошенных то здесь, то там и

поражавших своей согласованностью, чтобы постепенно подготовить нас. Это заставляло нас настораживаться. Затем во время одной из обычных бесед какое-либо ответственное лицо неожиданно обращалось с просьбой или выдвигало требование англичан. Если мы не соглашались идти по предложенному пути — а должен сказать, что это бывало часто, — то пускалась в ход «машина давления». Все, кто нас окружал, независимо от ранга и положения, пытались на нас воздействовать. Во время официальных и неофициальных бесед в самых различных сферах нас в зависимости от обстоятельств заверяли в дружбе, выражали чувства симпатии или опасения. Оказывала свое воздействие и пресса, которая умело освещала существо разногласия и создавала вокруг нас атмосферу нетерпимости и порицания. Люди, с которыми мы находились в личном контакте, словно сговорившись, старались убедить нас. Отовсюду на нас обрушивались упреки, сетования, обещания и негодование.

...После того как до конца были использованы все формы давления, внезапно наступало затишье. Англичане создавали вокруг нас некую пустоту. Прекращались беседы и переписка; ни визитов, ни приемов. Вопросы оставались неразрешенными. Прекращались телефонные звонки. Англичане, с которыми нам все же случалось встречаться, были мрачны и непроницаемы. Нас не замечали, будто бы наше сотрудничество и наша жизнь окончились. В самом сердце Англии, которая была тверда и непоколебима, нас окутывал леденящий холод.

И вот наступила решительная атака. Неожиданно созывалось торжественное англо-французское совещание. В ход пускались все средства, приводились все аргументы, высказывались все упреки, звучали все мелодии. Хотя и не все высокопоставленные лица в Англии в одинаковой степени владели сценическим мастерством, каждый из них великолепно играл свою роль. В течение долгих часов патетические сцены сменялись тревожными. В том случае, если мы не уступали, предлагалось закрыть совещание.

Через некоторое время наступал наконец эпилог. Из различных английских источников сообщали о наметившейся разрядке. Являлись посредники и заявляли, что, по-видимому, произошло недоразумение. Влиятельные лица интересовались моим самочувствием. В газетах проскальзывала доброжелательная заметка. Наконец рождался английский проект по урегулированию спорного вопроса. Этот проект очень походил на то, что мы сами ранее предлагали. Поскольку условия становились приемлемыми, вопрос, по крайней мере внешне, быстро разрешался на одном из совещаний, проходивших в

дружеской обстановке. Конечно, в порыве вновь обретенного согласия наши партнеры не упускали возможности при случае добиться какого-либо преимущества»¹.

Рассказанное Де Голлем ценно именно тем, что речь идет не о каких-то экстраординарных вещах, вроде приведения в повышенную степень готовности вооруженных сил, приостановления экономической помощи, применения различного рода санкций и т. п. Нет, ситуация обыденна, и довольно трафаретны приемы навязывания своей воли другому участнику переговоров, оставаясь в рамках этих переговоров, то есть не прибегая к внепереговорным средствам оказания дополнительного нажима. Кто ведет переговоры, всегда должен быть готов к тому, что вдруг на переговорах наступает «глухая пора»: их естественное течение приостанавливается, партнеры демонстрируют незаинтересованность в деловых встречах, в протокольных контактах, расползаются тревожные слухи о возможности откладывания или разрыве переговоров и т. п. Это пускается в ход та самая машина давления, о которой писал Де Голль.

Даже в том, как внешне обставляются переговоры, нередко заложены рычаги воздействия на другую сторону. Вот две иллюстрации, почерпнутые из мемуаров Талейрана.

После битвы при Моренго (14 июля 1800 г.), в которой французские войска одержали победу, предстояли переговоры между Францией и Австрией, выступавшей от своего собственного имени и от имени Германской империи. Австрийский император назначил своим представителем графа Луи Кобенцля и уполномочил его отправиться в Париж до начала переговоров. Венский двор выбрал его потому, что ранее, в Кампо-Формио, он вел переговоры с Бонапартом, который тогда был только генералом, и потому, что между ними установились короткие отношения, которые граф Кобенцль надеялся легко восстановить; однако первый консул скоро разрушил его надежды. По этому поводу, пишет Талейран, произошла довольно любопытная сцена.

«Бонапарт дал ему первую аудиенцию в девять часов вечера в Тюильри. Он сам выбрал комнату для его приема; это была гостиная перед кабинетом короля. В углу он велел поставить маленький столик, за который сел сам; все кресла были вынесены, и оставались одни только кушетки, находившиеся далеко от Бонапарта. На столе лежали бумаги и стояла чернильница; горела лишь одна лампа; люстра не была зажжена. Кобенцль вошел; я сопровождал его. Мрак в комнате,

¹ Шарль Де Голль. Военные мемуары, т. I, М., 1957, с. 190—192

расстояние, которое нужно было пройти, чтобы приблизиться к столу Бонапарта, которого он с трудом мог разглядеть, некоторое замешательство, возникшее вследствие этого, движение Бонапарта, который встал и снова сел, невозможность для графа Кобенцля сесть немедленно поставили каждого на свое место или по крайней мере на место, предназначенное каждому первым консулом»².

И вторая иллюстрация — тоже рассчитанная на психологический эффект. Во время эрфуртской встречи с Александром I Наполеон устроил охоту в том самом месте под Иеной, где император победил пруссаков в знаменитом сражении. Избиение кабанов и хищных зверей, замечает Талейран, должно было напомнить победителю его успехи в этом сражении³. Ну и, конечно (Талейран предпочел не ставить все точки над «и»), навести на соответствующие мысли русского царя.

В наши дни трудно даже представить себе следующую карикатурно-омерзительную сценку, имевшую место летом 1936 года на заседании Лиги Наций. На трибуне председатель данцигского сената нацист Грейзер. Он утверждает, что притязания Гитлера на свободный город Данциг якобы совершенно законны.

Как описывает Женестьева Табуи, в конце своей речи Грейзер громовым голосом, переходящим в крик, трижды повторяет немецкое нецензурное слово. Он отдает воинское приветствие Идену, затем генеральному секретарю Лиги Наций, и вдруг, повернувшись к аудитории, он мастерски и долго показывает нос присутствующим⁴.

Хорошо известно, что Гитлер подчеркивал свое неверие в эффективность международных конференций, потому, мол, что силы, преобразующие жизнь, не находятся за зеленой скатертью столов. Выходкой председателя данцигского сената гитлеровская дипломатия как бы внушала: «Все равно Данциг будет нашим и плевать нам на Лигу Наций».

Мы привели несколько примеров, вплоть до особенно грубого и грязного, как инсценируется обстановка переговоров, их отдельные эпизоды. Но сам по себе метод «дипломатического режиссирования» может быть и полезен, если, конечно, при этом преследуются цели не давления и шантажа, а положительного воздействия на подготовку и ход международных переговоров. Почти всегда обговариваются заранее между участниками, расписываются до мельчайших деталей церемо-

² Талейран. Мемуары. М., 1959, с. 163.

³ Там же, с. 195.

⁴ См. Табуи Женестьева. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960, с. 343–344.

нии открытия и завершения международных совещаний и конференций. Это вызывается необходимостью показать в правильном свете и в точных пропорциях их значение, ожидаемые или уже достигнутые результаты. В одних случаях подчеркивается деловой характер, в других прибавляется нота торжественности. При двусторонних встречах, переговорах шансы на успех увеличиваются, когда возникает обстановка благожелательности, доверия. Естественно, это должно быть заботой обеих сторон. Тактичность в общении, жесты личного внимания к партнерам, знание особенностей представляемой ими страны и проявление уважения к ней не остаются незамеченными. Они помогают созданию той политической и психологической атмосферы, которая делает переговоры переговорами в лучшем смысле этого слова, то есть совместными поисками взаимоприемлемых договоренностей.

Значение метода дипломатических переговоров, двусторонних и многосторонних, возрастает прямо пропорционально масштабам военной опасности, особенно ядерной, и необходимости сохранения и развития процесса международной разрядки. И если на Западе, в капиталистических странах, все еще существует недооценка переговоров как наиболее эффективного и единственно рационального в современных условиях средства разрешения споров, налаживания различных видов взаимовыгодного сотрудничества, то это объясняется в значительной мере также тем, что буржуазная внешнеполитическая мысль продолжает жить и питаться концепциями и теориями, отстающими от реальностей международной жизни. В этом можно убедиться, ознакомившись хотя бы эскизно с положением дел в этой сфере производства общественного сознания в крупнейшей капиталистической стране — Соединенных Штатах Америки. А надо признать, что именно в США работа эта ведется весьма интенсивно и в правительственном аппарате, и в научных институтах, и в различных частных организациях и фондах, выполняющих заказы крупных монополий.

Разработка теории международных отношений осуществляется в США по двум главным направлениям.

С одной стороны, продолжаются поиски некоей «грандиозной схемы» — общей теории международных отношений. На этом направлении активно действуют «политические реалисты» (Г. Моргентау, Дж. Кеннан, К. Томпсон, С. Хоффман, Ч. Маршалл и др.), объявляющие борьбу государств за власть (обладание силовой позицией) сутью мировой политики; «стратегические аналитики» (Г. Киссинджер, Р. Осгуд, Б. Броди, А. Уолстеттер, М. Гэлперин и др.), рассматривающие международные отношения сквозь призму военной стратегии;

многочисленные «модернистские» школы, которые в отличие от традиционных подходов концентрируют свои исследования на моделировании различных международных ситуаций и процессов, на применении логико-математических приемов и новейшей электронно-вычислительной техники для анализа и прогнозирования. Одни из них (Г. Макклеланд, М. Каплан, К. Холсти, О. Янг и др.) применяют для конструирования общей схемы международных отношений теорию систем, другие (Р. Снайдер, К. Дойч, Дж. Модельский) — теорию принятия решений, третьи (О. Моргенштерн, Т. Шеллинг, К. Булдинг, А. Раппопорт) — теорию игр.

С другой стороны, усиливается внимание к разработке частных, так называемых «островных теорий», имеющих целью обобщение отдельных явлений, проблем и процессов. Большим влиянием пользуются школа интеграции (К. Дойч, Э. Хаас и их многочисленные последователи), и в частности разрабатываемая ею проблема регионализма; школа взаимозависимости (Г. Спино, М. Кэмпс, Л. Блумфилд); школа разрешения конфликтов (Т. Шеллинг, П. Смокер, Дж. Воеводский, М. Сингер и др.), в фокусе которой находятся международные конфликты и кризисы; исследования проблем мира (К. Булдинг, А. Раппопорт, Р. Норт, А. Этциони и др.), школа перцепции⁵ (Э. Эринсон, Дж. Стоссинджер, О. Клайнберг, Ф. Гринстайн и др.).

Теоретико-методологические искания американских буржуазных исследователей отражают и обобщают прежде всего практику империалистической внешней политики. Уже в силу этого факта многочисленные теоретические конструкции и схемы, несмотря на содержащиеся в них рациональные моменты, не приближают и не могут приблизить к созданию стройной и монолитной теории международных отношений и внешней политики. Эти конструкции и схемы доказывают свою научную бесплодность при соприкосновении с международной действительностью. Советский исследователь этого вопроса В. Ф. Петровский справедливо констатирует в этой связи: «Причина безрезультатности теоретико-методологических поисков состоит не в том, что исследование международных отношений преимущественно осуществляется методами, позаимствованными либо из других общественных, либо из естественных и инженерно-технических наук, хотя заимствова-

⁵ Теория перцепции оперирует понятием «перцепция», введенным в научный оборот немецким ученым и философом Г. В. Лейбницем и означавшим чувственное восприятие вещей в сознании. Согласно этой теории, мысленно созданные определенным государством образы (имэджи) другой стороны имеют во внешней политике большее значение, чем сами реальности.

ние методов, равно как приемов и методики исследования других наук, имеет в американских условиях гипертрофированную форму. Корни научной бесплодности лежат гораздо глубже... Уход американских буржуазных теоретиков в сторону от анализа классовых, социальных факторов, их стремление, хотя и не всегда осознанное, воспрепятствовать исторически необратимому процессу социальных перемен в мире не дают им возможности проникнуть в сущность явлений, оставляют вне сферы научного познания основные закономерности мировой политики»⁶.

Признавая в общем и целом, что не балансирование на грани войны, а переговоры по нерешенным вопросам, не конфронтация, а мирное сотрудничество являются «категорическим императивом» международных отношений наших дней, буржуазная внешнеполитическая мысль остановилась как бы на пороге: она не раскрывает существующих потенциальных возможностей использования дипломатии и ее важнейшего средства — переговоров сообразно задачам разрядки международной напряженности. Современные буржуазные взгляды на переговоры отягощены представлениями прошлых веков, наследием «холодной войны». В них предпринимаются попытки увязать развертывание дипломатической активности с наращиванием ее силового обеспечения, сохранить и даже развить в дипломатии методы политического нажима и угроз.

Для разъяснения существа переговоров американские авторы в своих исследованиях применяют постулаты математической теории игр, которая имеет целью выявление наиболее рациональной линии поведения в различных ситуациях, в том числе и в международной⁷.

Согласно этой теории, все игры делятся на два типа: а) игры с нулевой суммой, в которых выигрыш одного участника точно равен проигрышу другого, и поэтому сумма выигрышей равна нулю; б) игры с ненулевой суммой, в которых никто не выигрывает и не проигрывает, причем игроки больше выигрывают и меньше проигрывают, если они сотрудничают друг с другом.

«Выигрыш одного точно равен проигрышу другого» — казалось бы совершенно оторванная от современной действительности концепция. Но «игры с нулевой суммой» имеют место не только в кабинетах американских политиков.

⁶ Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976, с. 170—171.

⁷ Теория игр впервые была сформулирована как математическая дисциплина в книге Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970.

Залучыць для сябе абсалютныя перавагі, у параўнанні з іншым удзельнікам перамоў, — разам не на гэтым будуцца прэславутыя «нулевай» і «промежуточны» варыянты прэзідэнта Р. Рэйгана адносна ядзернага зброі сярэдняй далёкасці ў Еўропе?

Тэорыя гульняў ісходзіць з таго прадпаложэння, што кожны з удзельнікоў любога гульняў назапашае рашэнне аб спосабах свайго паводзення ў ходзе гульняў і ведае гульню ў адпаведнасці з існуючым у яго планам дзеянняў, іменуемым стратэгіяй, а таксама з улікам існуючых правілаў гульняў.

Найбольш выгадным для сябе вынікам удзельнік гульняў атрымае ў залежнасці ад таго, насколькі яму ўдадзецца вызначыць план дзеянняў (стратэгію) іншай бокі і з улікам гэтага наметыць аптымальны варыянт свайго стратэгіі.

Абсудзіўшы тэорыю гульняў, амерыканскія аўтары ўтверджаюць, што, вступаючы ў перамоў, іх удзельнікі вызначаюць сваю мэта (гульняў з нулевай ці ненулевай суммай) і адпаведна гэтаму імкнуцца знайсці аптымальную стратэгію. У перыяд «халоднай вайны» ў якасці найбольш рэчаіснай мадэлі амерыканскімі тэарэтыкамі⁸ аб'яўляліся перамоў тыпу гульняў з нулевай суммай, што азначала на практыцы навазвыжанне волі адной бокі іншай і выключае неабходнасць знаходжання балансу інтарэсаў.

Несоответствие применения модели игр с нулевой суммой к международным переговорам стало наглядно выявляться по мере изменения соотношения сил в мире, по мере осознания политическими руководителями Запада самоубийственных последствий развязывания ядерной войны, признания ими сфер соприкосновения интересов государств с различной социально-экономической системой.

У сваіх рэкамендацыях такія аўтары, як Т. Шеллінг, А. Раппопорт, К. Боулдинг і др., ісходзяць з таго, што перамоў павінны прадстаўляць сабой гульню з ненулевай суммай. Пры гэтым прапанаваць улічваць, што асобныя праблемы маюць характар гульняў з нулевай суммай, таму да рашэнню гэтых праблем рэкамендуецца падыходзіць не ў асобнасці, а ў сувязі, «сцепленні» з іншымі праблемамі, каб у канчатковым ліку мець месца гульню з ненулевай суммай⁹.

У гэтай сувязі дыпламатыя разглядаецца як аснованы на прызнанні агульнага інтарэса палітычны торг, у працэсе якога кожная бокі пры дапамозе свайго дзеянняў

⁸ См. *Morgenstern O. The Question of National Defence.* N. Y., 1959.

⁹ *Schelling T. The Strategy of Conflict.* N. Y., 1968; *Arms and Influence.* New Haven, 1966; *Rappoport A. Eights, Games and Debates.* N. Y., 1960; *Strategy and Conscience.* Ann Arbor, 1970; *War and Peace Industry.* N. Y., 1971.

стремится получить максимальный выигрыш за счет соперника или соперников (или вместе с союзниками — за счет третьих стран).

«Дипломатия, — пишет видный американский теоретик, профессор Гарвардского университета Томас Шеллинг, — торг; она стремится к результатам, которые, хотя и не являются идеальными для каждой из сторон, лучше для обеих, чем некоторые из альтернатив. В дипломатии каждая сторона до некоторой степени осуществляет контроль над тем, что желает другая сторона, и может получить больше путем компромисса, обмена и сотрудничества, чем путем захвата всего в свои руки и игнорирования пожеланий другой стороны. Торг может быть вежливым или грубым, содержать угрозы, равно как и предложения, допускать статус-кво или игнорировать все права и привилегии, больше исходить из недоверия, чем из доверия. Но независимо от того, вежливый или невежливый, конструктивный или агрессивный, уважительный или злобный, независимо от того, происходит торг между друзьями или антагонистами, и независимо от того, имеется ли основа для доверия и доброй воли, должны существовать некоторый общий интерес хотя бы в том, чтобы избежать взаимного ущерба, и сознание необходимости заставить другую сторону отдать предпочтение общеприемлемому результату»¹⁰.

Подход к переговорам под углом зрения игры с ненулевой суммой хотя и идет в направлении утверждения в практике переговоров методов компромисса, поиска общеприемлемых решений, в то же время сопровождается свойственной буржуазному внешнеполитическому мышлению ориентацией на шантаж и силу.

«Последовательность в дипломатии, — заявляет Т. Шеллинг, — не всегда лучший способ действий». «Могут быть, — поясняет он, — времена, когда сторона пожелает нарушить правила, отрицать любые заверения, что ее поведение предсказуемо, шокировать соперников, вывести соперника из равновесия, продемонстрировать ненадежность и вызвать соперника ответить тем же, проявить враждебность и исказить смысл дипломатического контакта или даже изыскать предлог предпринять совершенно несоответствующую акцию, представив дело так, как будто бы это является рациональной реакцией на предыдущие события. И все же это дипломатия. Существуют времена, когда нужно быть грубым, нарушать правила, действовать неожиданно, шокировать, изумлять и хитрить, демонстрировать наступательность... Существуют также вре-

¹⁰ Schelling. *T. Arms and Influence.*, New Haven, 1966, p. 1.

мена, когда, хотя в принципе было бы желательно последовать традиции и избежать неожиданностей, традиция оказывается слишком ограниченной в тех альтернативах, которые она предлагает, и тогда приходится отбросить этикет и традицию, пойти на риск непонимания и настаивать на новых правилах игры или даже на свободе действий...»¹¹.

Важным условием, которое должно обеспечить успешное проведение торга, Т. Шеллинг считает угрозу применения силы и настоятельно советует стремиться зарекомендовать себя в глазах противника как государство, способное на граничащие с безрассудством шаги. В этой связи он придает большое значение правдоподобию угрозы силой как решающему элементу в процессе воздействия на противника. «Правдоподобие угрозы, — пишет Шеллинг, — зависит от того, насколько заметна для той стороны, которой угрожают, неспособность угрожающей стороны найти рациональный выход из ситуации, если угроза не достигнет своей цели»¹².

Хотя Шеллинг и называет свой подход теорией взаимозависимых решений, по существу он сводится к навязыванию главным образом односторонних решений. Даже элементы сотрудничества рассматриваются Шеллингом специфически: это такое «сотрудничество», которое должно быть навязано оппоненту.

Игра с нулевой суммой, с ненулевой суммой — какая наукообразная, осовремененная терминология! Но что нового по существу вносит она в раскрытие смысла, целей и методов дипломатических переговоров? Главный козырь прежний — сила. Если даже не собираешься пойти с этого козыря, то блефуй. Пусть партнер постоянно опасается, что все-таки и эта карта будет пущена в ход.

Переговоры — «торг». Тоже не новое утверждение.

Ну что представляет собой дипломатия? Вы предлагаете что-нибудь, вам предлагают другое. И вы кончаете тем, что договариваетесь. Вот и вся премудрость¹³.

Эти слова принадлежат Лавалю, закончившему свою карьеру на виселице, и сказаны в январе 1935 года во время переговоров с Муссолини.

Думается, что практика дипломатических переговоров, особенно в семидесятые годы, когда в международных отношениях стали доминировать процессы разрядки, ушла значительно вперед по сравнению с теоретизированными

¹¹ Schelling T. Arms and Influence, p. 150–151.

¹² Schelling T. The Strategy of Conflict, p. 37.

¹³ См. Табуи Женеьевеа. Двадцать лет дипломатической борьбы, с. 271–272.

рассуждениями Т. Шеллинга и других близких ему по взглядам буржуазных авторов, например американского исследователя Ф. Икле¹⁴.

Двусторонним переговорам, в частности при подготовке и согласовании заключительных документов, посвящены многие страницы этой книги. Поэтому остановимся здесь на переговорах многосторонних, то есть включающих не две, а три и более сторон.

Многосторонние переговоры проводятся в рамках различного рода международных совещаний, конференций, комитетов и комиссий и т. п. Такие совещания и конференции бывают двух видов: сессионными органами международных организаций или же созываемыми по инициативе правительства (правительств) по вопросам, имеющим самостоятельное значение для государств-участников.

К числу сессионных конференций относятся ежегодные сессии Генеральной Ассамблеи ООН, сессии ее периодически собирающихся органов: ЭКОСОС, Комитета по разоружению, Комитета по мирному использованию космического пространства и др.

Особое место занимает Совет Безопасности, который функционирует как постоянно действующий орган. Его заседания созываются в любой момент, когда этого потребуют обстоятельства, поскольку Совет Безопасности несет «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» (ст. 24 Устава ООН).

Следует упомянуть о международных организациях по специальным вопросам, входящих в систему ООН. Их контакты и сотрудничество с ООН определены соглашениями, заключенными между Организацией Объединенных Наций и этими организациями. К ним относятся специализированные учреждения, такие как ЮНЕСКО, ФАО и др. (существует 14 специализированных учреждений ООН, созданных межправительственными соглашениями), а также МАГАТЭ. Руководящие органы этих организаций — генеральные конференции, полномочные конференции, просто конференции и т. п. созываются регулярно: один раз в год (МАГАТЭ), один раз в два года (ЮНЕСКО, ФАО и др.).

Несессионные международные конференции действуют на основе правил, специально выработанных их участниками и, как уже отмечалось выше, созываются для рассмотрения одного или нескольких вопросов, имеющих самостоятельное значение. Их иногда именуют также совещаниями (Совещание

¹⁴ Ikle F. How Nations Negotiated. Milwood (N. Y.), 1976.

по безопасности и сотрудничеству в Европе), переговорами (переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе), встречами (Мадридская встреча представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Помимо межгосударственных конференций, в международной практике последних лет весьма широко представлены конференции общественных сил, а также специалистов. Эти конференции чаще всего называют теперь конгрессами (конгресс миролюбивых сил, всемирный конгресс профсоюзов, международный геологический конгресс, конгресс врачей и т. п.), а также форумами (форум миролюбивых сил в Москве).

Что представляют собой на практике многосторонние переговоры (несессионные), как они организуются и проходят, какие задачи перед ними стоят и как эти задачи решаются — все это лучше познается на конкретном примере. В качестве такого примера возьмем Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Его инициатором явились социалистические страны, активно поддержавшие в 1966 году предложение Советского Союза о созыве общеевропейского совещания. На заседании Политического консультативного комитета в Будапеште (март 1969 г.) государства — участники Варшавского Договора приняли Обращение ко всем европейским странам, в котором был поставлен вопрос о практической подготовке созыва Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Но прежде чем наступил этот момент, потребовались многолетние консультации и переговоры, в том числе на высшем уровне, со многими потенциальными участниками. Лишь после достижения соответствующего взаимопонимания вопрос о созыве совещания приобрел реальное значение. Правительство Финляндии разослало приглашение на совещание всем европейским странам, США и Канаде.

Формальному началу общеевропейского совещания, его официальному открытию предшествовали многосторонние подготовительные консультации в Хельсинки (с 22 ноября 1972 г. по 8 июня 1973 г.). В них участвовали представители всех 35 стран-участниц. В ходе этих консультаций, проводившихся на уровне послов, были подготовлены проекты заданий, призванных очертить тематику и направления предстоящих переговоров, проект повестки дня и разработаны правила процедуры. Все это составило заключительные рекомендации консультаций в Хельсинки, называемые в дипломатическом обиходе «Синей книгой».

Повестка дня общеевропейского совещания охватывает широкий спектр проблем: политических и международно-правовых, военных, экономических, гуманитарных. Учитывая объем и многоплановость тематики, своеобразие методов переговоров, правительства государств-участников решили положить в основу работы трехступенчатую схему и провести Совещание в три этапа.

Первый этап совещания — на уровне министров иностранных дел — состоялся в Хельсинки 3—7 июля 1973 г. Министры изложили позиции своих стран по принципиальным вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, определили задачи работы второго этапа совещания, одоблив «Синюю книгу».

18 сентября 1973 г. заседанием Координационного комитета в Женеве начался второй этап — на уровне заместителей министров, начальников департаментов МИД, послов (каждая страна сама определяла уровень своего представительства).

Главная задача второго этапа состояла в подготовке согласованных проектов заключительных документов совещания. Это этап черновой дипломатической работы, в ходе которого на основе разработанных в Хельсинки рекомендаций велись поиски общеприемлемых положений и формулировок по всем пунктам повестки дня. Работа второго этапа продолжалась 22 месяца и 3 дня. Она закончилась 21 июля 1975 г. полным согласием по всем текстам, включенным в Заключительный акт.

Третий этап — на высшем уровне политической ответственности — состоялся снова в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 г.

Такова общая схема работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая проходила в три этапа. Уровень представительства на каждом из них определялся характером и важностью рассматриваемых проблем.

Проведение заключительного, кульминационного этапа общеевропейского совещания на высшем уровне подняло его политическую значимость, придало особую силу принимаемым договоренностям. Подписание Заключительного акта высшими руководителями 33 европейских государств, а также США и Канады означает, что этот документ, не будучи международным договором, в то же время представляет собой высокую форму политических обязательств государств и имеет особое политическое значение и моральную силу.

Многоступенчатая организация работы совещания, различные задачи, решаемые на каждом из его этапов, предопределили дифференцированный подход к вопросу о характере заседаний — открытом или закрытом. Заседания первого этапа

(кроме одного) были публичными. Заседания органов второго этапа были закрытыми. (В правилах процедуры содержалась, однако, оговорка, что участники могут принять иное решение. И иногда перед началом делового обсуждения на заседания Координационного комитета или после его завершения допускались представители прессы и телевидения.) Третий этап (церемония открытия, выступления глав делегаций, церемония подписания и закрытия) был публичным.

В соответствии с общепринятой практикой делегации на официальных заседаниях размещались в алфавитном порядке. Участники совещания избрали для этих целей французский алфавит.

На первом и третьем этапах председательствование осуществлялось поочередно на каждом заседании в определенном порядке в соответствии со списком стран, составленным путем жеребьевки. На втором этапе председательствование во всех рабочих органах осуществлялось на основе ежедневной ротации в порядке французского алфавита, начиная с буквы, однажды определенной жеребьевкой.

На первом и третьем этапах порядок выступлений, как и порядок председательствования, определялся путем жеребьевки.

На втором этапе запись выступающих производилась председателями рабочих органов по мере поступления соответствующих заявок.

Кроме выступлений по существу рассматриваемого вопроса, в ходе обсуждения любой представитель имел право попросить слово по порядку ведения (*point of order*), и председатель был обязан немедленно предоставить ему слово. Правила процедуры предусматривали, что «представитель, который выступает по порядку ведения, не может говорить по существу рассматриваемого вопроса». Слово по порядку ведения — это могучее орудие на переговорах, так как предоставляет немедленную возможность высказаться. Умелое пользование *point of order* помогает направить переговоры в желательное русло.

На всех трех этапах общеевропейского совещания велся журнал заседаний, в котором перечислялись дата, часы и место заседания, принятые решения. На первом и третьем этапах велись стенографические отчеты заседаний.

На втором этапе ввиду его сугубо делового, рабочего характера не велись официальные стенографические отчеты заседаний его рабочих органов, и дело ограничивалось изданием журнала без указания имен выступавших ораторов.

Помимо делегаций государств-участников на начальном и

заключительном этапах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в качестве почетного гостя присутствовал и выступал с краткой речью Генеральный секретарь ООН.

Своеобразной формой причастности к общеевропейскому совещанию являлись так называемые «вклады». Эта новая в практике международных конференций форма возникла при подготовке совещания как компромисс между теми, кто стремился включить в состав участников средиземноморские государства, и теми, кто усматривал в участии этих стран опасность того, что это уведет совещание в сторону от решения главной задачи — обеспечения безопасности и развития сотрудничества в Европе. «Вклады» означают доведение до сведения совещания точек зрения некоторых неучаствующих государств и международных организаций по отдельным вопросам, подпадающим под повестку дня. В ходе второго этапа «вклады» были сделаны неучаствующими средиземноморскими государствами (Алжир, АРЕ, Израиль, Марокко, Сирия, Тунис), а также генеральным директором ЮНЕСКО и исполнительным секретарем Европейской экономической комиссии ООН.

Своей спецификой отличалась и организация работы на каждом из этапов совещания.

На первом этапе работа проходила на пленарных заседаниях. Рабочая группа из представителей всех делегаций создавалась только для выработки коммюнике.

Все заседания третьего этапа были пленарными.

Сложную организационную структуру переговоров имел второй этап.

Направляющим центром его деятельности являлся Координационный комитет, периодически собиравшийся на заседания на уровне глав делегаций. Применительно к трем пунктам повестки дня были созданы три комиссии: первая, занимающаяся вопросами безопасности; вторая — по экономическому и научно-техническому сотрудничеству и третья — по сотрудничеству в гуманитарных и других областях. Каждая из этих комиссий имела свои подкомиссии.

В рамках первой комиссии функционировали две подкомиссии: по принципам отношений между государствами (1), по мерам укрепления доверия (2) и специальный рабочий орган, занимавшийся некоторыми вопросами по претворению принципов отношений в жизнь.

Во второй комиссии имелось пять подкомиссий: по развитию торговли (3), по промышленному сотрудничеству (4), по науке и технике (5), по окружающей среде (6) и по сотрудничеству в других областях (7).

В третьей комиссии — четыре подкомиссии: по контактам между людьми (8), по информации (9), по культуре (10) и по образованию (11).

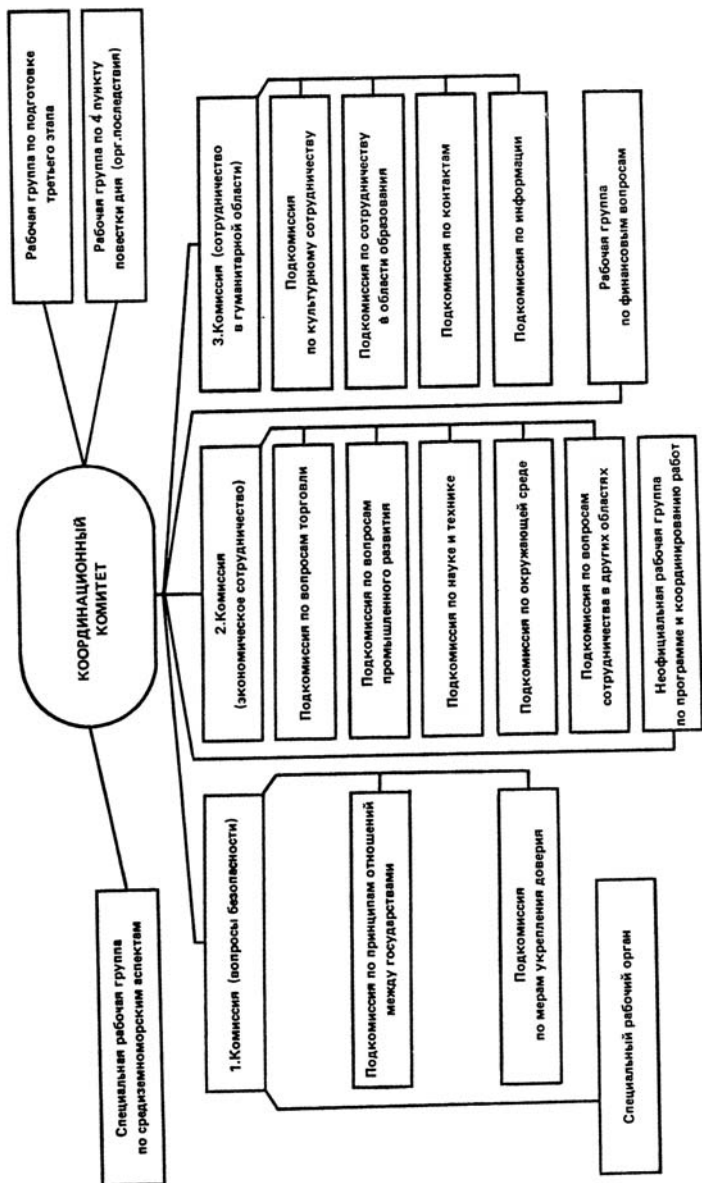
Четвертым пунктом повестки дня — «Дальнейшие шаги после совещания», занималась специально созданная с этой целью рабочая группа Координационного комитета. Кроме того, несколько рабочих групп ведало организационно-финансовыми вопросами. Общее число комиссий, подкомиссий и рабочих групп составляло 20.

Приведенная схема рабочих органов позволяет нагляднее представить весь этот разветвленный механизм переговоров (см. стр. 231).

Знакомясь с этой схемой, нетрудно представить себе, сколько практических вопросов организации и регулирования хода переговоров возникало перед каждой делегацией, перед каждой столицей, контролирующей и направляющей деятельность своих представителей.

В каком состоянии находятся переговоры в том или ином рабочем органе, на какой точке они споткнулись, как устранить препятствие, мешающее согласованию данного текста, каковы в целом перспективы дальнейшего хода переговоров? Только точная, взвешенная информация с места переговоров, информация, не утопающая в мелочи, а выделяющая основное, может дать ответы на подобные вопросы. Следовательно, и работа делегации должна быть организована таким образом, чтобы на каждый момент переговоров была четкая цельная картина, охватывающая положение во всех рабочих органах, все неофициальные контакты и существенные беседы с представителями других делегаций, подспудные опасности, вызревающие возможности согласия. И только при наличии такой ясности как в суммарной оценке течения переговоров, так и их деталей (вплоть до запятых в отдельных важных формулировках) возможно регулирование деятельности представителей в различных рабочих органах, с тем чтобы каждый из них, учитывая своеобразие тактической обстановки, проводил единую линию, определенную для делегации указаниями Центра.

...А сегодня-завтра снова заседание, снова беседы и встречи. На них надо занять позицию, высказать соответствующие соображения. Придется выступать по ходу заседания, без составленного заранее текста. Просто надо будет попросить слово у председательствующего, нажать на зеленую кнопку и высказать в микрофон мнение делегации по обсуждаемому вопросу: согласие, полусогласие, оговорки, сомнения, возражения. Разумеется, сделать это следует аргументированно, корректно. А эти высказывания синхронно переводятся на

остальные рабочие языки. Их слушают другие делегации, на них отвечают. И снова надо защищать свою позицию, находить дополнительные аргументы и обоснования, парировать заявления оппонентов, вносить предложения...

Организационная структура второго этапа совещания давала возможность всестороннего и кропотливого рассмотрения довольно широкого круга проблем, затрагивающих по существу все основные аспекты обеспечения безопасности и развития сотрудничества в Европе. Рассмотрение это велось на действительно многосторонней основе, с участием в каждом рабочем органе всех 35 государств, представленных на совещании. (Некоторые государства, такие как Мальта, Люксембург, Лихтенштейн, Ватикан, имели слишком малочисленные делегации, чтобы одновременно быть представленными во всех рабочих органах, и участвовали только в тех из них, которые представляли для этих стран специальный интерес, или же в наиболее важных заседаниях отдельных рабочих органов, разумеется, по собственному выбору.)

Работа второго этапа характеризовалась насыщенным темпом заседаний — нередко 6—8 заседаний рабочих органов в день. Как правило, заседания проходили в утреннее (с 10.30 до 13.00) и дневное время (с 15.30 и до 18.00). Временные рамки, однако, далеко не всегда соблюдались. При завершении работы второго этапа обычным явлением были ночные заседания, начинавшиеся в 20.00 и завершавшие свою работу нередко в 2—3 часа утра следующего дня.

Всего состоялось около 2500 официальных заседаний, в том числе: Координационного комитета — 83, первой комиссии — 47, подкомиссий 1 и 2 — соответственно 337 и 247, специального рабочего органа—168; второй комиссии — 85, подкомиссий 3, 4, 5, 6 и 7 — соответственно 170, 103, 104, 50 и 99; третьей комиссии — 52, подкомиссий 8, 9, 10 и 11 — соответственно 186, 185, 183 и 155 заседаний. Специальная группа по четвертому пункту повестки дня провела 78 официальных заседаний.

Было рассмотрено около 4700 проектов, внесенных различными делегациями, не считая вариантов формулировок, которые тоже были предметом переговоров и которые нередко имели большее значение, чем проекты, официально регистрируемые. Но их было бесчисленное множество.

Наряду с официальными заседаниями для работы над текстами проводились неофициальные заседания на одном из рабочих языков в более непринужденной обстановке, иногда в полном составе, иногда с участием только наиболее заинтересованных сторон.

Заседание, даже называемое неофициальным, — это все-таки организованная форма переговоров: заранее назначаются время и место его проведения; определяется круг участников. Но при больших переговорах всегда есть потребность в еще менее «официализированных» обменах мнениями. В этих целях широко используются приемы, завтраки, обеды, совместные прогулки, как бы случайные встречи в кулуарах.

Около 500 дипломатов различных стран, представленных на втором этапе общеевропейского совещания в Женеве, были весьма внимательны к такого рода контактам других делегаций, поскольку хорошо знали по собственному опыту, что там-то и намечаются сценарии, которые затем будут разыгрываться на неофициальных и официальных заседаниях...

Во всех рабочих органах второго этапа согласование текстов документов по существу велось с чистого листа. Сначала обсуждалось, с чего начать работу над соответствующим разделом заключительного документа — с преамбулы или постановляющей части. Затем достигалась договоренность о перечне элементов, которые должны быть отражены в соответствующей части документа. По формулировкам отдельных элементов иногда предлагалось 50—70 проектов.

Разумеется, каждый из рабочих органов совещания занимался составлением и редактированием лишь той части текста заключительного документа, которая ему поручена. Методы такой работы в тех или иных рабочих органах различались между собой. Они диктовались соображениями как политической целесообразности, так и практического удобства. Например, подкомиссия по принципам отношений между государствами начала с формулирования самих принципов, оставив на последующее преамбулу и другие части документа. Подкомиссия по окружающей среде, напротив, начала с выработки преамбулы.

Из всей этой мозаики текстов и формулировок сложился к моменту окончания второго этапа цельный проект Заключительного акта.

Одним из главных правил процедуры, определяющих и характер и условия переговоров, был консенсус. В «Синей книге» консенсус определяется как «отсутствие какого бы то ни было возражения, высказанного каким-либо представителем и выдвигаемого им как представляющее препятствие для принятия решения по рассматриваемому вопросу». Это значит, что разрабатываются такие решения, с которыми могут согласиться все участники совещания. Один против — и согласия нет, формулировка не принимается. Достигнутое согласие

обязывает всех участников. В некоторых случаях участники, соглашаясь в целом с существом согласованного решения, т. е. не препятствуя консенсусу, делали в протокольной записи оговорки, которые представлялись им важными на текущий момент переговоров. Впоследствии эти оговорки или снимались, или отмирали сами собой по ходу переговоров.

Использование консенсуса призвано служить тому, чтобы не допустить навязывания государствам чужой воли с помощью механического большинства. В то же время правило консенсуса содержит в себе потенциальные возможности злоупотребления им со стороны тех, кто стремится оттягивать, тормозить принятие договоренностей, чинить препятствия достижению согласия. При отсутствии должного чувства ответственности может возникнуть соблазн агрессивного использования консенсуса, доведения его до абсурда. Такие случаи бывали...

Но вернемся снова к «кухне» переговоров.

Итак, для того чтобы та или иная фраза, формулировка могла бы быть включена в проект Заключительного акта, необходимо отсутствие возражений против этой фразы, формулировки кого-либо из участников. Пишется она 35 перьями. Это само по себе дело сложное, особенно когда эти перья принадлежат не единомышленникам, а представителям государств с различным общественным строем, идеологией, расходящимися внешнеполитическими интересами, разговаривающими на разных языках. Но вот, кажется, найдена формула, устраивающая почти всех. Почти... А три, две или одна делегации не снимают своих возражений, сомневаются. Консенсуса нет.

Чтобы попытаться преодолеть тупик, предлагается «кофе-брейк» — перерыв в заседании на кофе. Это — одно название, чисто условное. Никто кофе в перерыве не пьет. Он используется для интенсивных неформальных переговоров. Представители различных делегаций снуют по кулуарам, встречаются друг с другом, собираются группами, ищут варианты, оттенки почти готовой формулировки. Разрабатываются сценарии поведения делегаций на заседании: какая делегация внесет подправленную формулировку, какие делегации ее поддержат, какие промолчат, какие выдвинут возражения, а затем их снимут в подходящий момент, чтобы открыть путь к консенсусу. Без таких тщательно подготовленных и основывающихся на взаимном доверии сценариев многосторонние переговоры были бы лишены той пружины, которая подталкивает их к успеху.

Может быть, сегодня, а может быть, через неделю, через

месяц возникшую трудность удастся преодолеть. И продолжается чередование заседаний — официальных, неофициальных, «кофе-брейков».

Опыт второго этапа общеевропейского совещания говорит о том, что вне рамок формальных заседаний чаще всего удавалось найти общеприемлемое решение, выработать сценарий, который наконец-то сработает. Консенсус кулуарный, как правило, предшествовал консенсусу официальному, регистрируемому ударом председательского молотка на заседании.

На Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (на всех трех этапах) рабочими языками, кроме русского, являлись также английский, французский, испанский, немецкий и итальянский.

Устные (синхронные) переводчики, находясь в кабинах в зале заседаний, обеспечивали одновременный перевод выступлений на все 6 рабочих языков. Дело это непростое, требующее высокой языковой квалификации и определенного знания предмета переговоров. Ведь от степени точности перевода зависит, как поймут оратора другие участники. В результате неточности перевода, неряшливости в терминологии может возникнуть искаженное представление о высказанном мнении, о внесенном предложении. Особенно важна точность перевода — и по смыслу, и по лингвистическим оттенкам — на стадии выработки формулировок. Иначе на переговорах возникнет путаница, потребуется немало времени и сил, чтобы устранить недоразумения, появившиеся в результате оплошностей в переводе.

Когда же дело доходило до текстов, включаемых в проект заключительного документа, то их переводы на всех рабочих языках сопоставлялись по многу раз, с тем чтобы была обеспечена их языковая эквивалентность. Этим занимались не только переводчики, но и ответственные представители делегаций, в совершенстве владеющие соответствующими языками.

Международный секретариат общеевропейского совещания проводил всю подготовительную вспомогательную работу и обеспечивал в техническом отношении нормальное функционирование переговоров на всех трех этапах.

В его задачи входил весь комплекс организационно-технического обслуживания переговоров (подготовка документации, размножение материалов, в том числе проектов решений, синхронные устные и письменные переводы, протокольные записи и т. п.).

В отличие от других международных конференций секретариат общеевропейского совещания (общая числен-

ность — 350 человек) был в основном сформирован не на универсальной основе. Он состоял из граждан Финляндии и Швейцарии — государств, на территории которых проходило это совещание. Исполнительным секретарем первого и третьего этапов в Хельсинки был представитель Финляндии, а второго, в Женеве, — представитель Швейцарии. Укомплектование секретариата за счет финских и швейцарских граждан не распространялось, однако, на вспомогательные переводческие службы, куда набирались граждане из других стран со знанием рабочих языков. Так, весь персонал устных и письменных переводчиков с русского языка состоял исключительно из советских граждан. Советская часть секретариата насчитывала 30—35 сотрудников.

Такова картина того, как велись переговоры на трех этапах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Эта картина была бы неполной, если не иметь в виду еще некоторые существенные моменты.

Такой форум, как совещание на высшем уровне в Хельсинки, представлял редчайшую возможность для двусторонних встреч руководителей 35 стран, для обмена мнениями между ними по важнейшим международным проблемам. Разумеется, эта возможность широко использовалась. Так это «нерабочее» время, то есть время, свободное от официальных заседаний, было очень и очень рабочим, ибо именно тогда происходили важные встречи, беседы. Поскольку заседания третьего этапа были публичными, напряженной работы требовало его достойное освещение средствами массовой информации — прессой, телевидением, кино.

Как уже подчеркивалось, исключительно важная сторона любых переговоров — оперативное, точное информирование своей столицы об их ходе, о позициях различных стран-участниц, о возникающих сложностях, о намечающихся развязках. Это особенно необходимо потому, что в наши дни переговоры по крупным международным вопросам не замыкаются только на деятельности представителей стран на этих переговорах. Напротив, главные линии переговоров проходят через столицы стран-участниц, через контакты между ними. Именно так обстояло дело в ходе общеевропейского совещания. Мощные политические импульсы, двигавшие вперед его работу, рождались в результате встреч на высшем уровне, переговоров министров иностранных дел.

Положение дел на тех или иных переговорах становится предметом рассмотрения высших политических и государственных деятелей заинтересованных стран не только при их непосредственном общении (во время визитов, деловых встреч).

Передача от их имени соображений через послов в соответствующих столицах, обмена личными посланиями служат тем же целям. В поддержании диалога на расстоянии большую роль приобретают публичные выступления руководящих деятелей. Иногда это — сигналы согласия или ориентиры к раскрытию новых возможностей, иногда — полемика или предостережения. Но всегда это хорошо взвешенное, авторитетное слово, которое тщательно изучают и анализируют в других столицах, слово, которое дает пищу для размышлений.

Развитие средств техники и связи оказало и оказывает значительное влияние на способы ведения дипломатических дел.

Новшеством сравнительно недавних лет стали, например, «горячие» линии связи, позволяющие установить мгновенный контакт между некоторыми столицами крупных государств в случае возникновения конфликтных ситуаций. А не могут ли в будущем существовать более постоянные линии связи, приспособленные для того, чтобы деятели, несущие высшую политическую ответственность в своих государствах, обменивались мнениями между собой по текущим международным вопросам по мере возникновения потребности в таких обменах мнениями? Разве это не облегчало бы ведение международных дел, не способствовало бы устранению недоразумений и лучшему пониманию позиций и взглядов друг друга, не ускоряло бы нахождение соответствующих решений? И так ли фантастично выглядит возможность, что когда-нибудь международные совещания и конференции смогут проводиться также и без выезда руководящих деятелей из своих столиц — при помощи видеотелефонов? Загадывать трудно. Несомненно, однако, что научно-техническая революция в сочетании с развитием разрядки и плодотворного международного сотрудничества будет обновлять технические, а вслед за ними и политические возможности ведения переговоров.

Специального внимания заслуживает вопрос об инициативе в переговорах. Когда государство или группа государств выступают с хорошо обоснованным, реалистическим предложением созвать международное совещание, организовать переговоры по определенной тематике, то они захватывают инициативу. Это дает важные политические преимущества.

Прежде всего это позволяет ставить в порядок дня именно те вопросы и проблемы, которые, по мнению государств-инициаторов, являются наиболее животрепещущими, значительными, созревшими для решения. Когда эти вопросы и проблемы отвечают устремлениям народов, понятны им, то инициатива находит широкую поддержку в мировом обще-

ственном мнении. Переговоры оказываются в фокусе общественного внимания, средств массовой информации, в различных странах активизируются политические силы и круги, партии и организации, выступающие с позиций мира, разрядки, честного сотрудничества. Все это — весьма существенный фактор, благоприятствующий положительному исходу переговоров.

Далее. Инициатива в созыве переговоров и постановке вопросов для обсуждения на них предопределяет, что на протяжении всего их хода страны-инициаторы ведут дело с особой силой убежденности, активно, наступательно.

Но выступление с инициативой имеет и некоторые минусы тактического порядка. Если государства-инициаторы не скрывают и, естественно, не должны скрывать заинтересованности в успехе своей инициативы, то другие участники переговоров нередко пытаются использовать это. Они завышают ставки в переговорах, вызывают искусственное топтание на месте. Империалистическая дипломатия отнюдь не чуждается подобных приемов. Попытки выжимать то, что выходит за меру возможного и реального, неизменно дают осечку, но представители империалистических государств прибегают к ним вновь и вновь.

В целом следует признать, что плюсы проявления инициативы в постановке крупных международных проблем, в созыве соответствующих совещаний и переговоров значительно перевешивают указанные минусы, которые, собственно, и образуются-то в результате склонности некоторых государств к мелкому дипломатничанью вместо проведения серьезной, ответственной дипломатии.

Активность социалистических стран на международной арене способствует тому, что обогащаются приемы и методы социалистической дипломатии, совершенствуется координация ее усилий. Так, в ходе всех трех этапов общеевропейского совещания социалистические страны-участницы выступали активно, проводили совместную линию на обеспечение максимальной продуктивности переговоров, на достижение весомых результатов. В ходе различных многосторонних переговоров последних лет, чаще всего сложных, напряженных, в борьбе за осуществление важных предложений, выдвигаемых в ООН и в других международных форумах, социалистическая дипломатия проходит дополнительную закалку, неуклонно повышая свою коллективную дееспособность и влияние на весь ход международных дел.

На переговорах возникают дополнительные сложности, если кто-то из их участников чересчур уповает на эффектив-

ность своих тактических средств. Соображения тактического порядка нередко настолько гипнотизируют авторов тех или иных замысловатых ходов на переговорах, что они сами становятся их жертвами. Раздувается полемический пыл, перед собственными столицами ангажируются в том, что выполнить потом не удастся. Так, в частности, было на втором этапе общеевропейского совещания. Некоторые делегации, стоявшие в ходе переговоров на максималистских позициях, строили свои тактические расчеты на том, что им удастся добиться своего «под занавес» переговоров, устроив дипломатический «торг в последнюю ночь». Подобного рода тактика загоняет в угол тех, кто к ней прибегает. В результате оказывается, что на завершающей стадии переговоров они вынуждены сбрасывать балласт своих максималистских заявок.

Если кто-либо из участников переговоров пытается выступить с позиций, которые могут быть расценены другими участниками как предваряющие заранее результаты переговоров, как «предварительные условия», тогда исчезает сама материя переговоров. Переговоры перестали бы быть переговорами равноправных участников, а превратились бы в диктат одной стороны. Разумеется, социалистическая дипломатия, не прибегая сама к методу «предварительных условий», внимательно следит за тем, чтобы и ее партнеры по переговорам держались подобающим образом.

Переговоры — тончайшая ткань дипломатии. Их нити проходят через точки соприкосновения и полюса отталкивания, вызывая циркуляцию едва уловимых токов между собеседниками, а по существу между государствами. Если бы существовал способ «снимать кардиограмму» переговоров, то расшифровывать ее могли бы лишь те, кто сам находился в их гуще, кого пронизывали эти токи. Со стороны же — просто беседа, иногда с шутками, иногда с металлическими нотками, и всегда ровная, основательная.

Вот как вспоминает о встрече в Заславле между Л. И. Брежневым и Ж. Помпиду (январь 1973 г.) тогдашний начальник канцелярии французского президента, а впоследствии министр иностранных дел Франции М. Жобер. Он отмечает, что он начинал привыкать к международным конференциям, к дипломатическим переговорам. «Обычно там ничего не происходит. Каждый излагает позицию, уже прекрасно известную собеседнику. И это может продолжаться неопределенно долго. Я высказал свое удивление Жан-Бернару Реймону, дипломатическому советнику, ныне послу в Рабате. Этот очень уравновешенный человек ответил мне: «Переговоры — это статическое исследование, которое не ведет ни к какому

изменению. Поэтому движение даже мельчайшей пылинки становится захватывающим». И с тех пор я стараюсь ловить движение пылинок. Леонид Брежнев показался мне еще более, чем Жорж Помпиду, приспособленным к этой неуловимой игре слов и предложений»¹⁵.

Суждениям М. Жобера свойственна экстравагантная манера выражения. То, что он называет «движением пылинок», помогало поднимать целинные пласты политики разрядки. Советско-французская встреча на высшем уровне в Заславле сыграла, в частности, серьезную положительную роль в обеспечении созыва общеевропейского совещания.

При ведении переговоров идет непрерывный процесс прощупывания позиций участников. Каковы еще не выявленные возможности партнера и как их совместить с собственными, еще не использованными и не известными партнеру (партнерам) резервами, чтобы поначалу, хотя бы приблизительно, пунктирно обозначить рамки предполагаемой договоренности? А если промах? Если ты приоткрыл какую-то заветную часть позиции своего правительства, а другая сторона не ответила тем же? Что с воза упало, то пропало. Высказанный единожды намек не прозвучит во второй раз. Он будет восприниматься как уступка, которая уже сделана...

Поэтому взаимное зондирование намерений, позиций участников переговоров совершается с большой осторожностью, постепенно, многоступенчато. Недаром говорят, что переговорщикам требуется терпение часового мастера и филигранность ювелира.

Пусть читатель попытается представить себя в положении человека, ведущего переговоры, несущего ответственность за их исход. Может быть, он испытает тогда примерно следующую гамму предположений, сомнений, чувств. Тебя подмывает приоткрыть позицию, сделать намек, полунамек на возможность, несколько отличающуюся от прежнего подхода к вопросу. Подмывает чуть-чуть конкретизировать позицию, внести нюанс в формулировку. Может быть, это продвинет переговоры. Но ты знаешь, что и партнера подмывает к этому же. И ты знаешь, что он знает, что тебя подмывает сделать такой шаг. И он знает, что ты знаешь, что его подмывает. Где же конец этому, казалось бы, замкнутому кругу: «ты знаешь, что он знает», «он знает, что ты знаешь»?

Только опыт, интуиция подскажут и выбор момента — кому приоткрыться первым, и размеры этого приоткрытия — насколько двинуться навстречу другой стороне (сторонам) в

¹⁵ *Robert Michel. Mémoires d'avenir. P., 1974, p. 211–212.*

переговорах. Как правило, такое «приоткрытие», предвещающее возможность уступки, осуществляется в высказываниях весьма обтекаемых, чтобы в случае отсутствия взаимности со стороны партнера (партнеров) не связывать себя по крайней мере формально. Оно осуществляется дозированно, опять-таки в целях обеспечения взаимности, сохранения баланса интересов и возможностей на каждой стадии переговоров.

Может быть, один из самых существенных компонентов искусства дипломатических переговоров состоит в умении произвести подразбивку пускаемой в оборот позиции — от ее максимума до минимума, определенного установками правительства, — на возможно большее число промежуточных ступеней, подпозиций. И суть такой «подразбивки» не в создании каких-то искусственных стимуляторов дипломатического «торга», о котором столь охотно пишут буржуазные теоретики. Суть в другом. Появление каждой новой подпозиции, то есть практически нового предложения, вносит искру в переговоры, подбавляет им огоньку. Чем больше таких подпозиций-предложений, тем богаче диапазон поиска согласия, тем многообразнее собственные возможности и шире возможности у партнеров. Клавиатура переговоров как бы растягивается, и облегчается приведение к гармоничному целому (общеприемлемому результату) позиций и интересов сторон.

Крупные проблемы международной жизни не решаются быстро, тем более они не решаются сами собой. Обычно нужны время и активные, терпеливые усилия, чтобы найти их решение. И очень важно при этом иметь надежный ориентир, который не был бы поколеблен приливами и отливами в осуществлении политики разрядки. Такой ориентир может дать и дает только марксистско-ленинское учение, охватывающее процессы международной жизни во всем многообразии их диалектических противоречий и взаимосвязей, учитывающее во всей их конкретике особенности каждого данного этапа классового противоборства на международной арене, усложняющиеся условия идеологической борьбы, непрекращающиеся попытки империалистических сил вмешиваться во внутренние дела государств и народов.

И конечно же, в многосложной и многолетней борьбе за торжество политики разрядки стрелка точного политического компаса никак не может терять именно такой выверенный научным предвидением и практической деятельностью ориентир. «По нашему глубокому убеждению, — подчеркнул на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. Ю. В. Андропов, — 70-е годы, прошедшие под знаком разрядки, не были, как утверждают сегодня некоторые империалистические деятели,

случайным эпизодом в трудной истории человечества. Нет, политика разрядки — отнюдь не пройденный этап. Ей принадлежит будущее»¹⁶.

Коммунистическая партия Советского Союза всегда придавала и придает важнейшее значение научному обобщению развития международных отношений, практики внешней политики, четкому определению ее долговременных перспектив и ближайших задач, ее стратегии и тактики. Это находит свое выражение в решениях партийных съездов, пленумов ЦК КПСС, в программных документах партии, выступлениях руководителей КПСС и Советского государства. Партийные документы дают и методологический ключ к всесторонней разработке широкого спектра теоретической проблематики в области международных отношений, внешней политики, искусства дипломатии.

Широким фронтом такая работа ведется в ряде научных институтов и некоторых учебных заведениях нашей страны. В Академии наук СССР фактически сложилось самостоятельное направление исследований в этих областях. Когорта ученых-международников проводит соответствующие специальные исследования, осуществляет глубокое комплексное изучение теории международных отношений и внешней политики. Современные международные отношения рассматриваются советскими учеными в их развитии как сложная и противоречивая совокупность экономических, политических, юридических, военных, идеологических, культурных взаимоотношений между народами, государствами, системами государств с различным социальным и политическим строем, а также между другими действующими на международной арене политическими, культурными и общественными силами и организациями¹⁷.

Опираясь на теоретические выводы, сделанные партией на своих съездах, на пленумах ЦК КПСС, обобщая богатую практику международной деятельности Советского государства, советские ученые-международники подчеркивают возрастающее значение политических методов урегулирования международных проблем, предупреждения, рассасывания кризисных ситуаций. Так, академик Г. А. Арбатов пишет: «Весь ход событий подсказывает, что в наш век обеспечение безопасности может быть достигнуто не техническими, а

¹⁶ *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 22 ноября 1982 года.* М., 1982, с. 20.

¹⁷ *Международные отношения после второй мировой войны* (под ред. Н. Н. Иноземцева), т. I М., 1962; *Томашевский Д. Г.* Ленинские идеи и современные международные отношения. М., 1971; *Косолапов Р. И.* Международные отношения и социальный прогресс. — *Вопросы философии*, 1974, № 5.

политическими средствами — за счет оздоровления международной обстановки, разрядки, разумной внешней политики, ограничения гонки вооружений»¹⁸.

В какой мере переговоры выполняют сейчас такую роль в качестве одного из важнейших средств внешней политики?

Хотя на рубеже 70—80-х годов международная обстановка заметно ухудшилась, в чем повинны имперские амбиции и милитаристский курс Вашингтона, однако процессы разрядки, доминировавшие в предшествующие годы, пустили глубокие корни в международной жизни, в умах и сердцах людей. В структуре международных отношений живут фундаментальные накопления, порожденные разрядкой, такие, как обмены мнениями и встречи государственных и политических деятелей на высшем уровне, каналы многосторонних переговоров, практика политических консультаций, деятельность различных двусторонних комиссий в торгово-экономической, научно-технической, культурной и других сферах.

Как подчеркивал член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, «перемены на мировой арене, которые произошли в 70-е годы, особенно в первой их половине, подтвердили, что различия в общественном строе, идеологии, мировоззрении не являются неодолимым препятствием для поддержания между государствами нормальных, конструктивных взаимосвязей, таких, которые способствуют позитивному развитию обстановки в мире в общих интересах. Разрядка представляет собой уникальное явление в международных отношениях. Она выражает коренные чаяния народов Советского Союза, народов всех государств, их волю к миру. И все страны должны относиться к ней бережно, с предельной ответственностью, с пониманием, что процесс разрядки служит обеспечению первейшего права человека — права на жизнь.

Именно так и поступает Советское государство, преодолевая в борьбе за разрядку и мирное сосуществование воздвигаемые определенными силами на Западе завалы предубеждений, недоверия и вражды. СССР делает все возможное, чтобы практическими делами содействовать обузданию гонки вооружений, укреплению безопасности на основе углубления взаимопонимания, развития мирного сотрудничества между государствами»¹⁹.

Когда международная напряженность резко возрастает, возрастает и значимость переговоров как единственно разумно-

¹⁸ *Правда*, 1977, 5 февр.

¹⁹ *Коммунист*, 1982, № 18, с. 22

го и приемлемого для цивилизованного человечества средства урегулирования международных споров, конфликтов, рассасывания кризисных ситуаций, как канала поисков договоренностей, служащих целям ослабления военного противостояния и угрозы войны. При этом особенно важно, чтобы в должной мере учитывались и получали развитие тот опыт, те методы и способы ведения переговоров, которые уже доказали свою результативность и которые заметно обогатили и практику, и теорию современной дипломатии и международных отношений. В чем конкретно состоит учет этого ценного опыта?

Прежде всего в том, чтобы широкие интересы поддержания и укрепления всеобщего мира не приносились в жертву узкокорыстным и недалеким попыткам добиваться односторонних преимуществ, военного превосходства, нарушать принцип равенства и одинаковой безопасности, осуществлять вмешательство во внутренние дела государств и народов. Такие попытки бесперспективны. Они строятся на слепом игнорировании сегодняшних реальностей соотношения сил на мировой арене, на недооценке политических, оборонных, экономических и иных возможностей стран социализма огрadyть свои жизненные интересы.

Далее. Такой учет предполагает, что не должны возрождаться присущие худшим временам «холодной войны» дешевые уловки, когда переговоры превращались лишь в выставленную напоказ ширму для осуществления военно-промышленных программ, развязывающих новые витки гонки вооружений. Это — обман народов, общественного мнения, в том числе собственных стран, и подобные уловки в конечном счете обречены на банкротство. Наконец, несостоятельны и попытки подмены форумов переговоров форумами конфронтации, то есть подмены деловых переговоров бесплодной полемикой. Это — тоже отрыжка «холодной войны».

Выдвижение предложений, заведомо неприемлемых для другой стороны, — этим часто грешит дипломатия империалистических государств, обрекая те или иные переговоры на топтание на месте, на выхолащивание их сути — возможности достижения сбалансированных результатов, согласия. В противоположность такому обструкционистскому подходу советская внешняя политика и дипломатия выступают с инициативами и предложениями основательно и хорошо взвешенными, рассчитанными на конструктивную перспективу переговоров, на облегчение поиска развязок обсуждаемых проблем.

Принятая XXVI съездом и дополненная в послесъездовский период новыми крупными инициативами и предложениями Программа мира на 80-е годы проникнута именно таким

реалистическим подходом применительно к самым жгучим, назревшим проблемам международной жизни. Эта программа представляет собой свод конструктивных потенциальных мер, которые охватывают и обычные, и ракетно-ядерные виды оружия и которые затрагивают положение и в Европе, и на Ближнем и Среднем, и на Дальнем Востоке. И все эти меры и предложения, будь то в политической или военной областях, подчинены главной задаче — предпринять все возможное, чтобы отвести от человечества угрозу ядерной войны.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов дал лаконичную и четкую оценку международных переговоров в современных условиях:

«Для нас переговоры — способ соединения усилий различных государств ради достижения полезных для всех сторон результатов. Проблемы не исчезнут сами собой, если вести переговоры ради переговоров, как это, к сожалению, нередко бывает. Мы за поиски здоровой, приемлемой для сторон основы решения самых сложных проблем и прежде всего, конечно, проблем обуздания гонки вооружений как ядерных, так и обычных»²⁰.

Понятно, результативность переговоров по любой проблематике — будь то разоружение, региональные проблемы безопасности или мирное использование ресурсов океана — зависит прежде всего от той политической воли, с которой государства-участники пришли на переговоры. Но при наличии такой политической воли к достижению положительных результатов существенное значение приобретают и способы ведения переговоров, умение найти общий знаменатель позициям сторон.

Важные с этой точки зрения соображения принципиального порядка содержатся в выступлении Л. И. Брежнева в Хельсинки на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. «Успех совещания, — говорил глава делегации СССР, — стал возможным только потому, что его участники постоянно делали шаги навстречу друг другу, сумели, преодолевая трудности, и зачастую немалые, выработать в конце концов общеприемлемые договоренности по каждому из обсуждавшихся вопросов. Эти договоренности рождены и достигнуты не посредством навязывания взглядов одних участников совещания другим, а на основе учета мнений и интересов всех и при общем согласии.

²⁰ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 22 ноября 1982 года, с. 20—21.

Если здесь есть компромиссы, то эти компромиссы обоснованные, такие, которые идут на пользу миру, не стирая различий в идеологии и общественных системах. Точнее говоря, это выражение общей политической воли государств-участников в том виде, в каком это сегодня достижимо в условиях существования государств с различным социальным строем»²¹.

Обоснованные компромиссы, баланс интересов, являющийся выигрышем для всех участников, для дела мира и международной безопасности, — таков основополагающий подход Советского Союза к переговорам. Только такой подход позволяет преодолевать инерцию или попытки возрождения «холодной войны», налаживать нормальные, ровные отношения между государствами, сопровождающиеся определенным доверием и умением считаться с законными интересами друг друга. И только такой подход, вбирающий в себя опыт процесса разрядки и стимулирующий его, укрепляет готовность государств разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами и бряцанием оружием, а мирными средствами, за столом переговоров.

В острой международной обстановке конца 1983 года, порожденной попытками США занять доминирующие позиции в мире, курс Советского Союза по-прежнему нацелен на сохранение и упрочение мира, на разрядку напряженности, на обуздание гонки вооружений, на расширение и углубление сотрудничества между государствами. «Высвобождение материальных ресурсов, бессмысленно растрчиваемых на гонку вооружений, раскрытие неисчерпаемых творческих возможностей человека — вот что может объединить людей, вот что должно определять политику государств на рубеже XX и XXI веков»²². ... Повсюду день человека начинается с новостей. И повсюду люди живут надеждой, что день завтрашний и послезавтрашний будет приносить им новости, вселяющие уверенность в будущее, и что человечество перешагнет в третье тысячелетие в условиях надежного мира.

²¹ *Правда*, 1975, 1 авг.

²² Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова. — *Правда*, 1983, 29 сентября.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Новое в «новой дипломатии»	3
Дипломатия за письменным столом	24
Два адреса	36
В идеальном представлении...	48
Вес слова в дипломатии	60
Протокольные формулы	74
Смысловое ядро	85
Аргументационная часть	112
Часть, излагающая факты	128
Язык дипломатических документов	135
Как это делается?	158
Заключительные документы переговоров, визитов	167
Дипломаты, дипломаты...	185
Переговоры и разрядка	214

Ан. Ковалев

АЗБУКА ДИПЛОМАТИИ

Редакторы Н. В. ГЛАЗУНОВА, А. Т. МУРАТОВ
Художественный редактор В. В. СУРКОВ
Технический редактор Т. С. ОРЕШКОВА
Корректор Г. Х. СААКЯН

ИБ № 896

Сдано в набор 22.04.83. Подписано в печать 17.11.83. А 13747. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага тип № 1. Гарнитура «литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 13,13. Уч.-изд. л. 15,60. Тираж 55 000 экз. Заказ № 347. Цена 1 руб. 10 коп. Изд. № 378-Ю.

Издательство «Международные отношения». 107053, Москва, Б-53, Садовая Спасская, 20.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

1 р. 10 к.

"МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"